ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПСКОВ СТРОИТСЯ

Новый пятиэтажный дом по Октябрьской улице сдан в эксплуатацию. В нем 82 квартиры.

Подготовлен к заселению 42-квартирный дом по Пролетарскому бульвару.

В новый дом по Октябрьской улице переехала семья столяра А. И. Рябкова.

Слева: строительство пятиэтажного дома на 83 квартиры по Октябрьской улице.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Сестры Безруковы. В колхозе «Завет Ленина», Камешковского района, Владимирской области, работают пять сестер Безруковых: четверо — доярками и одна — свинаркой. Лида за перевыполнение плана выращивания поголовья свиней получила дополнительную оплату — двух поросят. Она пришла к сестрам поделиться своей радостью. На первом плане (слева направо): Зоя, Лида, Фая; на втором плане: Валя и Люся.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: По грибы.

Фотоэтюд М. Ананьина.

ОГОНЁК № 42 (1375) 18 ОКТЯБРЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЛОДЫ КОЛХОЗНОГО ТРУДА

На широкую, окаймленную садами улицу села Выровки, Конотопского района, Сумской области, выехала автомашина, нагруженная мешками с зерном нового урожая. Еще недавно ее можно было видеть в колонне других грузовиков, мчавшихся с колхозных токов на элеватор. Шла сдача хлеба государству. Сейчас машина эта движется медленно, у каждого колхозного двора она делает остановку. Наступила пора выдачи колхозникам авансов.

Много радости принес нынешней осенью колхозникам сентябрьский Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии. В числе мер дальнейшего развития сельского хозяйства СССР — снижение норм обязательных поставок. Колхозы и колхозники будут иметь больше излишков продукции для продажи ее по более высоким закупочным ценам, а также по ценам колхозного рынка. Помимо обычных авансов за трудодни, Пленум ЦК рекомендовал колхозам, по усмотрению общих собраний колхозников, выдавать авансом примерно двадцать пять процентов денежных средств, поступающих от реализации скота и продуктов животноводства. В период уборки сена и сбора соломы колхозникам и работникам тракторных бригад будут выдавать определенную часть из общего количества заготовленного сена и соломы. Рекомендовано также выдавать членам артели и работникам тракторных бригад дополнительную оплату натурой до пятидесяти процентов урожая гречихи, собранного сверх установленного для колхоза плана урожайности. Все это значительно повышает экономическую заинтересованность тружеников полей в росте урожайности.

Машина с зерном остановилась возле двора колхозника Кузьмы Николаевича Безлепкина. Первый аванс хозяин сгружает сам. По обычаю, день выдачи аванса превращается здесь в семейное торжество.

Фото Б. Кузьмина.

БЛИЗ ИВАН-ОЗЕРА

Недалеко от гипсового рудника началось строительство теплиц. Екатерина Иосифовна Елсукова (справа) и представители предприятия, шефствующего над колхозом, на площадке стройки.

Я. ФОМЕНКО

I

Косой дождь подвижным кисейным занавесом застилает огни над шахтерскими поселками.

Несколько дней стоит ненастье. Дороги окончательно раскисли.

У самого выезда на шоссе уже с полчаса бьется с распутицей четырехтонка. Судорожными рывками она пытается освободиться из цепких объятий набрякшей земли.

А дождь все льет и льет. Вспухли ручьи по балкам и овражкам. Помутнела вода в Иван-озере.

Говорят, тут из маленького озерка когда-то брал начало Дон. Потому, вероятно, и зовут его Дон-Ивановичем.

Теперь тут не озеро, а целая система водоемов. Плотины подперли воды рек Любовки и Шата. Образовался водный бассейн, очертаниями похожий на рога оленя-великана. Новый бассейн принял в себя воды Иван-озера.

...Грузовик выбросил наконец передние баллоны на шоссе. Упрямый водитель сидит в кабине! И вдруг — тишина. Заглох двигатель. Машина лениво сползает опять в грязь. И надо же!..

Погасли фары. Тьма поглотила машину. Стук стартера — и двигатель снова зарокотал. Фары вспыхнули ярче прежнего.

Еще один рывок... еще, еще...

После десятой или одиннадцатой попытки машина неожиданно легко берет препятствие и, круто завернув, с радостным подсвистыванием проносится мимо верб, склонившихся над дорогой.

— Эх, ускакал! — слышится вдогонку машине голос из темноты.

— Так он и посадит тебя! — отзывается второй голос. — Мы тут от дождя спасаемся, а он намучился, небось, как дьявол с грешниками.

Чиркнула спичка. Пламя выхватило на миг усатое лицо, робким отблеском пробежало по четырем ватникам, окрасило в красный цвет пальцы курильщика и погасло. Как след пламени, остался в темноте еле заметный глазок папиросы.

И опять послышались неторопливые слова:

— Мы, брат, с тобой придем домой, обсушимся, глотнем сто, а то и двести, смотря по вкусу... Уют. Тепло. А ему еще возить и возить...

— Да-а... — вздохнул третий. — У нас теперь только поворачивайся. Зашевелились колхозы.

Дождь припустил сильнее. Еще настойчивее зашуршало и зашипело в листве, и мелкие капли заморосили сквозь ее густую сеть. Люди теснее прижались к стволу.

— Не дает убрать картошку! — слышится опять.

— А ты в каком колхозе? — спросил куривший.

— Я? Из «Объединения». Иван-озерский...

— А-а... Хохлов у вас заправляет?

— Вона, вспомнил Хохлова! Сняли его, пропади он пропадом! Судили на днях. Сколько через него людей бросило колхоз!.. Морсков теперь у нас, Андрей Иванович, зоотехник.

— Новый?

— С весны. Если б Хохлов остался, совсем труба. Право слово! А тут, гляди, пшеницы авансом выдали, помидоров... Ремонт затеяли. Башковитый мужик! Конечно, чуда и он не достигнет. Людей маловато.

На полминуты воцарилось молчание.

— Были б у нас люди... — будто про себя проговорил снова колхозник.

— Чудес бы натворили? — не без иронии спросил курильщик.

— Чудес — не чудес, а дело пошло бы ого как! Знаешь, сколько у нас земли? Чуть не десять гектаров одной пахоты на двор. Право слово! Притом же техника. Видал, МТС на новой усадьбе строится? Завод, право слово! Кредит колхозу нужен — пожалуйста. А народ упустили. Кто из мужиков остался? Кто постарше и вот такие, как я. Много ли сделаешь одной рукой?

Если б нашу землю по всем правилам обрабатывать, половину Сталиногорска кормили бы. Мяса, молока, капусты, помидоров разве столько было бы?

— Да-а! — протянул кто-то из собеседников.

— Нам бы человек двадцать мужиков справных. Больше и не надо. А то что получается? Объездчика нанимай, электрика нанимай, шофера нанимай. Охрана, пастухи... Тысяч пять зарплаты выходит на месяц. Разве это порядок? Самый золотой председатель в тупик упрется.

— А зачем же людей отпустили?

— Зачем... Ты был в колхозе?

— Был.

— Значит, сам знаешь... На шахте тебе дали квартирку с электричеством. Так? Каждые полмесяца кассир тебе из окошка кланяется: получите, пожалуйста. Так? Магазин под боком...

— А чем же плохо?

— Кто говорит, «плохо»? Хорошо. Интерес есть. И в колхозе интерес надо соблюдать. А у нас в прошлом году на трудодень почти ничего не пришлось. Что было на подсобном, тем и жили...

— Теперь дела иначе пойдут, — послышался высокий сипловатый тенор слева. — Кое-кто вернется в деревню. С нашей автобазы двое расчет взяли. Прочитали доклад Хрущева и подались назад в Курскую область.

— Алешка Ермилов с механического тоже едет, — добавил куривший. — Шмелев Федор, Каминский Анатолий заявление подали.

— Дали бы по червонцу на трудодень, да пшенички, да мясца, того-сего, прочего. Я бы хоть сегодня пошел к вам...

— Больно много сразу — и червонцы тебе и пшенички... Поработаешь годик — больше получишь. Думаешь идти — иди сейчас. Потом поздно будет. Мы, брат, тоже гордые. Запросишься через год, а мы тебе экзамен устроим. Не всякого и примем. Были такие: в войну по городам харч плохой был — в деревню двинулись; в городе получшало — опять из деревни вон... Иди, пока зовут, слышь! Право слово! А то и от ворот поворот потом может получиться. А что ты думаешь?

На дороге послышались чьи-то шаги. Когда человек подошел совсем близко, увидели: идет женщина.

— Катерина прошагала, — тихо сказал колхозник.

— Какая Катерина?

— Председатель «Ударника». Елсукова. Бедовая. Нашего Морскова обскакала. Он только соберется что делать, а она уже вовсю развернется. Мы мечтаем о теплицах, а она уже строит. Право слово!

Шаги, удаляясь, затихли.

— Пошли, что ли? Ходят же люди...

— Пошли! — решительно произнес обладатель сипловатого тенора.

И все четверо шагнули в темноту, под дождь.

На шоссе стало безлюдно, тихо.

II

Начался день хорошо. До девяти часов свезли с поля в хранилище машин семь картофеля. Приехали шефы с гипсового рудника, договорились, что делать в ближайшие три — четыре дня. Уладилось дело со жмыхом. После постановления Пленума Центрального Комитета партии кооператоры стали куда покладистей.

Настроение у Екатерины Иосифовны было приподнятое. Вот если б каждый день так начинался!

Неприятности пошли после десяти часов. Елсукова находилась в помещении сушилки, когда ей сообщили, что сломался картофелекопатель.

Не успела она перешагнуть порог дома правления, как Тася, счетовод, прикрыв ладонью микрофон, громким шепотом сообщила:

— Вас...

Звонили из Сталиногорска. Знакомый голос требовательно спросил, отвезли ли гречиху.

— Нет еще, Борис Сергеевич... Не примут. Сырая. Даю честное слово — не примут. Зря людей и машину прогоняем. Я думаю...

Человек из Сталиногорска, очевидно, был очень нетерпелив, не дал договорить. Елсукова умолкла на полуслове. Лицо ее залилось румянцем. Держа одной рукой трубку, другой она тщетно пыталась спрятать выбившуюся из-под платка льняную прядь.

Тема разговора, вероятно, изменилась. Екатерина Иосифовна сдержанно заговорила:

— Картошку всю уберем. Пять — шесть дней... Шефы? Помогают. На ночь? Борис Сергеевич, опасно на ночь картофель в поле оставлять. Прогнозы, сами знаете... Заморозки обещают... Можно и без такого риска обойтись...

Снова левая рука ловит непослушную прядь. Как назло, она выбивается и выбивается из-под платка.

Положив трубку, Елсукова запускает руку в карман пальто. По столу, шурша, рассыпаются коричневатые и светлозеленые трехгранные зерна гречихи.

— Алексей Трофимович, примут такую гречиху?

Бригадир Мызников пожимает плечами: что, мол, спрашиваешь, сама знаешь.

Несдержанный на язык бригадир трактористов Саламатин облегчил душу крепким словцом и, чтобы не расстраиваться, вышел из помещения.

— Неужели из Сталиногорска виднее: сухая у нас гречиха или сырая? — с досадой говорит Елсукова, ни к кому не обращаясь. — Сушить будем! Срамиться не поедем!

Вошедший в помещение секретарь парторганизации Алексей Сидорович Соболев по выражению лица Елсуковой увидел, что та не в духе.

— Что случилось? — спросил он.

— Картофелекопатель сломался,— ответила Елсукова.

— Слыхал. Говорят, пустяковая поломка. К вечеру наладят.

— К вечеру... Погода устанавливается. Каждый час дорог. Ты в горком собрался? Филатова сегодня кандидатом принимают. Десятый коммунист теперь у нас будет.

Насчет шифера и цемента спроси. Обещали помочь... Мне во вторую бригаду надо съездить...

Вошла свинарка Евдокия Григорьевна Гнилова.

— Почему помидоры не забираете? — строго обратилась к ней Елсукова. — Ждете, чтоб на складе перепортились?

Гнилова смущенно улыбается. Обезоруженная ее наивно-светлой улыбкой, Екатерина Иосифовна уже мягко продолжает:

— Что же это вы? Все уже давно получили, а вы не являетесь.

Гнилова, попрежнему смущенно улыбаясь, обретает дар слова:

— Понимаешь, Осиповна, не думала, что будете выдавать. Их же солить надо, так? А мы кадушки мясом заняли. Теперь вот и думай, в чем помидоры солить. Кадушки негде купить... За этим и звали?

— Надо же рассчитаться! — отвечает Елсукова. — Только вы и остались, тетя Дуня.

— Неужели я самая богатая?!— восклицает Гнилова.

— Так получается. Выходит, пренебрегаете тем, что колхоз дает.

Гнилова протестует:

— Что ты! Скажешь такое! Не сегодня — завтра заберу, — обещает она и медленно, будто в раздумье, выходит.

III

Зайчик бежит легкой трусцой. Дорога еще не совсем просохла, и тарантасик катится мягко, точно на резиновом ходу.

Хорошо думается в поездке. Мысли сами текут одна за одной. Сколько нового в колхозную жизнь внесли решения партии и правительства, как все прояснилось! Часто мы говорим: «Как прожектором осветило». Привыкли к этим словам, пропускаем, бывает, мимо ушей. А какие это глубокие слова!

Действительно, артельное хозяйство — его сильные стороны, прорехи, неувязки, трудности — все выступило, как на экране.

Неровно, очень неровно идут дела в «Ударнике». Один участок выскочит вперед, другой тянет книзу. От свинофермы шестьдесят тысяч дохода за одно полугодие, от коней — убытки. Тимофеевка уродила на славу, зерновые «подкачали»...

Навоза накопились везде горы! Хоть бульдозером срезай. А что если достать на несколько дней бульдозер?

Трудна должность председателя колхоза. Агрономом куда легче. А тут двойные требования. Ты и специалист и народом избранный руководитель. Доверили — тянись!

Неожиданно тогда все вышло. Сошлись в феврале колхозники на отчетное собрание. Переизбирать председателя как будто никто не думал. Кулагин доклад сделал. Прения шли спокойно. Помнится, и критики резкой не было. Дошла очередь до резолюции. Поступило предложение: «Признать работу неудовлетворительной». Поставили на голосование. Все — «за». Один председатель, Кулагин, «против». Ударился в амбицию. Не нравлюсь, мол, освободите. Надеялся, будут упрашивать: останься, сделай милость! А собрание и не думало просить. Освободить? Что ж, можно и освободить. Кто — «за»? Единогласно.

Кого председателем? Катю! Елсукову! Агронома! Кто — «за»? Единогласно. Так и стала агроном Екатерина Елсукова председателем колхоза «Ударник».

...Со взгорка показалось Княгинино. Вот и мельница, припудренная мучной пылью. Около нее высоко поднял свою изящную раму стогометатель. Не довезли до МТС...

Сколько новых механизмов появилось! Тот же стогометатель. Красивая машина! А боковые тракторные грабли? Ни травинки после себя не оставляют. Трехбрусковая сенокосилка, картофелекопатель... А в постановлении столько еще незнакомых машин названо...

Елсукова издали узнала Владимира Ильича Панюкова, бригадира-полевода. Тот стоял возле женщин, полукружием расположившихся на земле. Что это они делают? А, картофель перебирают!

Из-за овощехранилища показался животновод Александр Тимофеевич Ведищев. «Сейчас вдвоем нападут,— подумала Елсукова, — шифер будут требовать».

Так и получилось. Протягивая руку, Панюков спросил:

— Как насчет шифера, Осиповна, ничего не слышно?

Председатель отрицательно покачала головой:

— Пока, говорят, нету...

— Вот обида! Посмотри сама. Прямо неловко. Конюшня под черепицей, овчарня и свинарник под шифером, а коровник под соломой. Всю картину портит.

Панюков снял шапку и погладил жесткой рукой нежнорозовую лысину. Он всегда это делает в затруднительные минуты.

— Постройка крепкая, — добавил он. — Нас не будет — она будет стоять. А крыша под соломой.

Екатерина Иосифовна прошла к свинарнику. Трое каменщиков перекладывали покосившуюся стену. Работа шла у них споро.

Да, тут, кажется, все в порядке. На Панюкова и на Ведищева можно положиться. Елсукова проверила засыпку картофеля в хранилище, посоветовалась насчет сена — как лучше сохранить от дождя, — условилась о начале уборки кормовой свеклы.

Настроение быстро улучшилось. Что значат мелкие неприятности по сравнению с радостным ощущением подъема и оживления, какие видны в бригадах, в разговорах людей, в их простых, будничных делах! Не так быстро, как хотелось бы, но все же хозяйство крепнет, выходит из состояния запущенности. Много усилий еще надо затратить, чтобы все привести в надлежащий вид и сделать действительно добротным. Сколько бы ни потребовалось этих усилий, она не отступит от своей цели. «Ударник» будет богатым колхозом!

А Панюков в который раз начинает опять разговор про лошадей. Во второй бригаде их около шестидесяти, а в хозяйстве используется от силы полтора десятка. Остальные «едоки» и содержатся круглый год без надобности.

— Были бы породистые кони, — слышит Елсукова,— а то ж простые. Я, когда был в Смоленской области, интересовался. Там, понимаешь, колхозы рады бы купить лошадей. Нельзя ли исхлопотать разрешение на продажу?

— Займемся и лошадьми, Владимир Ильич,— ответила Елсукова. — А пока вы конюхов не демобилизуйте. Будем продавать, чтоб не стыдно было в глаза покупателям глядеть...

Пора ехать. Муж, наверно, давно ждет. Приехал человек в отпуск из Германии, а жена целыми днями на работе.

Да ведь надо на площадку еще заехать, где теплицы будут строить. Шестьсот квадратных метров теплиц с паровым отоплением и две тысячи парниковых рам — шутка ли! В миллион триста пятьдесят тысяч рублей обойдется колхозу стройка.

На площадке заканчивалось рытье траншей для фундамента. Елсуковой представилось будущее здание, все из стекла, прозрачное, полное света и тепла в самые трескучие морозы. Первые колхозные теплицы в районе. Хватит ли сил поднять все это, наладить так, чтобы другие учились? Должно хватить! Дел, дел... Непочатый край!

По соседству с будущими теплицами на двадцати шести гектарах раскинулся молодой колхозный сад. Екатерина Иосифовна подошла к первому ряду деревьев. Их стволы до половины утопали в бурьянах. Молоденькие яблоньки изо всех сил боролись за жизнь, тянулись к солнцу, старались пошире раскинуть ветки. Листва на них, хоть и бледноватая, тронутая уже осенней желтизной, держалась крепко. Сад еще жил, но ему угрожала смертельная опасность.

Екатерина Иосифовна прислушалась к тихому шелесту молоденьких яблонь. Ее охватила тревога. Как же так? Сколько труда вложено в сад и его так запустили! Что ей скажут колхозники, если сад погибнет? Что скажет собственная совесть? Теплицу строим, уносимся мечтами вперед, а тут пропадает уже готовое, гибнет такое добро.

Елсукова быстро зашагала к тарантасику.

* * *

В тихий осенний день мимо скотных дворов и амбаров колхоза «Ударник» прошли тракторы. Они направились в сторону сада.

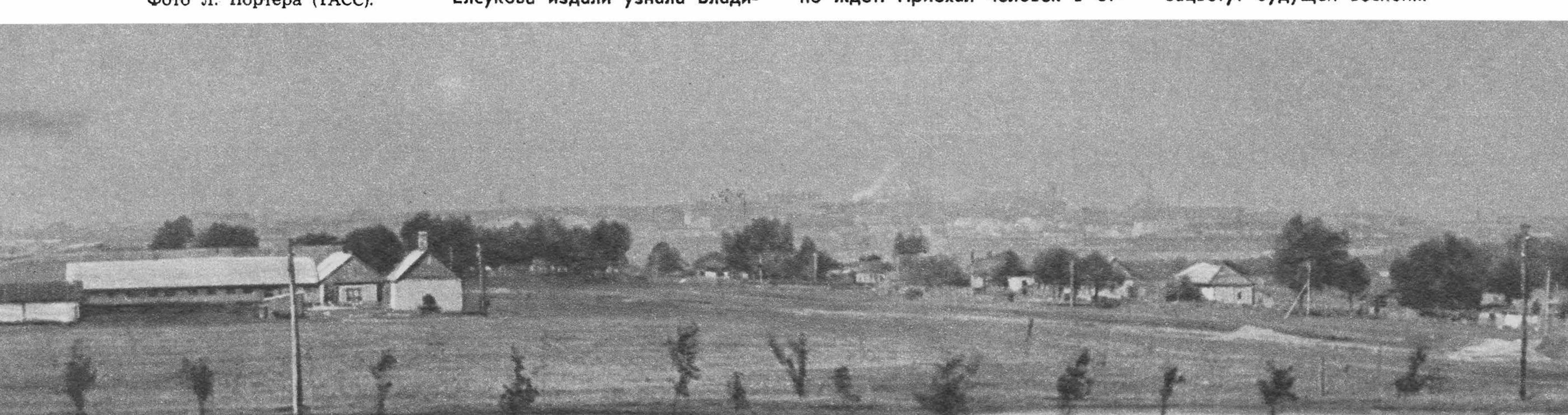
Протянулись черной полосой первые борозды. Осторожно обходя молодые деревца, плуги кладут один пласт жирной земли за другим. Деревца, освобожденные от бурьяна, кажется, сразу выросли вдвое и повеселели.

В правлении колхоза Елсукова и Соболев советовались, как организовать проверку итогов соревнования с колхозом «Объединение». Все как будто говорило, что «Ударник» впереди. Хотя — кто знает? Иванозерцы тоже ведь кое-что делали. Говорят, такой телятник строят! Ну, посмотрим, померяемся силами!

Во второй половине дня начал накрапывать теплый дождик. Теперь дожди уж не страшны. Дороги, правда, попортят, а большого вреда не будет. Все убрано. Семена в амбарах. Хлеб в закромах. Картофель в хранилищах. А сад? Ему полезен этот теплый, пригнанный южными ветрами дождь. Пусть идет! Яблони лучше зацветут будущей весной...

Около Сталиногорска расположились земли и постройки колхоза «Ударник».

Фото Л. Портера (ТАСС).



О ТЕХ, КТО ВСТРЕЧАЕТСЯ У ПРИЛАВКА

Вл. РУДИМ

Фото Г. Санько.

Ранним утром в Ярославле распахиваются двери десятков магазинов. Тяжелые створки широко раскрываются на обе стороны, и это движение напоминает жест гостеприимного хозяина: «Добро пожаловать!»

В центре и на окраинах то гуще, то реже разместились магазины продуктовые и промтоварные, хозяйственные и специализированные, большие и маленькие, для взрослых и детей.

И тысячи ярославцев в разное время нескончаемым потоком направляются к прилавкам за всевозможными покупками.

Если в магазине есть нужный вам товар, если покупка нравится и не отняла много времени, если продавцы были вежливы и внимательны, вы остаетесь довольны, словно побывали в гостях у приятных людей. Но случается, к сожалению, и иначе: того, что вы хотите, нет, а если есть, то плохого качества; продавец вас не слушает, выбирать не дает и даже нагрубит,— одним словом, настроение испорчено. И вторично вас уже не потянет в такой магазин...

В волжском городе Ярославле имеются и те и другие магазины, есть довольные и недовольные покупатели.

Магазин и покупатели

Трамвай № 2, который идет из центра в сторону Московского вокзала, задерживается дольше обычного на «Выемке» — так называется остановка. Сойдя с трамвая, многие направляются в продовольственный магазин № 79 на Большой Московской улице.

Никто, пожалуй, не скажет худого слова об этом магазине. В коллективе, возглавляемом директором Павлом Ивановичем Смагло, собрались старательные, любящие свое дело люди.

Взгляните хоть раз на Валентину Ивановну Шипину за работой. Каждого покупателя встречает она, словно давнишнего знакомого, внимательно выслушает его, посоветует.

Шипина торгует рыбой. В этом деле Валентина Ивановна не имеет соперниц. Она отпускает рыбу быстро и ловко.

Однажды в продажу поступили «с моря» (так называют здесь Рыбинское водохранилище) снетки. Снетки были новостью для некоторых хозяек, и они нерешительно посматривали на неизвестную рыбу. Но у Шипиной не залежалась: Валентина Ивановна сумела рассказать покупателям, как приготовить суп и щи со снетками, как законсервировать их по-домашнему. После этого пришлось даже позвонить «на море»: «Пришлите еще партию рыбы».

В магазин зашла за покупками Ольга Ивановна Корчагина с дочками-близнецами Надей и Любой. Едва переступив порог, Надя и Люба наперегонки бегут к прилавку.

— Здравствуйте, тетя Валя,— приветствуют они продавщицу молочного отдела Валентину Петровну Ковригину.

Валентина Петровна улыбается им в ответ и достает бутылки молока. Люба получает первой, за нею, привстав на цыпочки, тянется к бутылке и Надя.

Девочки не случайно подружились с Валентиной Петровной. Ковригиной, хорошо знающей всех своих постоянных покупателей, сказали как-то, что Корчагина заболела. Ковригина наведалась к ней домой. Оказалось, что в семье некому ходить за покупками, так как муж уехал в командировку. Валентина Петровна и ее подруги стали в обеденный перерыв носить молоко Любе и Наде, пока не выздоровела их мать.

Покупатели не жалуются и на качество продуктов, так как магазин располагает холодильником, льдохранилищем, холодильной ванной. Кстати, холодильную ванну соорудили здесь сами. И летом, в самую жару, магазин не боялся торговать свежей рыбой.

«За кулисами» магазина, во дворе, тоже образцовый порядок. Легко «дышится» товарам на вместительном складе, оборудованном дополнительными вентиляторами. Борьба за чистоту распространяется не только на продукты, но и на тару: например, бочки с медом или вареньем обязательно обмывают горячей водой, а потом уже вскрывают.

Когда обе стороны довольны

Заведующую отделом культтоваров в филиале № 2 Главунивермага Веру Семеновну Бузовкину можно увидеть беседующей с покупателями, которые высказывают свои пожелания. В таких случаях Вера Семеновна достает из кармана синего халата блокнот и начинает записывать. Через неделю — другую многие записи оказываются зачеркнутыми: пожелания выполнены.

Заметила Бузовкина, что в магазине частенько появляется молодой человек в спортивном костюме, осмотрит мотоциклы, достанет из свертка пирожки, пожует и исчезнет. Конечно, приходит он во время обеденного перерыва.

Вера Семеновна подошла к молодому человеку. Он, оказывается, хочет купить мотоцикл, но машины нужной ему марки все не видно.

— Эдак вы понапрасну потеряете много времени и проедите все деньги на пирожках,— сказала Бузовкина. — Дайте лучше свой адрес, как только придут мотоциклы, мы вам пошлем открытку.

Алексей Андреевич Сухарев — механик швейной фабрики — оставил адрес и стал спокойно обедать в столовой. А когда появились интересовавшие его мотоциклы, он получил открытку и не замедлил появиться в магазине.

Жительнице Ярославля Струковой не достался детский велосипед. Вера Семеновна внесла фамилию Струковой в свой блокнот, и на следующий раз покупательница ушла из магазина с велосипедом.

Вот прилавок, где торгуют игрушками. Предусмотрительные продавцы сделали тут «ступеньку». Дети удобно устраиваются на ней, и ничто не мешает им выбирать игрушки.

В соседнем отделении универмага торгуют хлопчатобумажными тканями. Здесь тоже внимательно изучают запросы покупателей. Каждая продавщица имеет тетрадь. На листах наклеены прямоугольники из всевозможных тканей, а рядом написаны характеристики этих материалов, услышанные от покупателей. В тетради лучшей продавщицы отдела, Дворянчиковой, читаем: «Тик Ивановской фабрики не имеет определенного рисунка», «У маркизета сделан зеленый фон — это неудачно, нужен синий или коричневый», «Шотландка на дамские платья фабрики города Юрьев-Польский пользуется успехом».

Каждый день появляются новые записи. А в конце месяца продавщицы вместе с заведующей секцией Шороховой просматривают записи и пишут письма фабрикам-поставщикам. К письмам прила-

Надя и Люба подружились с продавщицей В. П. Ковригиной (слева). На этот раз девочки пришли с матерью.

В красном уголке продовольственного магазина № 79. Слева направо: старший кассир А. М. Юницкая, директор П. И. Смагло и продавщица В. И. Шипина.

Мотоциклы поступили в продажу. Покупателю А. А. Сухареву продавец А. П. Чирков показывает мотоцикл. Крайняя справа — заведующая секцией культтоваров В. С. Бузовкина.

гаются отзывы покупателей и пестрые листы, заклеенные лоскутиками соответствующих тканей.

Откровенный разговор

На улице Стачек, примыкающей к комбинату «Красный Перекоп», дважды вывешивалось объявление: «Продовольственный магазин № 41 приглашает покупателей на конференцию».

В первый раз никто не пришел.

— Что к ним ходить на собрания? — говорила Дарья Андриановна Степанова, проработавшая ткачихой более полувека. — И так знаем: плохо торгуют. Вот даже за стеклом ничего не поставят, — указывала она на пустую витрину.

Во второй раз ткачи все же потянулись к магазину. «Видно, совестно стало продавцам плестись в обозе».

Половина магазина превратилась в зал заседаний. Покупатели сидели на скамьях, а кому не хватило мест, устроились на ящиках, прикрытых оберточной бумагой.

После короткого доклада заведующей магазином Л. Н. Березиной первой попросила слово старая работница Анна Никитична Князева.

Она вышла к столу президиума, опустила платок с головы на плечи и начала:

— Это хорошо, что торговые работники позвали нас, что захотели услышать слово покупателя. Что же, послушайте, да не обижайтесь за правду: хвалить вас пока не за что.

— Даже витрина пустая,— говорит Дарья Андриановна Степанова.

На скамьях одобрительно загудели.

— Вот ведь не говорим мы худого о «Гастрономе» № 4. Находится он рядом, а порядки в нем другие, правильные. У вас же, куда ни глянь, все не так, как нужно. Возьмем мясной отдел. Там у продавцов есть такая замашечка: третьяк подсунуть вместо первого сорта. Разве это дело? Не интересуетесь вы и спросом покупателя. Зимою у вас подсолнечного масла много, хоть залейся, а летом нет его. Поругаю вас и за другое: на рынках Ярославля полно яблок и других фруктов. А почему вы не позаботитесь, чтобы и у вас фрукты были?

Послышались голоса с места:

— Про синьку скажи: ею стены красить, а не белье синить!

— А про грязные халаты!

— Или вот еще: муку привезут, а дрожжи забудут.

Худощавый старик, примостившийся на ящике, выдернул из-под себя лист оберточной бумаги и взмахнул ею над серой, армейского фасона шапкой:

— Завертки никогда нету.

— Вот еще что запишите,— продолжает Анна Никитична.— Надо наказать тех, кто выпускает плохой хлеб. Если за хлебом ребят пошлешь, продавцы им самый сырой дают. Кто это безобразничает, хорошую муку государственную переводит? Вот и получается: богова мучка, чертова ручка.

Покупатели резко критиковали работников магазина № 41, вносили предложения, советовали перенимать опыт у соседнего «Гастронома» № 4: там и ассортимент продуктов богаче, и качество лучше, и очередей не бывает, и нет «грубителей», как сказала Анна Никитична.

Конференция закончилась. Теперь дело за работниками магазина.

— Хвалить вас пока не за что! — говорит Анна Никитична Князева.

О жалобах и предложениях

Михаил Ефимович Шитов и его жена Анна Семеновна — старые чаевники, каких в Ярославле немало. А настоящий чаевник, как известно, не признает никакого другого чая, кроме самоварного. Самовар у Шитовых есть, но с некоторых пор старикам не удается попить чайку с прежним удовольствием: своя труба прогорела, а в магазинах города днем с огнем не сыщешь самоварных труб. Приходится каждый раз просить трубу у соседки.

И вот Михаил Ефимович сплюнул от досады, достал инструмент и принялся за починку трубы.

Трудно поверить, что в большом городе нельзя найти самоварной трубы, но это факт. И не только трубы. Нет бельевых скрепок, вьюшек, тазов, корыт, плечиков для одежды, алюминиевых ложек, умывальников, ведер, бачков для кипячения белья, оконных петель, кухонных столов, противней, совков для угля и многих других вещей, необходимых в домашнем хозяйстве.

Хождение по магазинам хозяйственных товаров приносит покупателю чаще всего одно огорчение: нигде не найдешь нужного предмета. А если вы захотите поговорить на эту тему с продавцом, то не всегда встретите сочувствие и внимание. Особенно отличается плохим отношением к покупателю посудохозяйственный магазин № 2 на Крестьянской улице. Именно в этом магазине произошел следующий разговор:

— Почему это у вас вежливости нет? — сказал покупатель в ответ на грубость продавца.

Но тот, не расслышав, о чем идет речь, отрезал:

— Нет даже на складе, не приставайте!

Жалобы поступают не только на продавцов, но и на заведующего А. П. Кузнецова. Это он, проявляя администраторский пыл, пригрозил как-то покупателю, что «вышвырнет» его за шиворот из магазина».

В самом центре магазина выстроен для А. П. Кузнецова терем из стекла и дерева, «а в терем тот высокий нет входа никому»: там в самом дальнем ящике письменного стола заведующего упрятана от покупателей книга жалоб. А над кабинетом Кузнецова во всю ширь строгая надпись: «Администратор».

* * *

Чем же доволен и чем недоволен покупатель города Ярославля?

Перелистаем десяток — другой книг жалоб и предложений. Больше всего сетований на плохое качество продукции ряда предприятий, на недостаточный ассортимент товаров. Особенно не повезло ярославским «дядям Степам»: на их рост нет ни костюмов, ни пальто, ни плащей.

Одни рекомендуют не продавать авторучек артели «Кооператор», другие считают, что местные, ярославские шифоньеры хуже ивановских. Жители города пишут о продавцах, не дают спуску грубиянам и лентяям.

Но покупатель замечает не только недостатки. Он искренне радуется хорошему и в таких случаях тоже просит книгу жалоб и предложений.

«Прошу дирекцию отметить перед праздником продавца Гаврилову: у нее многие могут поучиться культурной, вежливой торговле».

Пришлось Михаилу Ефимовичу Шитову самому чинить самоварную трубу.

Работники магазина № 79 в нынешнем году получили двадцать пять благодарностей.

Надо полагать, что книга жалоб со временем превратится в книгу благодарностей.

— Зачем вам книга жалоб? — грозно вопрошает заведующий А. П. Кузнецов.

ВРАЧИ

А. ШАРОВ

Фото Н. Капелюша.

1

Слабые стоны замолкают, и в полной тишине из-за стены доносится приглушенный голос врача, «ведущего» роды:

— Вы кого хотели?

— Мальчика.

Секундная пауза, и снова голос врача:

— Ничего... Всегда бывает наоборот.

— Девочка?! Ой... Я и хотела девочку. Живая? Живая она?

— Конечно, живая...

Глубокий, такой глубокий вздох, что кажется, свежий воздух и спокойствие должны дойти до каждой клеточки измученного тела, и снова страстный, требовательный, обращенный ко всем вопрос, заставляющий у каждого, даже совсем постороннего человека, сильно и тревожно забиться сердце:

— Почему она не кричит?

Валентина Ивановна Фокина, главный врач Центрального родильного дома города Дзержинска, быстро надевает марлевую маску и направляется к роженице. В родильной комнате идет бой за жизнь ребенка.

Сколько еще больших и малых боев придется выдержать врачам и родным, пока девочка станет на ноги и надежно укрепится в этом мире!

Валентина Ивановна окончила вуз семь лет назад, но в речи ее и во всем облике еще чувствуется студенческое. Рассказывает она обстоятельно; объясняя принципы обезболивания, начинает с древних греков: «Еще Гиппократ указывал...» И вдруг в академический строй речи врывается студенческое словцо вроде «задачишка».

Маска меняет ее. Лицо становится сосредоточеннее и строже, между бровями проступает едва заметная морщинка. Две тысячи человек каждый год в этом родильном доме начинают свой жизненный путь. Какая же ответственность лежит на ее плечах!

— Почему она не кричит, почему она не кричит?! — в страшном, все нарастающем волнении повторяет роженица.

Роды были трудные. Кожа у ребенка синеватая: это результат асфиксии — кислородного голодания. Глаза зажмурены, и правильное личико совершенно спокойно; ротик еще не раскрылся для первого вздоха и первого крика. Пуповина не перевязана, и кислород идет из тела матери. Девочка словно безмятежно спит. Осторожными и одновременно быстрыми и решительными движениями врач погружает ребенка в воду, сжимает и отпускает крошечную грудную клетку.

— Почему она не кричит? Почему?.. Почему?..

— Она спокойная,— не поднимая головы, ни на мгновение не отвлекаясь, не отводя от ребенка глаз, отвечает врач.

— Неправда! Неправда, она не спокойная!..

Кожа на тельце незаметно вздрогнула, грудная клетка расширилась и судорожно сократилась, приоткрылся ротик, и в комнате раздался еле слышный крик новорожденной. Он сразу прервался, но не прежде, чем коснулся слуха женщины, лежащей с мокрыми от пота волосами и запекшимися губами. Коснулся и преобразил ее так, что все увидели: в комнате есть один человек, полностью и бесконечно счастливый, так бесконечно счастливый, что отблеск этого щедрого счастья падает и на нас.

Женщина слабо шевелит губами, прислушивается.

— Ну, вот и кричит,— разогнулся врач, положив сильные руки на стол.— И будет кричать, теперь уж не жалуйтесь!

Женщина лежит, откинув голову, полуопустив веки. Чуть-чуть, уголками губ, она улыбнулась, то ли словам врача, то ли своим мыслям, отделяющим ее сейчас от всего мира.

Мы возвращаемся в комнату главврача. Валентина Ивановна вместе с акушеркой заполняет последнюю страницу «Истории родов». Подписавшись, она еще раз просматривает записи, изредка бросая несколько поясняющих слов:

— Заметили опасность асфиксии плода и применили «триаду» Николаева. Знаете, что это такое?.. — Она вопросительно поднимает глаза.— Матери дается кислород, глюкоза, средства для поддержания работы сердца. Через кровь матери лечим еще не родившегося человека...

Помолчав, она заканчивает:

— Профессор Николаев не так давно создал свою замечательную «триаду», но она спасла уже по стране много жизней — тысячи, вероятно...

Валентина Ивановна откладывает в сторону записи и вдруг спрашивает:

— Вы хотите познакомиться с деятельностью врачей, охраняющих жизнь ребенка? Но почему вы выбрали Дзержинск? Это ведь рядовой, «средний» город. У нас даже, вероятно, несколько труднее, чем в среднем городе: большая задымленность, это тоже сказывается...

— Почему же не рассказать о городе, где даже несколько труднее, чем в среднем?

Дзержинск... Слева от железнодорожного пути — дома из почерневших от времени бревен. Это улицы старого Растяпина. За ними широкая светлоголубая лента Оки. Справа от пути на глубоких, за тысячи лет намытых рекой песках тянулся густой сосновый бор. Сюда-то, в леса, и пришли строители. Может быть, это была первая просека — нынешняя аллея, соединяющая вокзал с центральной площадью. Много времени прошло с тех пор, когда прокладывали ее,— с первых пятилеток. Клены, посаженные в те годы, дотянулись до третьих, даже до четвертых этажей и такой густой кроной раскинулись над головой, что вот идет дождь, а сквозь листву не пробилась ни одна капля.

С центральной площади Дзержинска виден театр. Белая колоннада портала скромно и строго поднимается среди сосен городского парка. От площади разбегаются широкие улицы с длинными рядами новых, нарядных домов.

Когда, находившись за день по городу, стараешься припомнить все увиденное, в памяти возникают трубы заводов, расступившийся хвойный лес — он смыкается где-то далеко за городской чертой,— асфальтовые мостовые, новые дома.

Красота властно входит в жизнь и этого города. Но правильно ли распределяется она? Вот родильный дом. Вокруг сада ограды нет — сохранились только ворота. Валентине Ивановне жалко сносить их: может быть, городские власти соберутся все-таки с силами и построят ограду. Само здание повернуто спиной к улице. Строили его по типовому проекту, и когда рыли котлован под фундамент, врачи справедливо забеспокоились: неладно получается — окна палат будут выходить на север. Взяли и повернули дом на 180 градусов, к солнцу.

У дверей, куда с бьющимся сердцем звонит роженица, две гипсовые посеребренные группки — мать и ребенок. Но серебро местами сошло, гипс раскрошился, нога у одной из гипсовых матерей треснула, и являют эти группки зрелище настолько непривлекательное, что, если верить старой примете,— будто, чтобы ребенок был здоровым и красивым, надо перед родами смотреть только на красивое,— лучше зажмурить глаза, проходя мимо тоскливо воющих на ветру ворот и полинявших гипсовых матерей.

Да и внутри родильный дом несколько обшарпан, выглядит не так, как следовало бы.

Главный архитектор города, человек властный, требовательный и даровитый, строго следит за фасадами зданий, за общим видом основных магистралей. Видно, возникает необходимость еще и в другом человеке, наделенном государственными полномочиями,— главном смотрителе зданий, который следил бы за тем, чтобы, появившись на свет, дом не старел преждевременно, чтобы и через десять и двадцать лет внутренние помещения, интерьеры, как говорят архитекторы, выглядели так, как их задумал строитель. Следил бы за всеми зданиями

Главный врач Валентина Ивановна Фокина делает последнюю запись в «Истории родов».

Проба воздуха, взятая Полей Талановой, сразу поступит в лабораторию.

города, но зорче и прежде всего за теми, где человек делает первые шаги, где идет борьба за его жизни: родильными домами, детскими садами, яслями, детскими больницами. Красота нужна везде, но там она всего необходимей.

2

И вот ребенок попадает в большой мир. Тут тысячи микробов угрожают ему, дым, пылевые частицы атакуют легкие.

Значит, надо по возможности обезвредить этот мир...

Утро. Из заводских труб тянутся черные, серые и желтые, как лисий хвост, дымы. Ветер пригибает их к земле. Маленькая машина санитарно-эпидемиологической станции мчится наперерез, как будто может и должна преградить дымам дорогу.

Впрочем, она действительно может и должна сделать это.

Шофер круто тормозит и, выбросив первый «десант» в километре от трубы, делает бросок вперед, останавливаясь еще два раза в пятистах и двухстах метрах от источника дыма. На улице монтируются походные лаборатории. Сигнал — и они начинают брать пробы воздуха.

Но ветер изменился, лисий хвост дрогнул и скользнул от центра города к Оке. Машина устремляется в преследование. Остановка. На столах и стульях устанавливаются приборы, воздух просасывается через сосуды с особыми поглотителями. Газовые часы отсчитывают объем воздушной массы, пропущенной через приборы. Маленькая лаборантка Поля Таланова — «разведчик городских дымов» — в строгом порядке меняет поглотители. В лаборатории химики-аналитики установят точный состав воздуха, составят воздушную карту, как говорит главный врач санэпидемстанции Григорий Борисович Думчин. Проскользнет в атмосферу какая-либо вредная примесь, увеличится количество пылевых частиц, и к директору завода придет санинспектор, наделенный государственной властью. «Надо увеличить герметичность аппаратуры,— скажет он.— Подумайте над пересмотром технологии, над улавливанием вредных примесей».

Как-то, несколько месяцев назад, в цехе контрольно-измерительных приборов одного из дзержинских заводов санинспектор, обнаружив следы вредных паров, потребовал, чтобы были приняты срочные меры.

— У меня план,— пожал плечами начальник цеха.— Как вы не понимаете, наши приборы — мозг завода.

— У нас тоже план,— спокойно возразил инспектор.— И имейте в виду, предложения, которые мы сделали, не просьба, а требование. Выполняйте, иначе мы будем вынуждены опечатать цех.

Артель «Утильзаготовитель» целый год вела непримиримую борьбу с санитарным инспектором за право работать грязно, по старинке. Руководителей артели «не поняли» в городе, они послали ходоков в область. Отвергнутые и там, они решили выждать: авось, инспектор забудет, не одна ведь артель в городе. Но прошло недолгое время, и на дверях склада утиля появился сургуч с оттиском государственной печати санитарной инспекции.

Вместе с химиками в дозор по городу отправляются бактериологи и эпидемиологи. Из водопроводного крана в пробирку берется проба воды. Ее рассматривают под микроскопом. Вода высевается в круглые плоские чашки. Иногда она «прорастает». Даже простым глазом на поверхности питательной среды можно заметить крошечные островки или длинную извилистую линию, похожую на изрезанный фиордами морской берег. Это значит, в один из артезианских колодцев, снабжающих город водой, прорвалась бактерия — возбудитель желудочных заболеваний. В ту же минуту к месту опасности отправляются работники станции со всем необходимым для того, чтобы обезвредить врага.

Бактериологическая, водная, воздушная карта... Стоит только возникнуть где-либо очагу заболевания, его окружают, прослеживают все пути возможного движения инфекции и прививками, карантинами перерезают их. И вот результат: за последние годы в городе заболеваемость значительно снизилась.

3

Утром детские врачи собираются на оперативную конференцию в новой больнице Чкаловского участка. В открытое окно вместе с ветром проникают запахи хвои, смолы, прогретого солнцем мха.

Как хорошо, что больница расположена на опушке леса и что лес сохранили!

Рапорт дежурного врача короткий, суховатый, как и полагается быть каждому рапорту, но отдельные фразы напоминают о таких жизненно важных явлениях, что слушать их без волнения трудно. «Больных дизентерией не было. Поступил больной Коля Т.— случай легкий. Диагноз — токсическая диспепсия».

А ведь еще четыре — пять лет назад дизентерийный микроб наступал развернутым фронтом. Его остановили дисульфаном и другими сульфанамидами. Но ясно было, что он не добит и не уничтожен, а только оглушен — «загнан в подвальный этаж». И пока дисульфан сдерживал врага, а возбудитель дизентерии, приспосабливаясь к нему, «искал обходных путей», в лабораториях в круглосуточном, напряженном труде создавались новые лекарственные препараты. Дизентерия попыталась снова поднять голову, ударить «дисульфаноупорными» отрядами, но по всей стране ее встретили грозным оружием, новым препаратом — синтомицином.

Дизентерия была сломлена, а токсическая диспепсия — болезнь, название которой еще два — три года назад звучало просто трагически,— сейчас легко поддается лечению.

...В комнате врачи разных поколений и разных медицинских школ — казанцы, харьковчане, астраханцы. В трудных случаях первой свое мнение высказывает Евдокия Георгиевна Хомякова.

Какая замечательная, ясная и целеустремленная жизнь за плечами у этой невысокой седой женщины! Из Казанского медицинского института она вышла терапевтом.

— Но почему-то, где бы я ни была, всегда на столе лежал раскрытый учебник педиатрии,— рассказывает она о себе.

Педиатрия раз притянула и больше не отпускала. Евдокия Георгиевна год проработала у известного профессора, «доучивалась», а с 1929 года здесь, в Дзержинске. Задумавшись, она негромко добавляет:

— А теперь?.. Теперь бывшие грудные дети носят ко мне своих грудных детей.

Евдокия Георгиевна живет одиноко, семьи у нее нет. Но пройдешь рядом с ней по городу, посмотришь, сколько людей почтительно наклонят голову, здороваясь с ней, как в трамвае чуть ли не весь вагон поднимается, уступая ей место, какими взглядами провожают ее,— и как-то по-новому почувствуешь, что такое настоящее, народное признание.

Рядом с Евдокией Георгиевной сидит Софья Васильевна Пугина. У нее светлые, выгоревшие волосы. Широкое, до бронзового цвета загоревшее лицо, голубые глаза излучают ровное, глубокое спокойствие. Каждый врач имеет свой «микроучасток» — район города, где он отвечает за жизнь и здоровье всех проживающих здесь тысячи или полутора тысяч ребят. Участок Софьи Васильевны — самый трудный в городе. Врачи между собой называют его «наши Кара-Кумы».

Город с мостовыми, многоэтажными зданиями, зеленым насаждением окружает эти «Кара-Кумы» — район бараков, но год за годом оставляет их нетронутыми. Кончаются тротуары, и ноги тонут в песке, а зимой приходится пробираться через сугробы, которые ветер громоздит в свое удовольствие отыгрываясь за то, что в других районах Дзержинска ему негде разгуляться.

Четыре года Софья Васильевна и медицинская сестра Шура Иншакова каждый день вместе обходят свои владения. Когда ветер швыряет в лицо волны мелкого, колючего песка или разбушуется метель, они идут гуськом друг за другом: так легче.

В городе были маниловы, которые, уверившись в том бесспорном факте, что барачный участок не вечен, махнули рукой на грязь и запущенность, царившую там:

— Это, голубушка,— наше прошлое, повремените немного, вот хоть на проекты полюбуйтесь. Видите, какие красавцы вырастут!

Софья Васильевна отвечала на это с гневом:

— У меня тут почти полторы тысячи ребят. Я не могу ждать. Вы знаете, что такое для ребенка год жизни?!

Многого ей отвоевать не удалось. Вот растут в палисаднике маленького домика посреди участка три «частновладельческих» дерева. И больше ни кустика, ни травинки... Нет детских яслей. Но кое-чего она добилась: навела вместе с врачом-эпидемиологом строгий санитарный порядок на своем участке, вычистила и вымыла его, как чистит, моет и проветривает свою квартиру хорошая хозяйка. Шура еще больше похудела. Она очень уставала и иногда вечером, вернувшись с обхода, тоненьким жалобным голосом говорила:

— Я, Софья Васильевна, уйду.

Но наутро Шура являлась вновь, неутомимо шагала рядом с врачом, обучая матерей уходу за новорожденными, оберегая здоровых ребят и самоотверженно ухаживая за больными.

— Ей уж не уйти,— говорит о Шуре Софья Васильевна.— Полторы тысячи детей на участке,— значит, полторы тысячи нитей тянутся к сердцу. Их не так просто разорвать. Она станет детским врачом, должна стать!

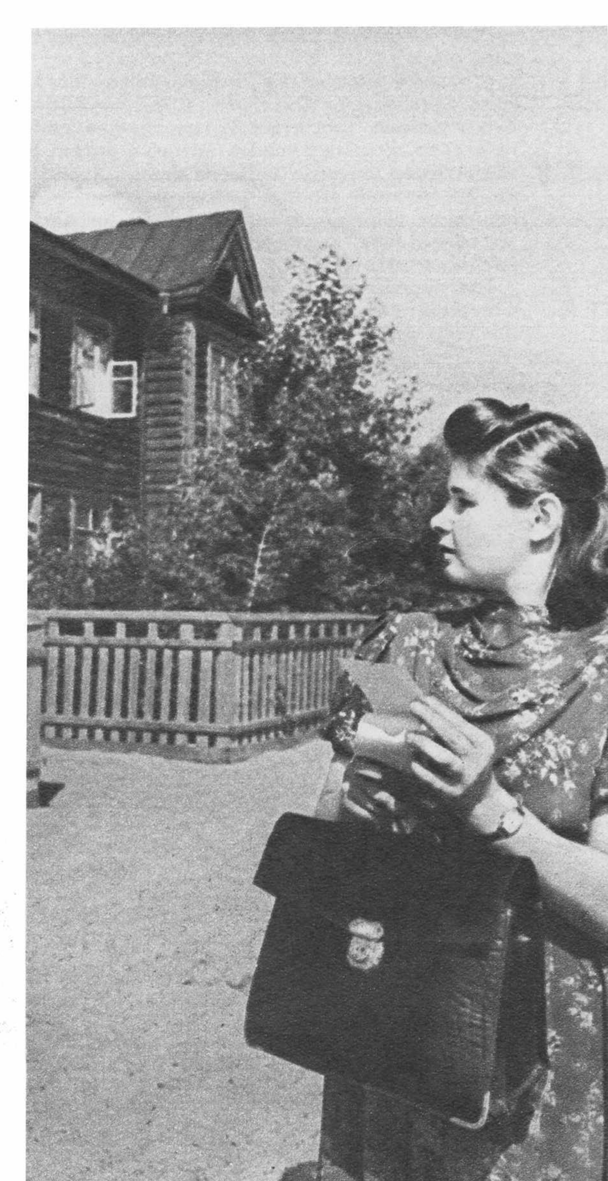
За эти четыре года врач и сестра снизили заболеваемость по участку в четыре раза. Своими силами, «неотступным трудом», как говорил Иван Петрович Павлов.

...Совещание кончается, и врачи расходятся — в консультации, по своим участкам, по палатам больницы. По всей стране совершают они, десятки тысяч врачей и сестер, свой ежедневный обход, везде ведут этот великий, требующий от человека всего сердца, всех сил самоотверженный труд.

Миллионы наших ребят защищены крепким щитом — заботой страны об их здоровье. И с каждым годом он становится все более надежным и непроницаемым, этот щит.

Дзержинск,
Горьковская область.

Каждый день обходит Шура Иншакова свой участок.



ДОЛИНА ПЛОДОРОДИЯ

Золотая долина... Волжская Колхида... Долина плодородия... Гигантским шестисоткилометровым ковром протянулась от Сталинграда на севере до Каспия на юге одна из величайших речных долин земного шара — Волго-Ахтубинская пойма. Из зелени лесов, голубых озер, лиманов, из жарко пламенеющих в садах и огородах плодов соткала ее неутомимая труженица Волга. Тысячелетиями несла река с верховьев частицы плодородной почвы, откладывая их в своих низовьях.

Большие урожаи можно выращивать на здешних землях. До 450 пудов пшеницы, по тысяче и больше центнеров томатов, по 500 центнеров огурцов, по 200 центнеров картофеля с гектара снимают в иные годы передовые хозяйства. Здесь вызревают рис и хлопчатник, виноград и кенаф, арахис и кендырь.

Богаты, неслыханно богаты пойменные земли, только неохотно отдают они свои богатства человеку. Весенние паводки на Волге и Ахтубе надолго затопляют сушу. И тогда над нивами, где колосились хлеба, над лугами, где шумело буйное разнотравье, до лета стаями ходят рыбы. Схлынет паводок — новая беда: начинают задувать знойные суховеи, растения никнут к земле, задыхаясь от недостатка влаги.

Несметная сокровищница поймы открывается лишь перед людьми сильными, не боящимися труда, для того, чтобы сначала преградить Волге дорогу на отвоеванную сушу, а потом, в жару, досыта напоить водой жаждущие поля.

С такими людьми мы познакомились в колхозе «Завоевание Октября», Средне-Ахтубинского района. Над степью, где лежала дорога в село, ходили душные полевые вихри. На полинявшем от зноя небе не было ни облачка. Заволжская сторона цвела ржавыми, выжженными солнцем травами, мертвыми пятнами солончаков: с начала весны совсем не выпадало дождей.

Тем поразительнее был контраст между безотрадной степью и прибрежной полосой, которая лежала тут же, в полутора — двух километрах от большака. Земля, утопающая в зелени сочных трав. Кусты томатов на грядках, густо усыпанные розовыми плодами. Тугие кочаны капусты, такие белые, точно вылеплены из снега. А кругом, куда ни посмотришь, плодовые деревья. Яблони склонили свои отягощенные плодами ветки над обрывом серебристой Ахтубы.

Все это — и чудесный фруктовый сад и овощные плантации — принадлежит десятой садово-огородной бригаде колхоза «Завоевание Октября». Бригадира Анны Ивановны Сахаровой на участке не было. Колхозницы, сортировавшие у амбара яблоки, сказали, что искать ее надо на юру, в степи.

Сахарова — новый человек в колхозе. До Средней Ахтубы она жила и работала в селе Безродном, где ныне раскинулась строительная площадка Сталинградской ГЭС. Однако среднеахтубинские колхозники знают ее с довоенных лет. Еще в 1939 году звеньевая А. И. Сахарова собрала невиданный тогда на Поволжье урожай томатов — тысячу центнеров с гектара. За это она получила почетную награду на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — серебряную медаль.

Колхозники не ошиблись в бригадире. Деятельная, инициативная, Анна Ивановна быстро вывела участок в число лучших садово-огородных хозяйств. Скоро бригаде стало тесно на прибрежной низине. По предложению Сахаровой правление артели решило создать орошаемый участок в степи, где никогда не выращивались огородные культуры. И вот нынешней весной бригада Сахаровой осваивала первую очередь этой поливной площади — 12,5 гектара.

Там, на юру, мы и застали Сахарову. Присев на грядке, она собирала с кустов самые крупные и спелые томаты — они пойдут на семена для будущих посадок. Недалеко, на берегу Ахтубы, стучал движок насосной станции. Насос забирал воду, поднимал вверх на высоту пятидесяти метров и по трубе, проложенной на плантацию, гнал ее к посадкам. Вода, журча и пенясь, потоками бежала вдоль грядок огурцов, томатов, капусты.

— Боялись наши колхозники, ох, как боялись выходить с низины на простор! — рассказывает Сахарова.— И то сказать, ведь мертвая земля. Полынь, и ту рожала плохо. А стоило напоить ее водой, и она расцвела, словно девушка на выданье. Теперь народ осмелел. Собираемся расширить плантацию на суходоле до пятидесяти гектаров. Подать сюда воду — и одна моя бригада завалит колхоз овощами. А овощей нам нужно много...

Анна Ивановна поднялась с земли и показала на город сталинградских гидростроителей, белевший в нескольких километрах от плантации.

— Потом туда...— Сахарова протянула руку по направлению к противоположному берегу Ахтубы, в сторону скрытого за лесом Сталинграда.— Ну, а остальное, известно, в другие города.

— Овощей нужно много, это верно,— подхватывает невысокого роста, дочерна прокаленный солнцем молодой человек.— Только нужно и многое другое.

— Наш практикант. Студент Тимирязевской академии Виктор Изюмников,— знакомит нас Анна Ивановна.

В ее словах слышатся нотки уважения и гордости, которые невольно заставляют внимательней приглядеться к этому юноше.

— Земля здесь своеобразная, илистая. После полива так затвердевает, что, конечно, никакой тяпкой не прошибешь. Нужны специальные машины, а машин нет. Изобретатели, что ли, не додумались? Шагающие экскаваторы, самоходные комбайны делаем, а до такой простой вещи, как, скажем, машина для прополки овощей, не дошли.

И неожиданно, с какой-то страстной взволнованностью в голосе, заключает:

— А ведь какая здесь земля! Вы только посмотрите. Сколько она может дать! Знаете, я вот готовлю дипломную работу «Перспективы развития колхоза «Завоевание Октября» и прихожу к выводу: даже до того, как Сталинградская ГЭС будет построена, в пойме можно круто поднять производство овощей. Взять наш колхоз. Хозяйство богатое, возможности есть, люди себя не пожалеют. Дать только побольше машин, может быть, даже специально МТС создать — и мы эту самую овощную проблему решим в три, нет, в два года! А то, стыдно сказать, в Сталинград картофель за тысячу километров возят, когда он и здесь, под боком, хорошо растет.

Анна Ивановна дружелюбно улыбается:

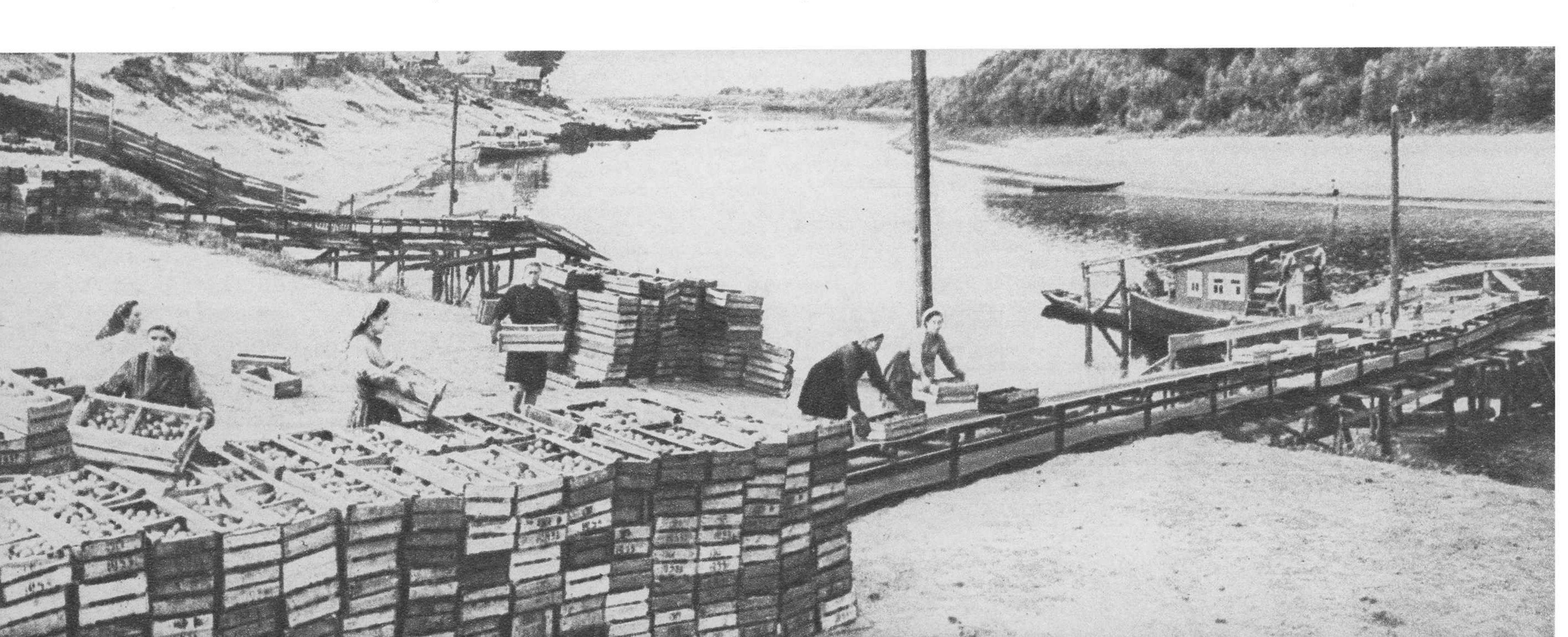
— Он у нас с весны на практике, во все дела вникает.

Виктор Изюмников поспешно переводит разговор на другую тему.

Нынешним летом бригада Анны Сахаровой отправила на стройку Сталинградской ГЭС свыше тридцати тонн вишен и яблок. Гидростроители ежедневно получали помидоры, раннюю капусту и прочие овощи. Несколько тысяч ящиков помидоров вывезла бригада на государственный заготовительный пункт.

Не одну тысячу центнеров продукции собрала в этом году Анна Ивановна. Это лишь незначительная часть тех фруктов, овощей, арбузов, дынь, которые собирают с полей в кладовые колхоза «Завоевание Октября». Восемнадцать насосных станций работают на полях колхоза, в нем восемнадцать высокоурожайных поливных хозяйств.

В прошлом году артель «Завоевание Октября» получила 3 260 тысяч рублей денежного



Механизированная погрузка овощей на Краснослободской пристани.

Фото К. Барыкина.

дохода, щедро оплатила трудодни колхозников.

В колхозе по праву гордятся молочным стадом, насчитывающим больше 1 400 голов, высокими удоями молока. Гордятся овцеводческими фермами, где из 8 тысяч животных больше половины — тонкорунные овцы. В артельном хозяйстве сотни породистых свиней, тысячи кур... Доход от животноводства в прошлом году перевалил за 900 тысяч рублей. За счет продажи излишков молока государству колхоз приобрел четыре автомашины.

...Неподалеку от лимана, в соседнем, Ленинском районе, лежат развалины Сарая, который считают древней столицей Золотой Орды. О нем ходит много легенд. Будто на берегу какого-то озера в этих местах стоял золотой конь с золотым всадником в седле — подарок хану от Орды. Пришли суровые для ханской ставки времена. Сарай обложили грозные русские дружины. Спасаясь бегством, хан собирался забрать с собой и коня, да не смог этого сделать: так он был тяжел. Хан приказал сбросить статую в озеро. Много веков прошло с тех пор. Тысячи людей пытались отыскать драгоценный клад и не нашли его.

А клад был рядом... Он таился в пойме Волги и Ахтубы. И этот клад оказался куда богаче всех золотых коней и редкостей, похороненных под развалинами Сарая и в трясине озер.

Эта легенда еще раз вспомнилась нам в колхозе имени Кирова, того же Средне-Ахтубинского района.

Звеньевой колхоза Варваре Стрельцовой было бы смешно представить себя бродящей по берегам озер в поисках клада. Она давно нашла его в колхозе, на своем орошаемом участке. В позапрошлом году Стрельцова вырастила по 380 центнеров помидоров на гектаре, в прошлом — по 438 центнеров. Четыреста двадцать центнеров кочанов принесла ей капуста.

В этом году в колхозе имени Кирова возделали 95 гектаров орошаемых земель. Земля сторицей вознаграждает людей. В тени деревьев то тут, то там краснеют кучи помидоров. Колхозницы отбирают плоды и складывают их в деревянные ящики, готовя к отправке в Москву.

Некогда академик В. Р. Вильямс назвал Волго-Ахтубинскую пойму всесоюзным садом и огородом. Сталинградцы вынашивают замыслы, как быстрей преобразовать ее в богатый край сплошных садов и огородов. От планов уже переходят к делам. В колхозах осваиваются новые пойменные земли, закладываются молодые мичуринские сады. В ближайшие два — три года на здешних землях возникнет крупнейшая в стране садово-огородная и молочная база по снабжению Сталинграда и других промышленных и культурных центров фруктами, овощами, продукцией животноводства.

...Поездка по золотой долине приближалась к концу. Наш путь лежал на Красную Слободу, к месту переправы в Сталинград. Дорога на слободу шла через поселок мелиоративной станции. Надвигалась та тихая вечерняя пора, когда тускнеют краски и воздух полон свежести и прохлады. Много ярких впечатлений накопилось за день, глаз устал от смены красок и цветов. Но возле мелиоративной станции нас ожидало зрелище, какого мы еще не видели нигде. У обочины шоссе, среди люцерны, работала дождевальная установка. Она стояла на поле, разбрызгивая над травами свой благодатный ливень. Каскады струй, рожденные машиной, жадно ловили косые солнечные лучи и преломляли их в живую, трепещущую радугу.

Мы остановились и долго смотрели на нее. Эта маленькая, дивной красоты радуга как будто отражала в себе богатство и обилие пойменного края. Казалось, что в ней сплелись и голубизна озер, и багрянец плодов, и зелень трав — все неисчерпаемое многообразие тонов и оттенков, какими золотая долина цветет сейчас и какими она еще ярче будет цвести в недалеком будущем.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Погрузка картофеля и капусты для строителей Сталинградской ГЭС.

Укладка помидоров для отправки в Москву.

Фото К. Владимирова.

СЕГОДНЯ В БАРНАУЛЕ

Фото Я. Рюмкина.

С какой стороны ни подъезжаешь к Барнаулу, всюду еще издали видны высоко поднятые стрелы башенных кранов. Город растет вширь и ввысь.

Барнаулу более двухсот лет. Поселок крепостных мастеровых вокруг сереброплавильного завода, центр Алтайского горного округа — наследственного поместья царской фамилии, — купеческий городок, славившийся шубами и валенками,— таковы этапы дореволюционного развития Барнаула.

Современный Барнаул, краевой центр, дает более половины всей промышленной продукции Алтайского края. Здесь несколько машиностроительных заводов, крупный меланжевый комбинат. В городе строится еще одно текстильное предприятие — хлопчатобумажный комбинат.

С каждым годом Барнаул становится все более и более культурным, благоустроенным городом. С 1930 по 1951 год в два с половиной раза вырос его жилой фонд. Если в прошлом, 1952 году барнаульцы получили новых жилищ в два с лишним раза больше, чем в послевоенном 1946 году, то план жилищного строительства нынешнего, 1953 года вдвое превышает прошлогодний.

На проспекте Ленина — главной магистрали города — многоэтажные здания занимают по нескольку кварталов подряд. Обращают на себя внимание украшенный колоннадой дом (снимок вверху), самый большой в городе кинотеатр «Родина» (средний снимок).

В тени густых деревьев раскинулись многоэтажные дома проспекта Калинина. Широкая улица, ведущая от проспекта к парку текстильщиков, заливается асфальтом (снимок внизу).

Бакинский токарь в Москве

Борис Унанов, токарь Бакинского завода имени 1 Мая, три недели гостил в Москве. Впрочем, слово «гостил» применено в данном случае не совсем правильно...

Унанова вместе с его товарищами, инженером Борисом Кудухашвили и научным работником Ашотом Мусаэльяном, вызвали в столицу на заседание коллегии Министерства нефтяной промышленности.

О чем они докладывали коллегии? О том, как Борис Унанов, работая по методу куйбышевского токаря Василия Колесова, решил несколько видоизменить знаменитый колесовский резец, чтобы расширить возможности его применения. Постепенно бакинец создал новый, не менее замечательный тип резца, который называют теперь «резцом Унанова». Токарю помогали старший технолог цеха Б. Кудухашвили и заведующий лабораторией Азербайджанского научно-исследовательского института нефтяного машиностроения А. Мусаэльян.

На заседании коллегии было предложено продемонстрировать новый резец в цехах московских предприятий, принадлежащих министерству, и бакинцы поехали на завод «Борец». Здесь Унанову сначала не повезло: резец сломался... Это была абсолютная случайность: в течение последующих часов другой, точно такой же резец показал себя превосходно. Но Унанов, огорченный неудачей, решил провести на заводе несколько дней, чтобы не только продемонстрировать, но и внедрить свой резец в производство.

Одиннадцать дней подряд Борис Унанов, как рабочий «Борца», приходил по гудку на завод и становился к станку. Он испытал резец на обработке самых различных деталей, испробовал его на многих токарных станках. Токари Антонов, Копылов, Поддувалин и другие стали энтузиастами унановского резца. Вместе со своими московскими друзьями Унанов еще более усовершенствовал резец и применил его на карусельном станке.

Унанов на «Борце» и учил и учился. Здесь он впервые увидел глубокую расточку. Здесь познакомился с токарем Виктором Разоренковым, прославленным «вихревиком». Разоренков обучил Унанова вихревой нарезке, а бакинец подарил ему свой резец. Их сблизили не только производственные, но и другие интересы. Оба оказались спортсменами. Виктор — боксер второго разряда, и Унанов видел его на ринге в Баку, когда тот приезжал на соревнования спортивного общества «Нефтяник». В Москве Борис побывал в спортзале, где тренировался Разоренков. Унанов — капитан заводской футбольной команды. Вместе с Разоренковым на стадионе «Динамо» он смотрел игру «Спартака» и «Локомотива».

Унанов, Кудухашвили и Мусаэльян посетили еще несколько московских и подмосковных предприятий, выступали с докладами в институтах, научно-технических обществах, беседовали со стахановцами, инженерами.

...Мы встретились с бакинцами в гостинице «Москва» в канун их отъезда из столицы. Когда мы вошли, Унанов укладывал в чемодан вещи.

— Да, задержались мы в Москве! — сказал Борис.— Вот письмо сегодня от жены получил. Беспокоится. Она к тому же староста нашего класса... Мы ведь с ней учимся в школе рабочей молодежи. На одной парте сидим... Я, конечно, отстал за эти три недели по всем предметам. Придется нагонять...

Унанов делился своими впечатлениями о Москве, но по выражению его лица, по глазам — по всему видно было, что он уже там, у себя в Баку, где ждет его мать, тоже токарь, у которой он учился ремеслу, ждут жена, сынишка, ждут заводские друзья, все близкие, родные ему люди...

А. СТАРКОВ

Борис Унанов, Ашот Мусаэльян и Борис Кудухашвили (слева направо).

Фото Б. Вдовенко.

У дома колхозника Ф. Д. Качуры.

Фото Е. Копыта (ТАСС).

Колхозники покупают коров

С чувством глубокого удовлетворения встретили труженики села Закон о сельскохозяйственном налоге, принятый на пятой сессии Верховного Совета СССР. По-хозяйски подсчитали люди, какую выгоду несет той или иной семье новый закон Советской власти. По всему выходит: жить и работать становится лучше, радостней...

В Винницкой области семья колхозника Ф. Д. Качуры из артели имени 17-й партийной конференции выработала около тысячи трудодней. На заработанные деньги купили корову и теленка. В области многие колхозники обзаводятся скотом.

Школьники помогают колхозу

Юные мелиораторы Лигачевской школы проверяют инструменты перед выходом в поле на изыскательские работы. В центре — руководитель кружка М. В. Нечаев.

Фото А. Бочинина.

В руках школьников отвес, транспортир, дальномер, эклиметр — полный набор инструментов для изыскательских работ по мелиорации. Как всегда, юные мелиораторы перед выходом в поле тщательно проверяют свое «вооружение», советуются с руководителем кружка Михаилом Владимировичем Нечаевым. Инженер-мелиоратор внимательно инструктирует детвору, отправляющуюся со школьного двора за деревенскую околицу. Ребятам предстоит завершить изыскания будущего водохранилища для орошения огородов колхоза «Маяк» — закончить большую работу, продолжавшуюся в течение всего лета.

Валя Цыганов, Миша Комов, Таня Щевьева, Рая Мурашова и их товарищи по Лигачевской школе минувшим летом потрудились на славу. Ребята хорошо изучили протекающую неподалеку от деревни реку Горетовку, измерили ее ширину и глубину, определили скорость течения, составили рельефный план оврага, на дне которого течет речка. Юные мелиораторы пришли к выводу, что после постройки трех плотин здесь может быть создано большое водохранилище, которое послужит не только для орошения колхозных огородов но и для разведения рыб и водоплавающей птицы. Проводя изыскания будущего водохранилища, ребята закрепляли знания геометрии, приобретенные ими на уроках в школе.

В классах Лигачевской школы хранятся расчеты и чертежи, схемы и макеты, выполненные школьниками-изыскателями. Их трудами воспользуются в скором времени инженеры и техники — строители будущих плотин и оросительной системы. Ребята работают по заданию правления колхоза «Маяк». Вместе с этим колхозом — одним из передовых в Химкинском районе, Московской области, — к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке готовится и школа-семилетка деревни Лигачево.

Здесь, неподалеку от столицы, вот уже несколько лет старший инженер Московского областного управления сельского хозяйства М. В. Нечаев обучает школьников основам мелиорации, прививает им первые трудовые навыки. В кружке юных мелиораторов при Лигачевской школе многие мальчики и девочки выбирают для себя будущую профессию. Работает такой кружок и при Московском Доме пионеров.

С. МЕСЯЦЕВ

Первый сахар

Перед нами большая, почти во всю стену, карта СССР. Карта испещрена разноцветными кружочками, указывающими расположение предприятий советской пищевой индустрии. Выделяются красные кружочки — сахарные заводы; их особенно много.

Еще недавно, двадцать — двадцать пять лет назад, сахарные заводы были сосредоточены главным образом на Украине, частью — в центральных областях Российской Федерации. А ныне они имеются на Кавказе, Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии, в Казахстане, Молдавии, Сибири... Двести пятнадцать заводов приступили этой осенью к переработке свеклы нового урожая. С начала сезона выданы уже первые десятки миллионов пудов сахара.

На сентябрьском Пленуме ЦК партии были отмечены серьезные успехи в производстве сахарной свеклы. Несмотря на огромные разрушения, причиненные заводам во время войны, производство сахара еще в 1950 году превзошло довоенный уровень. В нынешнем году будет выработано на тридцать миллионов пудов сахара больше, чем в прошлом.

Однако потребности населения в сахаре превышают его производство. И сахарная промышленность готовится к значительному увеличению выработки этого ценнейшего продукта народного потребления.

Много заводов реконструируется, в цехах устанавливается новое, совершенное оборудование. Наиболее интересная новинка — непрерывно действующие аппараты, полностью механизирующие основной производственный процесс — извлечение сахара из свеклы. В результате реконструкции мощность заводов значительно возрастает.

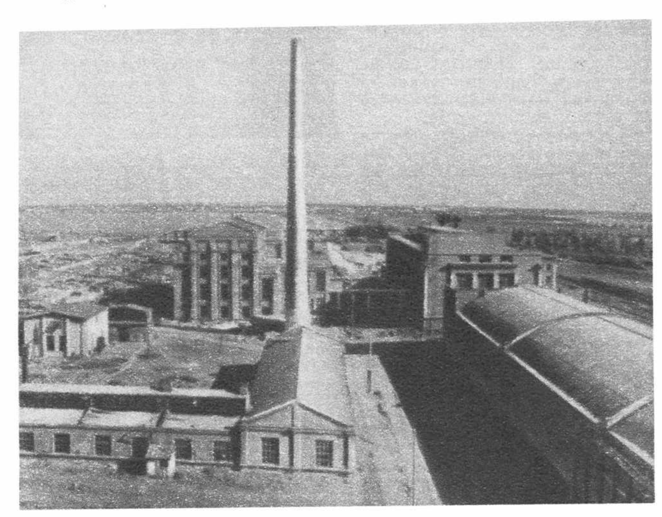
Сооружается много новых предприятий. Сейчас строится двенадцать песочных и рафинадных заводов. Уже в этом году начнут работать два новых завода — Мизочский на Украине и Перелешинский в Воронежской области.

Для удобства потребителя расширяется выпуск сахара в расфасованном виде. На сахаро-рафинадных заводах будут установлены автоматические линии станков, которые дадут возможность полностью механизировать упаковку сахара в 500-граммовые пачки.

Большим спросом пользуются маленькие, аккуратно завернутые пакетики с красивой этикеткой. В пакетике два кусочка рафинада. Это так называемый «ресторанный» сахар. Он подается к чаю пассажирам поездов дальнего следования, в школьных буфетах, столовых. Удобно и гигиенично!..

Выпускает «ресторанный» сахар ряд заводов. Небольшие автоматы «выбрасывают» по 20—25 тысяч пакетиков в смену. В будущем году выпуск их почти удвоится.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ



На строительстве Волоконовского сахарного завода в Курской области.

Фото О. Сизова (ТАСС).

В. И. Мухина

Скончалась Вера Игнатьевна Мухина, выдающийся скульптор нашего времени, народный художник Советского Союза. Она с честью несла это высокое звание, поставив свое творчество на службу народу.

Монументальная группа «Рабочий и колхозница», созданная скульптором в 1937 году и ставшая подлинным художественным символом Советского Союза, принесла В. И. Мухиной признание и мировую известность. В этом выдающемся произведении социалистического реализма ярко проявились основные черты творчества художницы — сила мысли, глубина содержания, романтическая приподнятость образа, простота и монументальность композиции, смелость и богатство пластической формы.

Искусство В. И. Мухиной — жизнеутверждающе и оптимистично по своей природе. Это мастер неповторимой, яркой творческой индивидуальности, художник-новатор.

Велика галерея наших современников, увековеченная рукой скульптора,— портреты выдающихся деятелей советской науки и искусства, героических защитников нашей Родины, изображения простых советских людей.

Высокое народное признание получили два памятника А. М. Горькому, выполненные В. И. Мухиной. Вдохновенный образ молодого Горького — буревестника революции — создала В. И. Мухина на родине писателя, в городе Горьком.

Глубоко человечен облик народного писателя Горького на замечательном памятнике в Москве. Он создан В. И. Мухиной совместно с З. Г. Ивановой и Н. Г. Зеленской по проекту покойного скульптора И. Д. Шадра.

Оригинален замысел проекта памятника П. И. Чайковскому в Москве.

«Мы требуем мира!» — таково название композиции, выполненной бригадой скульпторов под руководством В. И. Мухиной. Полная драматической патетики, эта скульптурная группа — страстный призыв к миру.

Для нового здания Московского университета имени Ломоносова скульптор выполнила две монументальные фигуры юноши и девушки, обобщив в них типические черты молодого человека советской эпохи.

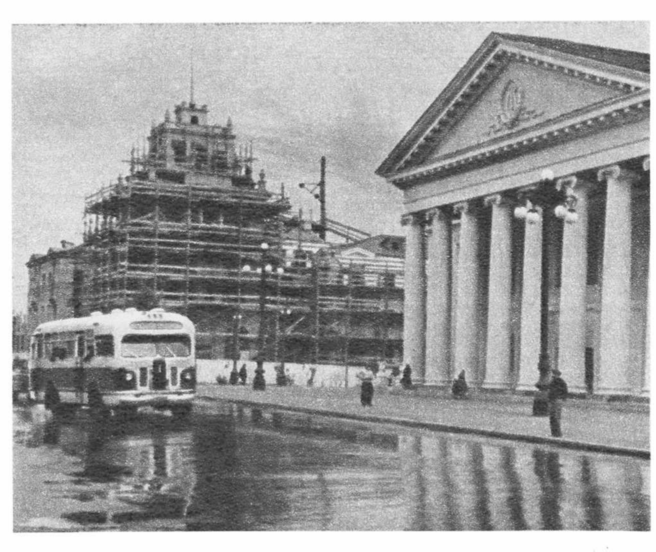
Последняя работа В. И. Мухиной — восьмиметровая статуя Мира для Сталинграда, созданная по ее проекту и под ее руководством скульпторами А. Сергеевым и С. Кругловым. Величественная, исполненная красоты и покоя фигура молодой женщины высоко возносит земной шар с парящим над ним голубем мира.

Творчество В. И. Мухиной исключительно многогранно: она работала в монументальной и станковой, декоративной и малой (фарфор, стекло) скульптуре, в каждой из этих областей создавая выдающиеся произведения.

В ее вдохновенных работах живет и будет вечно жить большая душа замечательного художника нашей эпохи.

Художник Д. ШМАРИНОВ

Областной центр Зауралья



Зауралье. Пустынен, суров и угрюм был когда-то этот край, место ссылки. Неприветливо встречал он и переселенцев. Весной и осенью — непролазная грязь, летом — невообразимая пыль.

Не так выглядят сейчас города Зауралья. Курган — один из самых молодых областных центров страны. Кто бывал здесь 2—3 года назад, не узнает Кургана: улицы и площади оделись в асфальт, украсились фонарями, в парках и скверах много цветов.

Улица Ленина — одна из центральных магистралей — застроена новыми домами. За последние два года в городе появились драматический театр, гостиница, Дворец пионеров, новые школы и административные здания, десятки многоэтажных жилых домов. В разгаре строительство универмага, кинотеатра.

Н а   с н и м к е: на улице Ленина.

Фото Е. Соколова.

Восхождение на пик Дружбы

Альпинист В. Ноздрюхин пишет записку, которую экспедиция оставит на пике Дружбы.

Фото В. Ковалева.

В центре Азиатского материка широко раскинулся горный пояс Тянь-Шань, состоящий из десятков параллельных хребтов широтного направления. Недавно советские исследователи открыли в центре этой системы хребет, пересекающий параллельные цепи. Хребет, названный Меридиональным, делит Тянь-Шань на две почти равные части. Западная часть относится к территории Советского Союза. Восточная — принадлежит Китайской Народной Республике.

В этот малоизученный район Тянь-Шаня в начале августа отправилась из города Пржевальска экспедиция альпинистов.

Только на двенадцатые сутки после выхода из Пржевальска альпинисты разбили лагерь у подножия Меридионального хребта. Запасы продовольствия, топлива и снаряжения сначала везли на лошадях, а потом, когда животные не смогли идти по глубокому снегу, альпинисты изготовили из лыж сани и на них повезли свое имущество. Только на лыжах и можно было безопасно переходить по непрочным снежным надувам, перекинутым, словно мостики, над глубокими ледниковыми трещинами.

К концу месяца все подготовительные работы закончили. На высоте 5 300 метров в верховьях безымянного притока ледника Иныльчек альпинисты Иван Роднов, Николай Дементьев и их товарищи вырыли снежную пещеру. В дальнейшем она послужила базой для вспомогательного отряда.

Первого сентября весь состав экспедиции выступил из лагеря «5300» на хребет Меридиональный. На высоте около 6 тысяч метров над уровнем моря альпинисты достигли линии государственной границы между СССР и Китаем.

После короткого митинга четыре лучших альпиниста экспедиции двинулись дальше, к главной вершине Меридионального хребта.

По мере подъема воздух становился все более разреженным.

Ненастные дни вынуждали альпинистов отсиживаться в крохотной, очень тесной для четверых палатке, разбитой над крутыми обрывами. От сильного мороза и холодного, пронзительного ветра защищали специальная валяная обувь, шерстяная одежда, пуховые рукавицы и легкие пуховые спальные мешки.

Седьмого сентября четыре советских альпиниста — Виталий Ноздрюхин, Эдуард Нагел, Петр Карпов и Валентин Ковалев — достигли главной вершины Меридионального хребта высотою 6 800 метров над уровнем моря.

Коченевшими на морозе руками руководитель восхождения Виталий Ноздрюхин написал записку, которую и оставили на вершине: «В ознаменование 30-летия советского альпинизма совершено восхождение на эту безымянную вершину высотою 6 800 метров. Мы единодушно называем ее пиком Дружбы в честь нерушимой дружбы двух великих народов — советского и китайского».

В. РАЦЕК,
начальник экспедиции.

Завод бактериальных удобрений

Бутылка, в каких обычно продают кефир, наполнена увлажненной земляной массой, тщательно закупорена ватой и запечатана сургучом. На яркой этикетке надпись: «Нитрагин».

Нитрагин — бактериальное удобрение. В полулитровой бутылке — сорок—пятьдесят миллиардов клубеньковых бактерий, которые обладают способностью накапливать азот в почве, извлекая его из воздуха. Нитрагином обрабатываются семена бобовых в день посева. Одной бутылки его достаточно, чтобы на 15—25 процентов повысить урожайность бобовых культур на площади в 1 гектар.

Директор Киевского завода бактериальных удобрений Семен Тимофеевич Бердник рассказывает, что завод изготовляет большое количество нитрагина для десяти видов бобовых культур — фасоли, люпина, люцерны, гороха, арахиса, клевера, чечевицы и других. Сотни тысяч бутылок — гектаропорций — нитрагина получат колхозы Украины к весеннему севу.

Киевский завод бактериальных удобрений выпускает также азотобактерин — удобрение, применяемое под многие культуры, кроме бобовых. Одна бутылка азотобактерина расходуется на семена для гектара посева зерновых и технических культур и 3—4 бутылки — на семена для гектара посева картофеля и овощей.

В цехе готовой продукции. Работница Мария Майданова готовит нитрагин к отправке.

Фото Н. Козловского.

Годовая производительность завода — пятьсот тысяч гектаропорций. Завод расширяется. Растут новые корпуса. В будущем году с применением новой технологии выпуск продукции увеличится в несколько десятков раз.

В. ШУМОВ

Турнир в Швейцарии

6 ОКТЯБРЯ. До сих пор на турнире встречалось немало бесцветных ничьих. Но теперь борьба обострится. На заключительном этапе каждая половина очка приобретает особую ценность. В двадцатом туре только две партии закончились вничью.

В швейцарской печати много пишут о Котове. После неудачного старта он ведет борьбу с большим упорством. Сегодня Котов нанес поражение Геллеру и теперь находится в лидирующей группе. Бронштейн добился важной победы в партии с Сабо.

Эйве был силен в первой половине турнира. Но он явно устал. Играя с Решевским, экс-чемпион мира не использовал шансов на ничью.

7 ОКТЯБРЯ. В марафонском беге не всем участникам удается сохранить силы до финиша. В этом «марафонском» турнире также не все участники выдерживают исключительное напряжение. Даже самый спокойный из гроссмейстеров — Смыслов — сегодня здорово «зевнул». Когда в результате ошибочной комбинации Смыслов хотел взять фигуру Котова, выяснилось, что лидер турнира стал жертвой галлюцинации, вызванной усталостью: коня, которого он собирался взять, уже не было на доске. Итак, сенсация: лидер потерпел первое поражение, и теперь уже нет непобежденных.

Зрители бурными аплодисментами реагировали на победу Котова. В печати подчеркивается высокий спортивный дух советских шахматистов. Благодаря победе Котова Решевский получил возможность догнать Смыслова. Надо сказать, что и сам Решевский не скрывал своего удовольствия. В этот вечер он с радостной улыбкой позировал фоторепортерам.

Напряжения не выдерживают многие участники соревнования. Даже такие опытные шахматисты, как Болеславский и Геллер, устали. Каждый вечер после игры можно наблюдать, как гроссмейстеру Эйве делают массаж головы.

Для шахматиста очень важно быть хорошим спортсменом. Керес в первом круге играл скромную роль, но именно потому, что он хороший физкультурник и сумел сохранить свои силы, он начинает самым серьезным образом подбираться к лидеру. В этом туре Керес красиво выиграл у Болеславского.

Тайманов играет очень неровно. Сегодня его догнал Авербах.

10 ОКТЯБРЯ. В двадцать втором туре шесть партий из семи отложены. Несмотря на физическую усталость, борьба все же ведется с большим упорством.

Болеславский мог на 37-м ходу красивым и не столь уж трудным для гроссмейстера ходом добиться ничьей с Решевским. Однако он не заметил этой комбинации и на следующем ходу сдался.

Можно не сомневаться, что в отложенной позиции Смыслов выиграет у Геллера. Следовательно, лидеры пока что идут нога в ногу.

Бронштейну придется бороться за ничью в партии со Штальбергом.

11 ОКТЯБРЯ. Керес добился новой победы, выиграв у Геллера.

С большим напряжением велась игра в партии Котов — Решевский. Американский гроссмейстер вновь не постеснялся в неважной позиции предложить ничью, которую Котов, конечно, не принял.

— Вы играете на выигрыш? — спросил Решевский Котова.

— А вы как думаете? — ответил советский гроссмейстер.

К сожалению, в конце вечера Котов сыграл неточно и дал Решевскому возможность уравнять шансы. Однако при доигрывании партии Котов все же добился победы. Смыслов выиграл отложенную партию у Геллера.

До конца турнира осталось семь туров. Уже ясно, что одиннадцати участникам играть с Ботвинником не удастся. Лидируют гроссмейстеры, которые участвовали в матч-турнире на первенство мира 1948 года: Смыслов, Керес и Решевский. Кроме них, практически только Бронштейн еще может бороться за первое место.

Сало ФЛОР

Цюрих (по телефону).

Новые магазины

Нижние этажи почти каждого большого дома, строящегося в Минске, отводятся под торговые предприятия, кафе, детские учреждения. Особенно много помещений предназначено для расширения торговой сети. В минувшем году был открыт 21 магазин, в нынешнем — количество вновь открываемых магазинов удвоится.

Не так давно в красивом доме на углу улиц Свердлова и 11 июля справляли новоселье семьи работников мясной и молочной промышленности. А в первом этаже здания расположился крупнейший в Минске мясо-молочный магазин.

На восточной окраине белорусской столицы недавно появился продовольственный магазин № 20 — самый крупный в Минске. Здесь вращающиеся шкафы для хлеба, холодильники, грузовой лифт, обширные складские и подсобные помещения. Большой зал вмещает семьсот человек. С первых же дней новый магазин привлек много покупателей.

Мы разговорились с одной из постоянных покупательниц магазина, Людмилой Михайловной Шаповаловой.

— Кое-что я покупаю на колхозном рынке,— сообщила она,— однако большую часть продуктов предпочитаю покупать в магазинах. Прежде мне приходилось ездить в центр города, тратить много лишнего времени. С открытием нового магазина эта необходимость отпала. Жаль только, что дирекция не учитывает наплыва посетителей во время обеда. Из-за этого создаются очереди.

В новое помещение на главной магистрали города — проспекте имени И. В. Сталина — переехал Центральный книжный магазин. По площади оно превосходит старое помещение почти в пятнадцать раз. Это позволяет одновременно торговать книгами около девяти тысяч названий, рекламировать в витрине и на прилавках 1 800 различных изданий, ежедневно обслуживать до полутора тысяч покупателей. Сотрудники магазина принимают предварительные заявки на печатающиеся книги, отправляют посылки через отдел «Книга — почтой».

В. ПОНОМАРЕВ

Четырнадцатая надпись

«Кубок СССР» — у динамовцев Москвы

Все было, как обычно: задолго до начала матча публика толпилась у входа в метро, у касс, у железных ворот стадиона. Еще не вспыхнули прожекторы, освещающие трибуны и поле, но уже возникли острые споры о шансах финалистов, завершающих борьбу семнадцати тысяч команд. Одни пророчили легкую победу «Динамо», другие резонно вспоминали красноречивые итоги встреч динамовцев с куйбышевским «Зенитом».

У настоящих любителей футбола отличная память на цифры. Они помнят, что динамовцы столицы, которые имеют в своем активе победы над сильными командами, за последние три года ни разу не могли выиграть у волжан: трижды они свели игру к ничьей и дважды проиграли.

Ожидание большой игры всегда насыщено торжественностью. И сейчас это было заметно во всем: в подтянутости контролеров, в нетерпеливом ожидании зрителей, в оживленной подготовке радистов, фотографов, операторов телепередачи.

Уже за час до начала осветились нули на башнях. Раньше обычного прибыли на стадион команды. Нестор Чхатарашвили, Николай Латышев и Виктор Архипов давно уже сидят в судейской. Человек, рукой которого на кубке написаны имена тринадцати победителей, гравер В. Моргунов, уже вырезал на серебряной крышке начало четырнадцатой надписи: «1953 год». Конец будет дописан через два часа.

Игроки еще готовятся к выходу на поле, а столик с темнозеленой бархатной скатертью уже поставлен перед Северной трибуной, уже установлен на нем хрустальный кубок, возле которого в почетном карауле вытянулись два футболиста: динамовец Юра Смирнов и зенитовец Виталий Пчелинцев. Это школьники, игроки юношеских команд, — завтрашний день нашего футбола.

Глядя на эту торжественную обстановку, мы вспомнили, как много лет назад, когда эти мальчики еще не родились, на стадионе вот так же, как сегодня, впервые выставили «Кубок СССР». Это было в 1936 году. Тогда В. Моргунов и сделал первую свою надпись на крышке кубка: «Локомотив».

С тех пор прошло 17 лет. Десятки тысяч команд, миллионы футболистов вели борьбу за этот приз. Росло их мастерство, выдвигались новые имена, раскрывались способности команд, умеющих на «короткой дистанции» кубковой борьбы показывать свое превосходство.

Чаще всего на крышке кубка мелькают надписи: «Спартак», «Торпедо». Эти команды по нескольку раз владели призом. А в нынешнем сезоне они «сложили оружие» задолго до решающей встречи. Впервые в финале оказался куйбышевский «Зенит» — грозный соперник столичных динамовцев. Это придавало предстоящему состязанию дополнительный интерес.

И первые же минуты игры подтвердили остроту ситуации. Несмотря на то, что в самом начале встречи динамовцы со штрафного удара вбили мяч в сетку ворот волжан, пыл борьбы не угасал. Атаки москвичей продолжались, но наступательного порыва динамовцев хватило лишь на двадцать минут. Московские любители футбола, известные своим уважительным отношением к гостям, оживились. Они ждали ответных атак. Но игра волжан еще раз доказала, что тактика прорывов, рассчитанная на одного (пусть и хорошего) игрока, не приносит успеха. Центр нападения «Зенита» А. Гулевский проиграл поединок со своим земляком, центром защиты динамовцев К. Крижевским. Остальные же нападающие «Зенита» показали полную растерянность и неумение обращаться с мячом вблизи чужих ворот.

Ну, а динамовцы? Почему они не использовали свое техническое и тактическое превосходство? Почему игра с каждой минутой становилась бледнее и бесцветнее и финальная встреча походила на обыденный, ничего не решающий матч?

Казалось бы, динамовцы, которые за три года впервые добились активного счета в матче с волжанами, должны были играть с нарастающим подъемом, показать образцы мастерства. Ничего подобного не произошло. Вместо этого зрители увидели странную успокоенность — желание удержать минимальное, в какой-то мере случайное, превосходство в один мяч.

Почему наши футболисты так мало думают о своей спортивной репутации, об интересах миллионов зрителей? К сожалению, картину равнодушного «отбывания футбольной повинности» мы наблюдали не только в финальной встрече.

Только за несколько минут до конца состязания вновь загорелся «спортивный огонек» борьбы, которого так не хватало в течение всего матча...

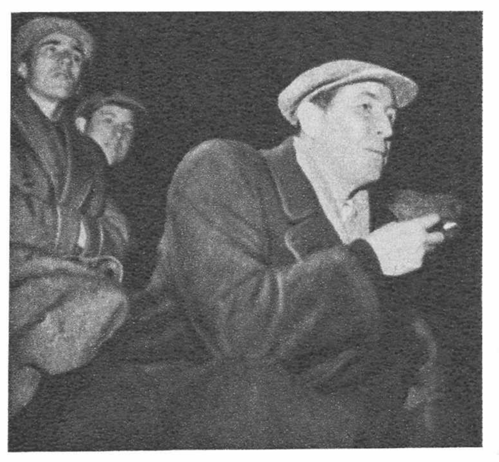
Существует старое изречение: победителей не судят. Но многие зрители отказались на сей раз от этого правила. Они не скрыли своего недовольства как игрой побежденных, так и игрой победителей. И в этом чувствовалась живая заинтересованность любителей прекрасной игры, забота о будущих успехах наших команд, о росте мастерства советских футболистов...

Прозвучал финальный свисток. Динамовцы победили со счетом 1 : 0. Команды выстроились против столика с призом. Снят почетный караул. «Кубок СССР» вручен капитану москвичей Константину Крижевскому. В. Моргунов закончил четырнадцатую надпись на крышке кубка. Он вырезал слова: «Динамо». Москва».

М. МЕРЖАНОВ,
В. ВИКТОРОВ

Юра Смирнов поздравляет с победой капитана команды «Динамо» К. Крижевского.

Команда «Динамо» (Москва), победитель «Кубка СССР».



Тренер динамовской команды М. Якушин следит за игрой.

Фото А. Бочинина и Е. Тиханова.

ДЕЛЕГАТЫ

Заметки с III Всемирного конгресса профсоюзов

В президиуме конгресса. Слева направо: Лю Нин-и, Луи Сайян, Джузеппе Ди Витторио, Н. М. Шверник, Ален Ле Леап.

В венском Концертхаузе работает III Всемирный конгресс профсоюзов.

Войдем в большой зал заседаний. Рядом с виднейшими профсоюзными деятелями Европы, Китая, Латинской Америки, Индии мы увидим здесь рядового токаря парижского завода «Рено», клерка из Рангуна, докеров из Бреста и Сингапура, вьетнамского телеграфиста. За одним общим столом сидит около ста делегатов Германской Демократической Республики и Западной Германии.

Такого представительного собрания, выражающего интересы трудящихся всего мира, как этот конгресс, не видала история рабочего движения. Как отметил во вступительной речи председатель Всемирной федерации профсоюзов Джузеппе Ди Витторио, одна из особенностей этого великого собрания посланцев рабочих более 70 стран состоит в том, что многие делегаты были избраны непосредственно на фабриках и заводах, на плантациях, в портах и на железных дорогах...

Из разных уголков земного шара на всех языках и наречиях беспрерывно приходят в Концертхауз письма, телеграммы с пожеланиями успеха конгрессу в его важной и нужной для всех работе. Цель конгресса — укрепить единство рабочего класса в борьбе за лучшую жизнь, за национальную независимость, за мир, и эта цель понятна всем собравшимся в Концертхаузе. Они связывают с конгрессом свои лучшие надежды и чаяния.

* * *

С трибуны конгресса может выступать каждый его участник. Это с удовлетворением отмечает молодой гамбургский рабочий Артур Вернер, с которым мы разговаривали во время перерыва. Незадолго до приезда в Вену он написал вместе с двумя десятками товарищей обращение к рабочим Западной Германии о поддержке III Всемирного конгресса профсоюзов. За это его исключили из рядов социал-демократической партии. Что и говорить, нелегко было ему добраться до Вены! И вот он здесь, он участник конгресса. Он делает это для Германии.

— Наша страна,— говорит Вернер,— сейчас переживает тяжелое время. Ей нужно единство и еще раз единство.

Он хотел бы еще много сказать своим новым друзьям и товарищам — делегатам конгресса, — но прежде всего два слова о врагах единства.

— Недавно у нас в Гамбурге была забастовка,— рассказывает Артур Вернер.— Нас поддержали рабочие в Бремене. Вопрос шел о повышении заработной платы. Но специально подосланные штрейкбрехеры сказали нам, что Бремен кончил бастовать, и это сорвало наше дело. Когда мы узнали, что бременские товарищи продолжают забастовку, было уже поздно.

— Но вы хотя бы разоблачили провокаторов? — спрашивает горняк из Рура, подошедший к нам во время беседы.

— Конечно! — отвечает Вернер.— Но, как ты знаешь, стóит у нас выступить против тех, кто срывает рабочее единство, и тебя гонят с работы да еще обвиняют в клевете...

Горняк из Рура кладет руку на плечо юноши.

— Надо верить, Артур,— медленно и веско говорит он,— что придет время, когда мы в Германии сами будем судить предателей рабочего дела...

Рурского горняка послал в Вену производственный совет, который состоит из самых уважаемых шахтеров. Несколько часов шел спор: посылать представителя на конгресс или нет? Некоторые говорили, что этим можно навлечь репрессии со стороны реакционных руководителей немецких профсоюзов на Западе. Спорили долго и горячо. Наконец председатель в наступившей тишине поставил первым свою подпись. Тогда 10 из 17 членов совета присоединились к нему...

* * *

Снова начались прения по докладу Луи Сайяна.

Среди делегатов мы видим Элио Морья, маленького кубинца, официанта из Гаваны. Он слушает речь делегата Гватемалы В. Мануэля Гутьерреса, который рассказывает о победоносной семидесятидневной забастовке рабочих компании «Пан-Америка». Что и говорить, поучительная история и для рабочих Кубы!

— Как отнеслись рабочие Кубы к вашей поездке в Вену? — спрашиваю я.

— Они взяли на себя все расходы по поездке. И это понятно: мы ждем от конгресса много хорошего для всех рабочих и для нас, кубинцев, в частности. Может быть, вы слышали, как был убит наш товарищ Хесус Менендес? Его знала и любила вся Куба. Менендеса убили выстрелом в спину, потому что он боролся за единство трудящихся Кубы. Как же я мог не поехать на конгресс? Если бы Хесус был жив, он был бы сам сегодня здесь, в Вене!

На трибуне делегат Финляндии. Далеко от этой страны до жарких африканских пустынь. Но посмотрите, как внимательно слушают речь финна африканские негры, которые с таким трудом преодолели рогатки французских колониальных властей, чтобы приехать на конгресс. Делегат Финляндии говорит об усиливающихся атаках крупного капитала на финских лесорубов, сплавщиков, бумажников и о предательстве правых лидеров финских профсоюзов. Делегаты Африки кивают головой — это известно по собственному опыту и им. Но с трибуны звучат не только слова о трудностях борьбы. С какой гордостью рассказывают многие о победах рабочего класса, о крепнущей с каждым днем международной солидарности, о радостных перспективах движения за мир!

С нетерпением ожидали делегаты выступления представителя профсоюзов СССР. И вот председательствующий предоставляет слово главе советской профсоюзной делегации вице-председателю ВФП Н. М. Швернику. Весь зал горячо приветствует руководителя советских профсоюзов, вся деятельность которых служит вдохновляющим примером для миллионов трудящихся земного шара.

Оценивая успехи, достигнутые международным рабочим движением, товарищ Шверник говорит, что идея единства рабочего класса стала жизненной необходимостью — миллионы трудящихся в единстве видят могучий источник своей силы.

Товарищ Шверник говорит о неуклонном повышении жизненного уровня советского народа, систематическом снижении цен, строительстве жилых домов, расширении сети санаториев, школ, больниц, родильных домов. Картины советской жизни, одна ярче другой, проходят перед конгрессом, говоря убедительным языком фактов и цифр, какие величественные перспективы открыты перед страной социализма. Эти цифры и факты глубоко волнуют всех участников конгресса: в них они видят плоды свободного, мирного труда советских людей... В зале гремят аплодисменты.

* * *

Снова перерыв... В центре большого зала, окруженный делегатами, стоит невысокий, худощавый человек с седой головой. Это Ален Ле Леап, генеральный секретарь боевого объединения французских профсоюзов — Всеобщей конфедерации труда. За несколько недель до конгресса он был освобожден из тюрьмы: французская реакция вынуждена была сделать это под давлением протестов рабочих многих стран.

— Все ли делегаты Франции прибыли на конгресс? — спрашиваю у него.

— Все, кроме одного,— отвечает Ален Ле Леап.— Он так и не смог добиться паспорта. Очень хороший парень с завода «Рено»...

В это мгновение молодой рабочий проталкивается через толпу и протягивает руку Алену Ле Леапу:

— Я здесь, товарищ Ален, я все-таки приехал!

Глаза молодого металлиста сияют радостью. Именно здесь, на конгрессе, он впервые увидел своего старшего товарища после его освобождения.

Подходит Гастон Монмуссо, один из старейших деятелей французского рабочего движения. Раскуривая трубку, он неторопливо отвечает на вопросы окруживших его журналистов.

— Кто входит в состав французской делегации?

Монмуссо оживляется.

— Лучшие люди Франции,— отвечает он,— многие из них — участники забастовок. Вот вожак забастовки железнодорожников, а вот генеральный секретарь почтовиков. Знакомьтесь: товарищ — металлист из Гавра, он может подробно рассказать о забастовке.

— Наша забастовка, по сути дела, продолжается и сейчас, хотя металлисты приступили к работе.

— Как же так?

— Очень просто. Забастовочные комитеты на заводах Гавра не распущены и поныне продолжают добиваться удовлетворения требований рабочих. Все время объявляются забастовки на час или полтора.

— Чем отличалась последняя забастовка от предыдущих?

— Солидарностью всего Гавра. Когда подъезжали машины с полицейскими, которые пытались сорвать нашу забастовку, толпы женщин, жен рабочих, начинали петь патриотические и революционные песни. Этим они давали понять полиции, что бастующих не запугать.

— Вы сказали: солидарность всего Гавра. В чем еще выражалась она?

— Мы разослали письма крестьянам в окрестности Гавра, и они прислали забастовщикам тонны картошки. Мы послали письмо торговцам с просьбой поддержать нашу забастовку, и они собрали сотни тысяч франков. Даже многие священники поддерживали нас...

* * *

В Концертхаузе начали работу операторы немецкой киностудии «Дефа» во главе с известным режиссером Иорисом Ивенсом. Идет съемка фильма о конгрессе. Впрочем, не только о конгрессе, но и о рабочем движении в разных странах. Сценарий пишется здесь же, на месте. Иорис Ивенс говорит, что у него очень много консультантов — это делегаты конгресса.

Иорис Ивенс — участник многих международных встреч, в том числе конгрессов сторонников мира. Он делится впечатлениями:

— В этом зале особенно остро ощущаешь великую силу нашего времени — силу организованного рабочего класса. Люди приехали сюда прямо с передовых позиций классовых боев. Мы видим рядом англичан и немцев, французов и вьетнамцев. У них есть о чем поговорить, и язык у них общий. Это единство мы должны передать в нашем фильме.

Иорис Ивенс говорит, что за 20 лет своей работы в кино он впервые переживает такое творческое воодушевление: с каждым заснятым кадром он все больше ощущает то огромное воздействие, которое будет иметь конгресс на повседневную жизнь и борьбу трудящихся всех стран.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Вена.
По телефону от нашего специального корреспондента.

Общий вид зала Концертхауза, где заседает III Всемирный конгресс профсоюзов.

НА СКЛОНАХ БУФФАЛО-РИДЖ

Джозеф НОРС

Машина наша без конца петляет и делает головокружительные повороты по горным дорогам Буффало. Четыре тысячи пятьсот футов высоты, а внизу, в ущелье — мутная река Элк-Ривер рвется через скалы и камни.

Молодой солдат федеральных войск в широкополой шляпе неожиданно выступает из кустов на дорогу.

— Куда держите путь? — спрашивает он, записывая в книжку номер машины. — И чего вы тут не видали?

Мы задаем ему встречный вопрос: а разве здесь что-либо случилось? Он говорит, что приказано обыскивать все машины, нет ли оружия. И, не дожидаясь ответа, он подходит к багажнику нашей машины и открывает его. Должно быть, солдата удовлетворяет вид пары изношенных ботинок и старого насоса: все это предметы нестреляющие. Он дает нам знак следовать дальше.

— Будьте спокойны, мы тут навели порядок, — успевает он сказать, пока машина трогается.— Теперь все будет тихо!..— Он кивает головой в сторону шахтерского городка Уайдена, который виднеется в долине.

Еще миля пути — и мы на перекрестке местной дороги и шоссейной магистрали номер 11. Здесь мы и сталкиваемся лицом к лицу с рабочим пикетом. Люди сидят на корточках на обочине бетонированного шоссе. Они медленно выпрямляются во весь рост и глядят на нас настороженно и в то же время спокойно.

Объясняем, что мы корреспонденты из Нью-Йорка, только что побывали на питательном пункте для забастовщиков в Айвидэйле и там беседовали с Дэйрилом Дугласом; он нам и посоветовал ехать сюда, чтобы повидаться с Дьюи Триплеттом и осмотреть другой питательный пункт, возле Дилля.

Парни из пикета не очень приветливо оглядывают нас: им уже приходилось иметь дело с газетчиками, и, видно, они так и не дождались, чтобы газеты написали правду о том, что здесь происходит. Мы отвечаем, что собираемся описать все по-честному.

— Пора бы уже! — говорит высокий худой пикетчик, и ироническая усмешка пробегает по его лицу. Он отступает в сторону, давая нам дорогу. — Кухню нашу увидите там, внизу, на одиннадцатой миле.

* * *

В первый раз пикеты забастовщиков вышли здесь на дорогу в сентябре прошлого года. И с тех пор они несут свою стачечную службу, эти молодые горняки в поношенных солдатских куртках,— след их участия во второй мировой войне. Теперь им приходится вести другую войну — здесь, дома, в живописных долинах, среди величественных гор, на земле, где они родились и выросли.

Я бросаю на них последний взгляд через зеркальце на ветровом стекле машины. Это их и таких, как они, с месяц назад окружили двести пятьдесят вооруженных скорострельными винтовками наемных хулиганов компании «Элк-Ривер», отряды федеральной полиции, местных жандармов. Окружили и отвели в тюрьму города Клэй, милях в шестнадцати отсюда. Мне уже рассказывали в Чарльстоне, столице штата, что тюрьма в Клэй рассчитана не более чем на десяток арестантов. В нее загнали пятьдесят рабочих. Люди стояли плечом к плечу день и ночь, не имея возможности не то что прилечь, но даже присесть.

Матери, жены, невесты и дочери арестованных спустились с гор и пришли в окружной город требовать их освобождения. Женщин встретили дула винтовок: ни шагу дальше! Власти округа обвинили арестованных рабочих в... убийстве. На самом деле вооруженные агенты и полицейские, прибывшие на машинах, сделали более ста выстрелов по питательному пункту бастующих рабочих. Это произошло седьмого мая нынешнего года. Когда обстрел прекратился, один из налетчиков, по имени Чарльз Фрэйм, оказался убитым. Рабочие решительно заявляли, что пулю он получил от кого-либо из своих же приятелей во время беспорядочной стрельбы, тем более что стрелявшие были поголовно пьяны и все время швыряли пустые бутылки от виски в окна питательного пункта.

Ни в чем не повинные люди просидели в тюрьме восемь дней. Боясь шума, поднятого толпой женщин, власти освободили на поруки почти всех. Троих, впрочем, судили и, вопреки фактам и свидетельским показаниям, вынесли им обвинительный приговор «за убийство».

В Айвидэйле мы узнали от руководителя забастовки Дэйрила Дугласа о ее причинах. Рабочие из Уайдена не могли больше терпеть надругательств старого Генри Ганди. Этот главный администратор угольной и лесопильной компании «Элк-Ривер» привык вести себя на ста двадцати квадратных милях территории, принадлежащей компании, как средневековый владыка. Шахтеры и лесорубы так и зовут его «князь Ганди». Владельца же шахт Джона Г. Брэдли, крупного дельца из Нью-Джерси, шахтеры именуют «король Брэдли».

И вот мы у «кухни». Так называют стачечники здешний питательный пункт. Маленькое, одноэтажное, сложенное из бетонных блоков здание с почти сплошь разбитыми стеклами окон (это следы обстрела).

Жизнь кипит в изрешеченном пулями домике. Женщины из горных поселков готовят здесь еду для сорока — пятидесяти пикетчиков, а заодно и для собственных семей. Молодые женщины в миткалевых передниках подают блюда мужчинам и детям, которые сидят вокруг положенных на чурбаны длинных досок, заменяющих стол.

* * *

Они глядят на нас вначале как-то вызывающе. Кто-то из мужчин уходит позвать Дьюи Триплетта. Лишь когда Триплетт обменивается с нами рукопожатием, лед начинает таять, и в комнате сразу становится веселее. Видно, как уважают здесь Дьюи Триплетта, его даже называют «мистер Триплетт». Он вожак стачки.

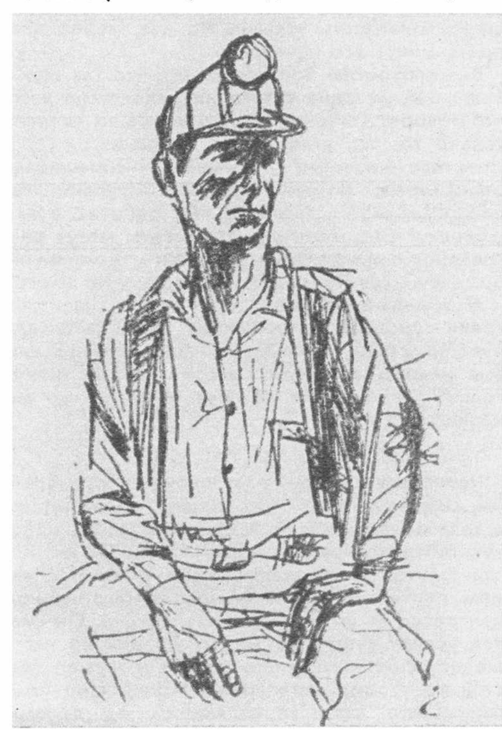
Триплетт смотрит на нас ясными серыми глазами, взгляд их неизменно спокоен. Рукопожатие его мужественно и крепко. Это хорошо сложенный человек лет пятидесяти пяти, у него низкий, хрипловатый голос, — должно быть, он страдает обычной среди пожилых шахтеров астмой.

Он стоит перед нами, этот человек неистощимого терпения и мужества, со шрамом от пули на лице, хорошо знающий, что это не последняя пуля. Трижды динамит взрывался под окнами его дома.

Триплетт вежливо спрашивает, не проголодались ли мы, и приглашает присоединиться к сидящим за длинным столом. На столе стоят большие миски с картофелем, жаренным в сале, люди едят макароны в томатном соусе, овсяную кашу, гороховый суп, белый хлеб. Каждый получает еще по куску свежеиспеченного пирога с малиной. К нам поворачиваются улыбающиеся лица, улыбается и маленькая пожилая женщина, не первый час хлопочущая у пылающей жаровни с углями. Это она печет пироги, и все отдают должное ее искусству. Похвала, видимо, ее радует, и она гордо оправляет свой передник.

«Мистер Триплетт» неторопливо рассказывает нам, что независимый Объединенный союз горняков щедро поддерживает бастующих, ни одна из пятисот пятидесяти семей стачечников не голодает. Еда отпускается три раза в день здесь и в Айвидэйле. Есть и склад с запасом мяса, консервов, жиров, медикаментов.

Потом разговор заходит о следах пуль в



Пикетчик.
Рисунок сделан одним из бастующих рабочих.

Несколько десятков арестованных рабочих загнали в тюрьму города Клэй.

Джозеф Норс — известный прогрессивный американский журналист. Печатаемый репортаж был опубликован в американском журнале «Мэссиз энд мэйнстрим» в августе этого года.

стенах, на потолке и в цементном полу. Триплетт знакомит нас с пожилым горняком — у него пуля выбила из рук чашку с кофе.

Историю обстрела стачечники рассказывают нам обстоятельно, с деловитой серьезностью, свойственной жителям гор. Никто не гонится за красноречием, никто не повышает голоса. Идет простое перечисление фактов, но факты эти — целое сказание о мужестве и героизме.

Жилистый шахтер лет тридцати выступает вперед, и Триплетт называет нам его имя.

— Это Вирджил Нельсон, — говорит он и добавляет, словно украшая этого человека лавровым венком: — Он хороший стачечник!

Вирджил подробно рассказывает нам, как было дело с обстрелом. Компания стянула все свои вооруженные силы. В ночь на седьмое мая колонна грузовиков, набитых агентами и штрейкбрехерами, спустилась по шоссе номер 11 и остановилась против пикетов. Головорезы были пьяны, они кричали: «Подождите, пусть только часы покажут четыре. Запомните: четыре часа!» Стачечники, конечно, понимали, чем это пахнет. Они послали гонцов в Чарльстон к Уильяму Блиццарду, председателю окружного комитета Объединенного профсоюза горняков; это милях в сорока к югу. Они отправили делегации и к губернатору штата Мерлэнду и к судье Даффильду.

— Мы сказали им, что вооруженные люди, посланные компанией, собираются открыть огонь по нашим пикетам. Власти ответили, что закон выступит на нашу защиту...

Вирджила Нельсона перебил один из шахтеров:

— В четыре часа все было еще тихо. Мы уже думали, что ничего не случится. Мы думали, что власти вмешались и компании пришлось сматывать удочки. Но нет, через двадцать минут все началось...

Все наперебой подтверждают, что так оно и было. Но ни одна газета не напечатала того, что говорят рабочие. В газетах было сказано только то, что утверждает компания.

— Мы, — говорит Триплетт, — спрашивали репортеров: почему газеты поступают так несправедливо и загоняют нас, рабочих, в мышеловку? Они ответили, что газеты могут разговаривать по телефону только с компанией, а стачечников компания к телефону не зовет!..

Мужчины и женщины, окружавшие нас, смотрели сурово и вопрошающе. Нас охватывало чувство стыда за людей нашей профессии. Мы знали: эти люди поверят нам до конца только тогда, когда прочтут сами то, что мы напишем о них...

* * *

Когда мы кончили разговаривать с рабочими, картина того, что здесь происходило, встала перед нами во всей полноте. Да, здесь чувствовалась рука «князя» Гарри Ганди. Когда-то этот шестидесятилетний человек с видом почтенного отца семейства был членом конгресса от штата Северная Дакота. Он оказал услуги «королю» Джону Брэдли по части железнодорожных тарифов. Он сумел настолько угодить президенту «Элк-Ривер компани», что стал управляющим ее делами, а затем возвысился до вице-президента компании.

Гарри Ганди любит повторять устно и в печати, что он человек богобоязненный и законопослушный, что в делах компании он никогда не одобрял применения какого-либо принуждения или насилия.

Нам рассказали, что Гарри Ганди сколотил специальный «профсоюз» под названием «Лига служащих Уайденских угольных шахт». Попробуйте обратиться в этот «профсоюз» с жалобой на то, что вы не можете работать по колени в воде или что вам из-за гнилого крепления изуродовало руку обвалившейся породой, молодчики из «профсоюза» за вашей спиной договорятся с Ганди, и вы уйдете ни с чем.

В конце прошлого года рабочие выбрали комитет из семи человек, которые должны были выступать непосредственно от имени рабочих в переговорах с компанией, минуя предателей из «профсоюза» Ганди. И вот этот богобоязненный муж вызывает к себе двух рабочих, простых, малограмотных парней Тони Джорджа и Бака Кэйрта, и за закрытыми дверями предлагает им следующее: они войдут в доверие к комитету, чтобы взорвать его изнутри; он, Ганди, для виду уволит их двоих как «неблагонадежных», но будет платить двадцать долларов в день, пока «дело не будет сделано», а затем вернет на работу.

Об этой наглой провокации можно при желании прочесть в официальных протоколах законодательного собрания штата Западная Виргиния, где публично слушалось дело об обстреле рабочих в Уайдене.

Вот отрывок из показаний Тони Джорджа:

«**Вопрос.** Теперь, мистер Джордж, один личный вопрос. Вы можете, конечно, отказаться на него отвечать. Нас интересует, почему вы сначала согласились на сделанное вам предложение, а потом отказались?

Ответ. Хорошо, я отвечу. Мне очень нужны были тогда деньги, и я сначала думал больше о деньгах. Я был до этого без работы шесть месяцев... Но я не дал ему окончательного ответа. Я сказал, что сообщу ему после, как я решил поступить. Потом я пошел домой и не спал всю ночь. Я разговаривал сам с собой, и жена спрашивала: «Что с тобой стряслось?» Но я не хотел ей рассказывать. Потом кто-то, видно, разболтал про меня и Кэйрта, и ребята из комитета спросили: «Мы слышали, что вы хотите нас засыпать, ты и Бак Кэйрт». Я отрицал. Я знал, что если признаюсь, рабочие меня вышвырнут из шахты. И я сказал: «Нет, я не стал бы делать таких дел...»

Из сухих строк протокола проглядывают тяжелые душевные переживания этого рабочего, который в конце концов пришел к правильному решению. Он понял, что не может поступить, как провокатор, и пойти против своих же товарищей. «Это значило бы, — говорит Тони Джордж в своих показаниях, — всадить нож в спину, и всех бы это возмутило, и я не мог бы смотреть в глаза старикам, что работают здесь, в Уайдене, много лет, а я ведь тоже с ними вместе поработал немало. И вот я не мог сделать этого. Это не по мне».

«Князь» Ганди, впрочем, не унывал: он повторил свое предложение сотням людей. Сейчас у него целая армия из двухсот пятидесяти вооруженных автоматами провокаторов, навербованных по всему округу Клэй и по всему штату из завсегдатаев игорных домов и профессиональных воров.

Потом Триплетт отвез нас в дом шахтера Дженнингса Бэйля — одного из троих, осужденных за «убийство». Это была маленькая ферма в четырех милях от «кухни».

Нас встретила мать Дженнингса — миссис Элла Маэ Бэйль, невысокая пятидесятилетняя женщина с большими глазами. Она вышла из кухни, вытирая руки о фартук, и сердечно поздоровалась с Триплеттом. Когда он сказал, что мы хотим написать правду об Уайдене, она так же сердечно пожала руки и нам.

Мы уселись на крыльце. Над вершиной горы собирались тяжелые тучи, кое-где сверкали далекие молнии. По пастбищам вокруг уже шумел проливной дождь, он весело стегал и пригибал к земле молодые деревца. Миссис Бэйль спросила Триплетта, что он думает о предстоящем суде над выпущенными сорока семью шахтерами.

— Они не могут подобрать судью, который вынес бы обвинительный приговор, — ответил Триплетт, задумчиво глядя на мокрый от дождя луг.

Потом он стал рассказывать о том, что после обстрела «кухни» население округа Клэй все встало на сторону стачечников. Мужчины и женщины, которых горняки никогда и не видели, приезжали, привозили наличные деньги, облигации, акции, и так были собраны сто двадцать пять тысяч долларов залога.

— Если бы нам потребовалось пятьсот тысяч, мы бы собрали и такую сумму.

В голосе Триплетта, когда он произносил эти слова, прозвучала нотка гордости.

* * *

Нам осталось еще посетить семью одного пикетчика, Дельберта Николаса, моряка, ветерана второй мировой войны. Его убили седьмого июня этого года, когда он поил корову у себя на лугу. Пуля наемного убийцы попала ему прямо в сердце.

Вдова его Эльза-Мэйбел сидела на пороге своей деревянной хижины, смотрела на изумительной красоты долину и укачивала свою внучку Грету. Рассказ ее был прост. Еще в феврале какие-то неизвестные сожгли у них сарай и прирезали корову. Это было «предупреждение» ее мужу, но он продолжал ходить в забастовочные пикеты туда вниз, на дорогу. Через два месяца они ночью вскочили с кроватей: под окнами раздался взрыв. Но на другой день Николас опять пошел в пикет.

— И вот, в то воскресенье, седьмого июня, утром, когда мы собирались в церковь, он сказал: «Очень жаркий день, говорят, сегодня. Может быть, мне лучше пойти попоить скотину вместо того, чтобы идти в церковь?» Я вышла на крыльцо — вот так же, с Гретой на руках. Он поиграл с Гретой — муж был без ума от девчушки. Потом пошел поить скот. Когда мы вернулись из церкви, мой сын Орда, ему шестнадцать лет минуло, спрашивает: «А папы почему нет дома?» Я говорю: «Не знаю, надо пойти посмотреть». Сын ходил весь день и нашел отца только в одиннадцать часов вечера. Он прибежал с криком, в слезах. Мой брат кинулся туда с мальчиком... и вот муж лежал там мертвый!..

Женщина все смотрела вниз, на одетую в роскошный зеленый наряд долину.

Вдова рассказала нам о похоронах, которые профсоюз устроил ее Дельберту. Было много цветов, и люди из профсоюза были очень добры к ней, оплатили все расходы.

— Нам дали вдоволь продовольствия. И рабочие наши тоже очень сочувствовали мне, приходили на ферму, скосили траву, сметали стога. Народ у нас хороший, все были добры ко мне! — Она тихо гладила по шелковистым волосам свою уснувшую внучку. — Я останусь здесь, в этом доме, — сказала она, помолчав.— Муж любил этот дом и наше поле.

У женщины впервые дрогнул голос, когда она говорила, что Дельберт лежит недалеко, в долине, и она может каждый день ходить к нему на могилу и видеть венки, которые положил профсоюз.

— Профсоюз проводил его с почетом, — так закончила вдова, и это прозвучало как надгробная эпитафия, подводящая итог тому, что сумел сделать в своей жизни ее муж.

* * *

Мы попрощались с вдовой и отправились в обратный путь. Когда наша машина взбиралась на крутой подъем, сзади раздался резкий, требовательный гудок. Мы с Триплеттом оглянулись: вплотную за нами шел низкий красный гоночный автомобиль. Шоссе было здесь узко, и наш шофер прибавил газу. Триплетт сказал спокойно:

— Это Чарли Дэмбер, инженер с шахты. Он вожак тех головорезов. Уступите ему лучше дорогу, пустите его вперед.

Мы взяли в сторону, и когда красная машина пролетала мимо, я успел заметить сухое, надменное лицо молодого человека, сидевшего у руля. Он бросил на нас взгляд искоса, машина его убавила скорость и пошла впереди шагах в ста.

Мы снова обернулись: сзади появился еще один автомобиль, черный лимузин. Эта машина, видимо, не собиралась нас обгонять.

Мы продолжали взбираться на подъем, зажатые между двух машин. Триплетт спокойно глядел вперед. Потом он сказал:

— Ничего. Едем дальше. Эти молодчики ничего нам не сделают, пока светло.

Мы доехали до грязного проселка, отходившего вправо от шоссе, и повернули туда. Черный лимузин свернул вслед за нами. Триплетт посмотрел на нас и проворчал с улыбкой:

— Они хотят дать понять, что следят за вами. Но они ничего не сделают при дневном свете.

Триплетт добавил, что все же лучше нам не появляться в этих местах, когда стемнеет. Мы довезли его до «кухни». Он крепко пожал нам руки и сказал на прощанье:

— Я думаю, ребята, вам теперь в самый раз махнуть прямо в Чарльстон.

Когда мы выезжали на большую магистраль, солдат федеральных войск снова вышел из своей засады нам навстречу. Он опять обыскал машину, потом сказал дружески:

— Ну как, все спокойно там? Мы уж постарались, чтобы все было спокойно.

Сокращенный перевод с английского.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ НАЗВАНИЯ

На дороге, ведущей в село Немашхлеба, стоял когда-то этот указатель.

Немашхлеба — так до недавнего времени называлось небольшое польское село на берегу Одера. Село древнее, и испокон веков так и звалось оно: Немашхлеба, что в переводе на русский язык означает: «Не имеешь хлеба». Даже в те времена, когда на этих древних польских землях владычествовало пруссачество, название села оставалось прежним — его только немного переиначили на немецкий лад: Немашглебау.

Село Немашхлеба было сродни дореволюционным русским Гореловым, Нееловым, Неурожайкам-тож. Таких сел в старой, буржуазно-помещичьей Польше было много. Даже по официальной тогдашней статистике, девять миллионов безземельных и малоземельных крестьян питались одной картошкой.

Так жили и в деревне Немашхлебе. Малоплодородная, кое-как обработанная болотистая почва давала скудные урожаи, да и те нередко уносило водами разбушевавшегося Одера. Голод и нужда царили в крестьянских хатах. Смерть ходила по пятам людей.

Немашхлеба!..

По-новому зажило это село в наши дни, после того, как Советская Армия и боровшееся плечом к плечу с ней Войско польское очистили страну от захватчиков и народ утвердил свою власть на родной земле.

Радостная новь заглянула и в хаты крестьян Немашхлеба. Обездоленные, не видавшие светлого дня в жизни, они сняли первые урожаи на своей земле. Народная власть повела работы по укреплению берегов Одера и регулированию его вод. Немашхлебовцы создали у себя земледельческий производственный кооператив, назвав его «Одер». На помощь крестьянам пришли агрономическая наука, машинно-тракторная станция, народное государство.

Недавно крестьяне села собрались на сходку. Вспомнили, как жили раньше, сравнили прошлое с настоящим и сказали:

— Какое же наше село — Немашхлеба? Хлеб есть в каждой хате. Надо сменить название: не подходит оно...

Удовлетворяя их желание, Совет Министров Польской Народной Республики утвердил переименование этого древнего польского села. И теперь при въезде в него на дорожном столбе красуется четко выписанное слово: Хлебово.

Мих. ЯРОВОЙ

— Ну какое же наше село Немашхлеба, когда у всех вот такие караваи!—говорит Станислава Плонкова.

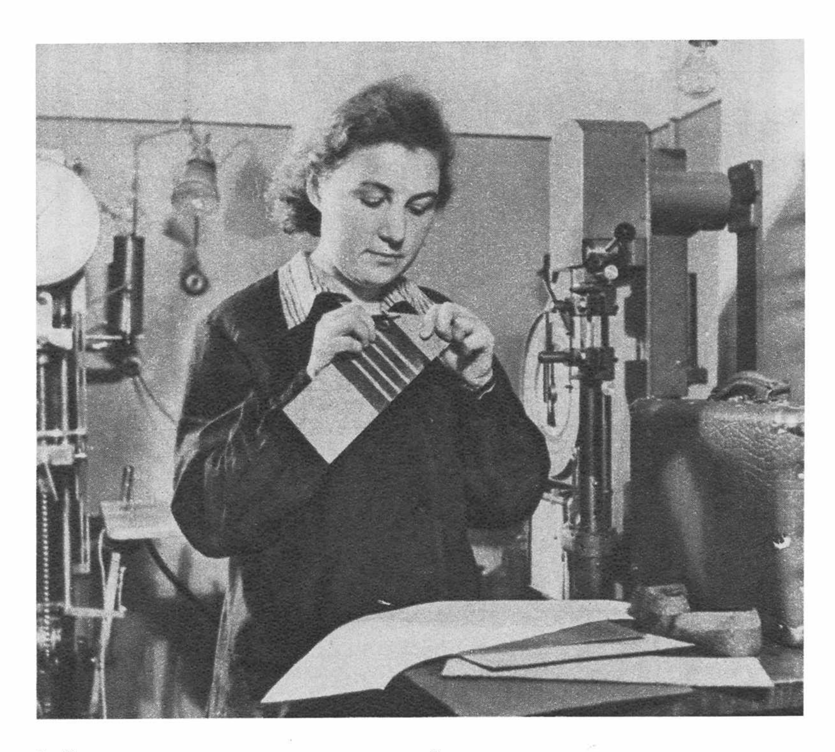
Легко работать артелью в поле! Хорошо с веселой песней возвращаться домой с работы!

С радостью читали крестьяне в газете «Монитор польский» решение правительства о переименовании села.

Вот оно, наше Хлебово!

ИСКУССТВЕННАЯ КОЖА

Семен **КАНЕВСКИЙ**



В Центральном институте заменителей кожи решаются и другие немаловажные вопросы. Кандидат технических наук Лидия Ивановна Кострюкова руководит лабораторией, коллектив которой работает над проблемой использования отходов натуральной кожи. На столе — чемодан из «восстановленной» кожи.

Взамен кожи! При этих словах мы вспомнили о бумажных стельках, расползавшихся после первого дождя, о задниках из загадочного жестеподобного материала. Эти не очень веселые мысли об эрзацах того времени, когда наша молодая промышленность пыталась хоть чем-нибудь смягчить острую нужду в натуральной коже, мгновенно исчезли, едва мы переступили порог Научно-исследовательского института заменителей кожи.

Мы находимся в кабинете Владимира Иосифовича Алексеенко — директора института. Комната уставлена моделями и деталями туфель, ботинок, босоножек, сапог. Директор коротко знакомит нас с «анатомией» современной обуви. Далеко, однако, ушло некогда простое дело, начатое со стелек из промокательной бумаги, проклеенной столярным клеем! Теперь даже в дорогом модельном ботинке задники, подноски и подкладку изготовляют из искусственного материала. И если к этому добавить микропористую резиновую подошву, на которой в текущем году будет выпущено 34 миллиона пар обуви, то станут понятны внушительные размеры и технологическая сложность промышленности, вырабатывающей отличные заменители кожи из синтетических органических веществ.

Владимир Иосифович показывает новые сорта микропористой цветной резины. Нарезанные в форме крохотных подошв, они похожи на изящные игрушки, эти образчики резины синего, беж, красного, белого цвета и трехслойные, многоцветные.

— Мы научились окрашивать микропористую резину в любой тон,— говорит директор.— Это украшает обувь, особенно женскую. Промышленное производство цветной микропористой подошвы приняло широкие размеры. Кстати, она носится в два — три раза дольше, чем подошва из натуральной кожи...

Наше внимание привлекают зеленые босоножки на зеленой микропористой подошве с белыми прослойками. Изящного покроя верх напоминает хромовую кожу, покрытую цветным лаком.

— Вы не первый, кто ошибается,— улыбнулся директор.— Это вовсе не натуральный хром, а искусственная кожа. Так и называется: «ИК». Наша последняя новинка...

В лаборатории, которой руководит доктор технических наук А. Д. Зайончковский, его помощник кандидат технических наук Я. М. Ябко объяснил сущность проблемы:

— Наша цель — дать для производства обуви и галантереи искусственную кожу, которая бы отвечала всем необходимым требованиям...

Задача эта совершенно реальна. Первой попыткой института создать искусственную кожу для верха обуви был ворсит. Это хлопчатобумажная ткань, покрытая синтетической пленкой. Но ворсит нашел в промышленности ограниченное применение: он «дышит» значительно хуже натуральной кожи. Однако коллектив института продолжает работу над улучшением ворсита. Уже найдены новые ткани, новые покрытия, и надо полагать, что в ближайшее время появится ворсит улучшенного качества.

Разумеется, создание искусственной кожи на тканевой основе не есть единственно возможный способ решения задачи. Лаборатория, возглавляемая тов. Зайончковским, пошла по другому пути. Технологи попробовали как можно ближе воспроизвести строение натуральной кожи — эти бесконечные сплетения тоненьких волокон из белка.

Сотрудник лаборатории разворачивает несколько кусков искусственной кожи синего, красного, коричневого и черного цвета. С внутренней стороны поверхность искусственной кожи — «ИК» — чуть шероховатая, нежно-замшевая.

Производство цветной искусственной кожи уже налажено на заводах в Кунцеве и Калинине. Правда, пока ее применяют для изготовления портфелей, чемоданов, поясных ремней, футляров и других предметов галантереи. Мы подчеркиваем: пока. Еще не закончена всесторонняя проверка обуви из «ИК» в опытной носке.

— Во всяком случае, нам уже ясно,— говорит тов. Ябко,— что «ИК» вполне годна для пошивки открытых типов обуви — сандалий, босоножек. Практическая проверка наглядно это подтвердила. Я ходил все лето в этих сандалетах, изготовленных из «ИК». Они неплохо сохранились. Подошва тоже в довольно хорошем состоянии...

Подошва сандалет также сделана из «ИК». Замечательная особенность нового материала заключается в том, что из него можно вырабатывать и верх и подошву. Увеличивается лишь толщина материала и применяются иные проклеивающие вещества.

Пользуясь одним и тем же исходным сырьем, но применяя различные приемы обработки, технологи придают искусственной коже различные, заранее заданные свойства. Вот где и сказываются преимущества синтетических материалов! Синтез открывает широкие возможности применить «ИК» не только для обуви, но и для изделий, употребляемых во многих отраслях техники.

Кстати говоря, мы себе даже не представляем, сколько натуральной кожи расходует страна для технических целей. Кто бывал, например, на текстильных фабриках, тот видел на машинах всевозможные делительные ремешки, сучильные рукава и муфты, погоняльные ремни, гонки. Все эти детали требуют самой лучшей кожи. Надо надеяться, «ИК» высвободит здесь для народного потребления много тонн первоклассного натурального сырья.

Гигиена требует, чтобы искусственная кожа обладала всеми положительными физическими свойствами натуральной. Она должна хорошо изгибаться, быть эластичной, быть пористой, но в такой степени, чтобы, пропуская наружу влагу, испаряемую нашим телом, не впитывать воду извне. Было время, когда технологи думали, что достигли нужной цели. Они нашли вещества, которые придавали материалу достаточную прочность, мягкость, отличную пористость. Искусственная кожа «дышала» даже лучше натуральной. Но первая же опытная носка сапог, пошитых из искусственной кожи, принесла разочарование: голенища и головки вскоре сильно загрубели.

Однако люди не пали духом. Неудача подсказала им правильное решение, и она пришла наконец, эта долгожданная удача. Теперь найдено сочетание таких химических «специй», которые надежно обеспечат необходимую мягкость и пористость искусственной кожи. Но и этого мало. «ИК» должна обладать способностью длительно работать на изгиб. Ведь при ходьбе обувь в союзке (а в голенищах сапога и в «гармошке») непрерывно сжимается и растягивается.

В институте имеется станок, испытывающий верхнюю кожу на многократную деформацию. Свернув кусок кожи в трубку, его надевают на два цилиндра, которые делают навстречу друг другу 100 движений в минуту. Подражая движению мехов в гармонике, они сминают и расправляют кожу. В первых образцах «ИК» выдерживала на «гармошке» 50 тысяч движений, теперь без ущерба — 3 миллиона. Это уже близко к выносливости верхней натуральной кожи. Промышленность в будущем получит «ИК», пригодную для производства любой обуви.

У искусственной кожи есть одно бесспорное преимущество перед кожей естественной: стандарт размеров и плотности. Возьмем тысячи, сотни тысяч квадратных метров «ИК» — и весь материал от начала до конца будет одинакового качества. А натуральная кожа? В середине она толстая, по краям тонкая, в одном месте прочная, в другом слабая.

Стандартные качества «ИК» откроют путь к созданию непрерывного технологического процесса, начиная от изготовления материала и кончая раскроем на заготовки, подошвы и другие детали обуви. В общей технологической цепи будут работать автоматы, подчиненные единому производственному ритму.

Не думайте, что это «песня далекого будущего». Конструкторы уже получили от обувной промышленности заказ на автоматизированные машины для производства «ИК». Технологический замысел привлекает своей простотой. Машины непрерывного действия превращают сырье в рулоны «ИК». Затем искусственная кожа поступает на автоматы, которые изготовляют детали обуви по желаемому фасону и размеру.

Сырья для производства «ИК» в нашей стране хватит с избытком. Народ получит в неограниченном количестве дешевую, прочную, изящную обувь, пальто, куртки, чемоданы, портфели и прочие вещи из искусственной кожи.

Директор института В. И. Алексеенко показал нам женские босоножки. Верх изготовлен из искусственной кожи, а подошва — из цветной микропористой резины.

Фото Е. Умнова.

В. М. Васнецов. КОВЕР-САМОЛЕТ. 1919—1926.

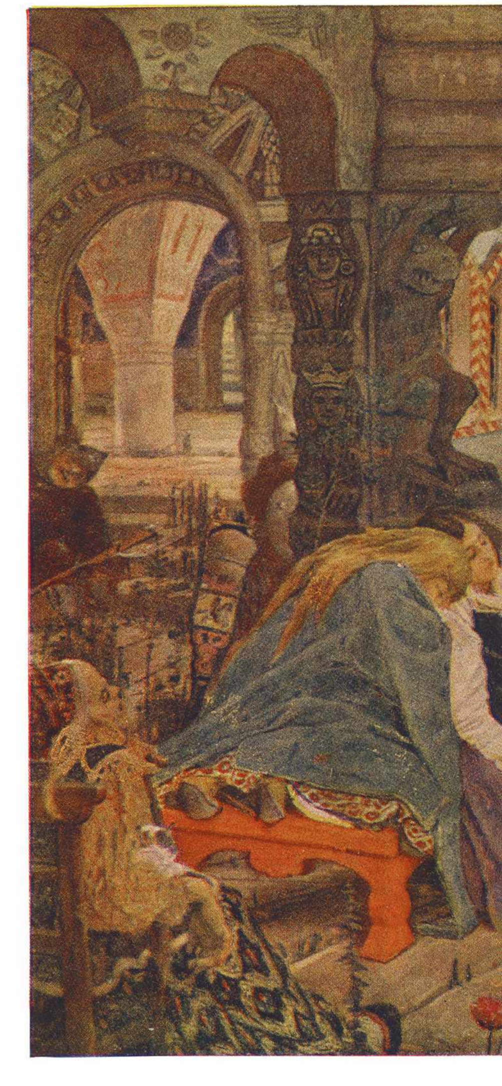
Певец народного эпоса

Среди впечатлений детства, остающихся с вами на всю жизнь,— старые русские сказки, то трогательные и грустные, то задорные и веселые, то страшные. Сказки про Ивана-царевича и прекрасную царевну, про бабу Ягу и Кащея бессмертного, про ковер-самолет или скатерть-самобранку...

Образы этих сказок, созданные народом много столетий назад, не умирают и не стареют. Народный эпос, в основе которого лежат подлинная мудрость, глубокий социальный смысл и богатейшая фантазия, служит неиссякаемым источником вдохновения для художников, писателей, поэтов, композиторов.

Один из крупнейших русских художников-реалистов, Виктор Михайлович Васнецов, был вдохновенным певцом народного эпоса.

Его картины «Аленушка», «Богатыри», «Иван-царевич на сером волке» и другие — яркое и образное воплощение русских былин и сказок — вошли в сокровищницу русского искусства.



В. М. Васнецов. СКАЗКА О СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЕ. 1900—1926.

На наших вкладках публикуются картины, относящиеся к последнему периоду творчества Васнецова и малоизвестные широкому кругу зрителей. Все они находятся в Доме-музее В. М. Васнецова, недавно открытом в Москве.

Полна радостного, светлого чувства, овеяна мягкой лирикой картина «Ковер-самолет». Весна. Рассвет окрасил в нежные, розовые тона облака. Туман еще стелется над разлившейся рекой. Вода, облака и туман сливаются в сверкающую перламутром сказочную даль. На ковре-самолете Иван-царевич с прекрасной царевной. Они прошли все испытания и победили темные силы. Тончайшие переливы красок в картине, общий мягкий ее тон гармонируют с темой молодой и светлой любви, все побеждающей на своем пути.

В картине «Кащей бессмертный» нет сияющих красок и проникновенной лирики. Мрачно и душно в темных хоромах, где «царь Кащей над златом чахнет». На троне сам Кащей, тщетно уговари-

←
В. М. Васнецов. НЕСМЕЯНА ЦАРЕВНА. 1914—1926.

→
В. М. Васнецов. КАЩЕЙ-БЕССМЕРТНЫЙ. 1917—1926.

В. М. Васнецов. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА. 1918—1926.

вающий прекрасную царевну полюбить его.

Или вот еще знакомый с детства сюжет — царевна Несмеяна. Зачарованная царевна задумчива и грустна. Никто не заставит ее улыбнуться, никто не развеселит ее.

Очень красива по своей композиции картина «Царевна-лягушка». Лягушка превратилась в прекрасную девушку. Стройная и величавая, она, танцуя, взмахнула рукой — появился пруд, взмахнула другой — по пруду поплыли белоснежные лебеди. Художник приблизил сказку к жизни, стер грань между фантазией и действительностью: яркая и красочная народная толпа веселится на берегу пруда, а старичок в лодке тем временем удит рыбу.

Очень любил Васнецов свою последнюю большую работу — трогательную и очаровательную «Сказку о спящей царевне» в ее русском варианте. Над этой картиной он работал вплоть до своей смерти.

Художник проникает в самую сущность русской народной сказки, постигает самый дух ее. Действие сказки он зачастую переносит в реальную действительность и показывает не только древнюю русскую архитектуру, орнаменты, красочные и нарядные русские костюмы и предметы домашнего обихода, но и создает целую галерею народных типов.

Когда по эскизам В. М. Васнецова была поставлена на театральной сцене «Снегурочка», В. В. Стасов писал: «Никогда еще ничья фантазия ...не заходила так далеко и так глубоко в воссоздании архитектурных форм и орнаментистики древней Руси, сказочной, легендарной, былинной. Все, что осталось у нас в отрывках бытовых от древней русской жизни, в вышивках, в лубочных рисунках... деревянной древней резьбе — все это соединилось здесь в чудную, несравненную картину».

Эти слова можно отнести и к картинам Васнецова на сказочные темы.

А. АБРАМОВА

РАССКАЗ О СЕДОЙ БОРОДЕ

Матей **СЛОМЧИНСКИЙ**

Рисунки Г. Балашова.

Сталелитейный завод в городе Н. был взорван отступавшими гитлеровскими войсками, а потом на западные земли пришли польские строители и металлурги, которые не только восстановили, но и значительно расширили предприятие.

Единственным уцелевшим от прежних времен зданием была вилла, принадлежавшая некогда главному инженеру. Вся поросшая диким виноградом, она стояла в стороне от завода и была отделена от заводских подъездных путей небольшим садом, окаймленным рядами колючего кустарника и высоких пирамидальных тополей, которые должны были поглощать шум и копоть, непрерывно устремлявшиеся сюда из цехов. Архитектурные формы этого двухэтажного дома были весьма необычны. Он был похож на огромную голубятню с яйцевидными проемами окон и украшен башенкой, которая всем своим видом напоминала военную каску германского образца. В трех комнатах второго этажа жил теперь директор завода Борковский, а весь первый этаж вместе с садом был отдан в полное распоряжение заводских яслей.

В эту пору дня дети играли в саду. Сквозь открытое окно в кабинет врывалась их веселая песенка о девочке Касе, которая собирала в лесу разные грибы.

— Весь день они так поют? — спросил инженер Венцек и рассмеялся.

Он сидел напротив Борковского в высоком кресле, покрытом темной потрескавшейся кожей. Они выпили за обедом по рюмочке, потом еще по одной, и теперь инженер чувствовал себя легко и непринужденно, куда более непринужденно, чем в столице, где он совсем не употреблял алкоголя. Но ведь теперь он находился в командировке и чувствовал, что рюмочка, выпитая с руководителем крупного пограничного промышленного предприятия, является чем-то совершенно обязательным для настоящего мужчины, чем-то таким, что совершенно неотделимо от его служебной поездки, как жареная курица неотделима от воскресного пикника.

Солнечные лучи за окном сверкали тысячами искорок на застекленных крышах новеньких заводских корпусов, раскинувшихся среди широких свежих газонов, как стадо красных китов среди неподвижных вод зеленого залива. За ними виднелись горы, невысокие, кругловерхие и пологие, похожие на морские волны, какими изображали их творцы мореходных лоций эпохи средневековья и какими их еще и сегодня рисуют дети. За дверью кабинета гремела посудой жена директора. Обед был отличный, погода великолепная, но, что самое главное, материалы, которые инженер Венцек должен был доставить министру в Варшаву, превзошли все ожидания. Видимо, министр даже не подозревал, какие ценности привезет ему инженер Венцек отсюда.

— Весь день они так поют? — повторил свой вопрос Венцек, поднявшись с кресла и высунувшись в окно.

Все дети были одеты в одинаковые светло-голубые халатики. Один из халатиков подбежал к сидевшей на лавочке воспитательнице и уткнулся головой в ее колени. Неизвестно, по какой причине, но Венцеку вдруг припомнилось выражение глаз Борковской, когда она смотрела во время обеда на мужа. Директор завода почти все время говорил о производственных трудностях и планах на будущее, а она старательно подкладывала ему вкусные кусочки, ловко пользуясь его рассеянностью.

«Придется и мне когда-нибудь жениться!» — подумал молодой инженер без какого-либо предубеждения, но и без внутренней решимости, вот так, как принято думать после сытного обеда о чем-то весьма отдаленном. Воспитательница поднялась с лавочки и отвела голубой халатик к другим, весело резвившимся на траве.

— Весь божий день! — подтвердил Борковский.— Но я обычно днем здесь не бываю, а моя Марыся говорит, что дети ей вовсе не мешают. Она даже любит их щебетанье. В четыре часа матери возвращаются с работы, и каждая уводит своего шалуна домой. Впрочем, кому же могут мешать дети?

Венцек отошел от окна и, сев в кресло, посмотрел на часы.

— Ну, мне, пожалуй, пора собираться.

— Куда спешить? До отхода поезда еще целых полтора часа. Отдыхайте!

Сказав это, директор встал, вынул из кармана ключи и подошел к черному несгораемому шкафу, который стоял в углу кабинета, вытянутый, как монахиня. Венцек внимательно рассматривал его, пока директор возился с замками.

— Трофейный?

— Да, наследство. Стоит здесь с первого дня. Мародеры его не тронули: он оказался слишком тяжелым,— а дворник нашел ключи и спрятал.

Директор открыл шкаф и, вынув из-под стопки бумаг толстую зеленую тетрадь, протянул ее гостю. Потом захлопнул дверцы шкафа и положил ключи в карман.

Венцек повертел тетрадь в руках. На последней странице обложки была напечатана табличка умножения и призыв к школьникам собирать лом цветных металлов. На первой странице четким, каллиграфическим почерком были написаны пять слов:

Г е р а р д С о б о т а. Т е х н и ч е с к а я д о к у м е н т а ц и я п р и м е с и.

Директор склонился над тетрадью и щелкнул ногтем по надписи:

— Всю тетрадь исписал по-польски. И, представьте себе, без единой ошибки! Таков уж он во всем, наш Собота! В сорок шестом мне казалось, что он влюбился в мою супругу. Все бродил и бродил вокруг дома, заговаривал с ней, помогал по хозяйству. Потом оказалось, что он просто хотел научиться писать по-польски. Говорить он умел, вынес это еще из родительского дома. А вот писать!.. У нас тогда еще и для детей никакой школы не было. Жена моя начала с ним заниматься, и через год он уже отлично писал. В этой тетради вы найдете много интересного. Сначала идет описание первых опытов, потом химический состав примеси и результаты всех испытаний. А в конце выводы Соботы и мои личные соображения.

— М-да!..— покачал головой Венцек.— Признаюсь, я этого не ожидал.

— Скажу вам по секрету, я тоже.— Борковский встал и потянулся к столу за папиросами.— Когда он пришел ко мне с этим, я подумал: «Возможно!» Вы знаете, в таких случаях всегда следует думать: «Возможно!»,— так как из каждого рационализаторского предложения может выйти что-нибудь путное. Но все же я не очень верил... Не верил, что он справится с таким делом без образования, без помощи. Не верил, и все! — Директор протянул Венцеку коробку, потом закурил сам.— А ведь, если разобраться, все это необычайно просто. Снимал я позавчера копию с этого...— выдохнул он дым в сторону тетради,— с этих записей и подумал, как это, в сущности, просто. Даже удивительно, что никто раньше не додумался. Но так уж бывает всегда. А вот чудес не бывает. Голову надо иметь на плечах... Голову!

— Серьезная вещь,— сказал инженер Венцек и вспомнил о сомнениях министра.— У нас, в Варшаве, тоже сначала в это не очень верили. Я обязан обо всем доложить министру. Готовьтесь к тому, что на будущей неделе к вам приедет целая комиссия.— Он раскрыл тетрадь и быстро ее перелистал.— Ну, а где же ваш Собота? Что же, он так и не придет?..

— Думаю, что нет, хотя я говорил ему, что вы уезжаете после обеда. Вероятно, он и сейчас сидит у своих печей и придумывает что-нибудь новое. Собота говорит, что это — лишь начало. Впрочем, он не очень доверяет посторонним. Убеждал меня даже не давать вам тетради, а подождать вызова в Варшаву и отвезти самим.— Директор виновато улыбнулся и развел руками: — Видите ли, мы здесь живем немного по-фронтовому. Были случаи саботажа. В прошлом году поймали шпиона. Наш завод — это серьезный объект как для нас, так и для них. Приходится быть начеку.

— Ясно! — убежденно ответил Венцек.— Надеюсь, что все это,— щелкнул он пальцем по тетради,— вы храните в полнейшем секрете? Не так ли?

— Разумеется!

Борковский подошел к столу, погасил папиросу и положил ее в металлическую пепельницу, на краю которой, как стрекоза на чашечке цветка, сидел маленький серебристый самолетик. Гость взял свой портфель, стоявший возле кресла, но тут же положил его обратно, а тетрадь свернул в трубочку и спрятал во внутренний карман пиджака.

— Так будет вернее! Сразу же после приезда в Варшаву я отправлюсь к министру и передам тетрадь лично ему. Вероятно, он вы-

Матей Сломчинский — известный польский писатель (прозаик и драматург). Он автор повести «Преступление поручика Кента», пьесы «Наши девушки» и сборника «Рассказы о сугубо личных делах», посвященного жизни и труду молодежи Польской Народной Республики. В этой книге, написанной после длительного пребывания автора на строительстве Новой Гуты, даны портреты молодых рабочих и крестьян, воздвигающих металлургический комбинат.

Публикуемый рассказ напечатан в краковском литературном журнале «Жице литерацке».

зовет вас обоих или сразу же направит сюда комиссию. Во всяком случае, как только мне станет что-либо известно, я вам пошлю телеграмму.

— Вот и отлично! Благодарствую! — Борковский подошел к двери.— Марыся! Согрей-ка еще чайку, потому что на станции мы попить не успеем... а потом, в дороге, инженера будет мучить жажда. Верно? — повернулся он к гостю.

— Ну зачем же?.. Ваша супруга и так возится со мной целый день...

— Пустяки,— засмеялся Борковский.— Моей супруге не привыкать.

Венцек тоже улыбнулся и вежливо кивнул головой. Он снова подумал о том, как хорошо иметь рядом с собой близкого человека, которого любишь и уважаешь. Дети за окном пели теперь песенку про козлика, который не слушался старенькой бабушки и был разорван волками. После каждого куплета слышалось притопывание маленьких ножек.

В кабинет вошла Борковская с подносом.

— Я заверну вам несколько бутербродов,— обратилась она к Венцеку и добавила: — Я всегда даю Владеку в дорогу бутерброды, потому что в этом поезде нет вагона-ресторана.

— Дай-ка нам еще по рюмочке на дорогу! — сказал Борковский, крепко обнимая жену.

Она тут же освободилась из его объятий и покачала головой:

— Нет! Хватит. Вы уже выпили... Инженеру придется еще долго ехать, а в поезде незнакомые люди.

— Правильно! — сказал Венцек.— Я вам очень за все благодарен.

Когда она вышла, Борковский рассмеялся:

— Вот так она у меня всегда: «Не разговаривай с незнакомыми». Точно человек станет разговаривать с чужими о подобных вещах!

Венцек, не говоря ни слова, развел руками и улыбнулся. Этот жест и эта улыбка должны были обозначать, что женщины плохо понимают мужчин, занимающих ответственные посты.

В прихожей раздался звонок. Они услышали шаги Борковской, потом тихий разговор, и кто-то постучался в дверь кабинета.

— Войдите! — сказал директор.

— Я всего лишь на несколько слов, товарищ директор. Прямо из цеха...

— Входите, Собота, входите!.. Чего же вы еще ждете?

— Да мне надо сказать вам всего одно слово!.. Я еще даже не переоделся,— сказал Собота и кивнул головой Венцеку, с которым расстался два часа тому назад в горячем цехе.

Одет он был в старенький синий комбинезон; над испачканным сажей лицом красноватым блеском сверкали его рыжие волосы.

— Садитесь! — Борковский усадил его в кресло.

Собота положил шапку на колени, смял ее, разгладил рукой и мельком взглянул на Венцека.

— Да я всего на секунду. Мне хотелось напомнить инженеру, какое это секретное дело. Я даже перед своими не обмолвился ни словечком... Даже наш начальник цеха не знает толком, из чего состоит эта примесь. Только один товарищ директор знает...— Собота посмотрел на Борковского, словно ждал от него подтверждения своих слов.

— Ясное дело! — кивнул головой директор.— Товарищ Венцек взял одну копию с собой и положил ее не в портфель, а спрятал вот сюда, на грудь, во внутренний карман пиджака. Впрочем, никто даже не знает, зачем он сюда приехал. Мало ли людей к нам приезжает!

— Конечно, это конечно...— На изборожденном морщинами, но еще удивительно молодом лице Соботы было видно смущение.— Я ведь не о том, что это моя... мое...— Он не находил нужного слова и еще раз посмотрел на директора, как бы ожидая от него помощи.— Только ведь это очень важно...

— Товарищ...— Венцек смотрел на Соботу с чувством большого удовлетворения.

Это был один из тех бдительных, простых и решительных сыновей рабочего класса, которые своим трудом доказывают, что можно преодолеть любые трудности, если человек к этому очень стремится. А кроме того он был германизированным поляком, автохтоном, возвращенным родине после долгих лет неволи и унижений. И именно он был автором этого замечательного изобретения. Инженер Венцек невольно приложил руку к груди, где хранилась тетрадь.

— Поверьте, товарищ Собота, все мы отлично понимаем, насколько это важно. Ведь вы не первый год работаете сталеваром и знаете, что некоторые сорта стали мы приобретаем на Западе в обмен на валюту. А ваша примесь поможет нам...

— Ну, я вижу, вы поняли, насколько это важно! — Собота перестал хмуриться.— Ведь я не о себе, не о том, что это мое, а только о том, чтобы кто-нибудь не узнал раньше времени. Бдительность должна быть во всем, вот оно что! — Сталевар поднялся.

— Мне тоже пора! — сказал Венцек Борковскому и повернулся к Соботе.— А вы, товарищ Собота, можете быть спокойны. Тетрадь я передам лично министру.

Директор и Собота отвезли гостя на вокзал и оставались с ним на перроне до тех пор, пока он не вошел в вагон варшавского поезда.

В вагоне было жарко. Венцек прошелся по коридорчику туда и обратно только затем, чтобы еще раз убедиться, как люди любят путешествовать со всеми удобствами. В каждом купе сидело по одному или по два человека, обязательно возле окна. Венцек подумал о своей тетради и остановился у дверей, за которыми увидел одинокого старичка, читающего газету. Одет он был в старомодный черный сюртук того покроя, который инженер видел на свадебной фотографии родителей.

— Здравствуйте! — сказал Венцек и закрыл за собой дверь.

Старичок слегка опустил газету и ответил ему кивком головы. Инженер увидел седую, тщательно расчесанную бороду, такую длинную, что она почти закрывала отвороты сюртука.

Венцек положил портфель на полку, повесил плащ на вешалку и уселся напротив старичка, возле окна, осторожно вытянув ноги, чтобы не задеть спутника.

Поезд тронулся. За окном поплыли заводские корпуса и высокая доменная печь, возле которой, словно пешки перед королем, стояли четыре похожих друг на друга, как близнецы, каупера. Венцек смотрел на них, пока они не исчезли за высоким холмом. Затем смежил ресницы. «Теперь Борковский и Собота уже подъезжают к заводским воротам. Вероятно, говорят о своей примеси и о нем, Венцеке. Замечательный человек, этот Собота, такой решительный и прямой. Да и вообще они прекрасные люди. Взять хотя бы Борковского. Он уже восьмой год руководит этим заводом, поставил его на ноги, всегда перевыполняет план. Выдающийся специалист! А каким он кажется простым! Да и жена его — тоже славная женщина. Живут они так, словно на его плечах не лежит груз ответственности за это огромное предприятие. Но, вероятно, в этом спокойствии и уверенности и таится секрет умелого руководства. Как только вернусь в Варшаву, сразу же позабочусь, чтобы их предложение не мариновали в комиссии. Но ведь и сам министр этим делом очень заинтересовался. Да, очень серьезное изобретение... Быть может, даже общенародного значения».

Венцек коснулся рукой пиджака. Сквозь тонкую ткань он ощутил тетрадь. Открыл глаза. Старичок, словно только этого и ждал, опустил газету и дружески ему улыбнулся. Потом поднес ее снова к глазам и погрузился в чтение длинного, во всю газетную полосу, отчета о съезде учителей. Венцек полез в карман за папиросами.

— Разрешите закурить?

— Пожалуйста, пожалуйста! Вы не стесняйтесь.— Старичок свернул газету и положил ее на столик.

Инженер вытащил коробку папирос «Грюнвальд».

— Вы курите? — предложил он старичку.

— Нет, что вы, что вы!

Свой отказ он подкрепил несколькими кивками головы, потом махнул рукой. Движения его были неожиданно энергичными. Венцеку всегда казалось, что у людей с такими патриархальными бородами движения должны быть медлительными. А тут борода метнулась из стороны в сторону и открыла высокий накрахмаленный воротничок. Таких воротничков молодой инженер не видел уже лет пять.

— Я, сударь, некурящий, а вот мои сыновья оба курят! — В последних словах старика слышались ужас и удивление.— Курят! Дымят так, что страх берет! Оба! Вот я и привык...— добавил он уже спокойно.

Старичок разгладил свою белую бороду и вздохнул. Потом улыбнулся и как-то поощрительно подмигнул.

— Ну, если так...— Венцек закурил.

— А вы, сударь, далеко?

— В Варшаву.

— В Варшаву?!

— А вы, вероятно, ближе? — спросил Венцек, хотя его вовсе не интересовало, куда старичок едет. Но он показался ему таким симпатичным, немного похожим на Деда Мороза и немного на самого господа бога с какой-то

Марш имен

Армас ЭЙКИЯ

Простые люди в каждой стране
скажут войне:
— Баста!
Ширится шествие триумфальное
армии
мира и братства!

Дрожат военные бандиты
на министерских креслах:
имена,
которые тверже гранита,
защищают народные интересы!

Имена людей,
как сталь, закаленных,
реют на советских знаменах!
Солнечными лучами сверкают
имена на знаменах Китая!

Не остановить потока времени,
и не повернуть вспять его!
Из мужчин Европы не будут сделаны
оловянные солдатики!

Имена маршируют полями Италии,
улицами Калькутты, Стамбула, Каира...
Руки пахарей от пролетариев
принимают эстафету мира!

Имена
справедливые, мудрые, честные,
имена известные,
имена неизвестные,
имена
дорогие, родные, любимые,
имена могучие, несокрушимые,
беззаветно и неустанно
борются против войны.
Города, деревни, провинции, страны
именами прочными защищены!

Имена превращаются в стены,
создают непроходимые плотины...
Голос мира звучит напряженно и гневно:
— Долой войну!
Войну запретим мы!

Перевел с финского
Николай ГЛАЗКОВ.

известной картины. Его борода, как серебряный водопад, снова падала на газету.

— Нет, нет, совсем не ближе! Я тоже в Варшаву. Возвращаюсь от дочери. Моя дочь живет в Глухолазах, она замужем за врачом. Вполне порядочный человек. И дети у них есть. Каждый год меня к себе приглашают. А два года назад они у меня гостили. Ехали тогда к морю, купаться. Скучно мне, старику, одному...— Он опять погладил свою бороду. Однако все эти жалобы не вязались с его спокойным, довольным видом.— Но ничего не поделаешь! У каждого на уме только работа! Разлетелись по белу свету после войны, а мы с младшеньким вернулись в Варшаву. Адвокат он у меня. Адвокатом был до войны, адвокатом остался и теперь. Беда лишь, что профессия эта не слишком прибыльная, потому что теперь люди значительно реже судятся друг с другом.

— Конечно, конечно...— Венцек подумал, что этому младшенькому, адвокату, тоже, наверно, давно перевалило за сорок.

За окном промелькнул маленький городок с невысокой башней романского костела, стоящего на пригорке. Казалось, что два его черных окна следят совиным взглядом за убегающим поездом. Старичок повертел газету в руках, снова положил ее на столик и посмотрел в окно.

— Красивая страна! Но ужасно разрушена. Много еще придется здесь восстанавливать.

— Ничего, восстановим,— сказал уверенно Венцек, невольно переходя на тот тон, каким говорят партийцы с незнакомыми людьми о делах государственной важности.— Многое уже восстановлено.

— Ах, конечно, сударь, все восстановится, но вот людей здесь не хватает! Тут так тихо, как будто все замерло. У нас иначе. А вы тоже родом из Варшавы?

— Да,— улыбнулся инженер.— Но как вы об этом догадались?

— Земляк земляка сразу узнает. Наша речь звучит совсем иначе, чем краковская или познанская...— Старичок покачал головой, на этот раз значительно медленнее, и дружелюбно посмотрел на Венцека.— В Варшаве, сударь, народ совсем другой. С годами я это вижу все отчетливее. Там народ горячий. Да вот и здесь, например, скорее бы все делалось, если бы побольше было наших людей. Эти автохтоны, сударь, ужасно медлительны... А у нас народ, как ртуть... Не удержишь!

— Ну, с этим я не согласен,— возразил Венцек, перед глазами которого снова возникла фигура Соботы, терпеливо изучавшего по ночам тайники родной речи.— Всюду есть и хорошие и плохие люди. Тут тоже немало замечательных людей.

— Возможно, сударь, возможно... Мне теперь редко приходится с ними встречаться, разве что от детей услышишь. А своими старыми глазами что я увижу? Вот вам, вероятно, чаще приходится путешествовать, и видите вы больше. У молодости, сударь, другие глаза и другие стремления. Даже мир кажется красивее. Но со здешними людьми я у дочери немного познакомился. Говорят они с немецким акцентом. Нет, не нравятся мне они, сударь, не нравятся!

Венцек почувствовал вдруг, что прежняя симпатия, с какой он смотрел на старика, начинает исчезать. В третий раз подумал о Соботе и решил, что должен возразить, даже в том случае, если подобные вещи говорит старик, больше похожий на Деда Мороза, чем на обычного пассажира варшавского поезда.

— А я как раз возвращаюсь из служебной командировки,— сказал инженер.— Был я здесь на заводе по делам одного местного рабочего. Этот человек говорит еще не совсем свободно по-польски, но пишет уже так же хорошо, как вы или я. Он сам научился, хотя и работает простым сталеваром. За одного такого я, не моргнув, отдал бы десяток варшавян! — Венцек посмотрел на старичка, который слушал его с заметным недоверием и осуждением, поглаживая свою седую бороду.— Вот вижу я, что вы не верите, а этот сталевар сделал в своей области замечательное открытие! Я бы сказал, революционное открытие, оно может произвести переворот в нашем сталеварении!

— М-да, м-да! — Старичок добродушно рассмеялся.— Быть может, он и сделал открытие. Я в этом, сударь, не разбираюсь. Но до варшавян им всем еще очень далеко, ой, как далеко! Вы молоды и видите все в розовом свете. Но людей, конечно, надо уважать всех, различая, что такое мед, а что патока! Дочь мне вчера говорит: «Останься с нами, дедусь, отдохнешь здесь без этого грохота за окнами, без кранов, бетономешалок и каменщиков. Воздух у нас чистый, солнышко светит ярко, завтрак мы тебе подадим в постельку, а вечером вместе радио послушаем!» А я ей на это ответил: «Нет, Вандочка, ты здесь живешь с мужем, муж работает, дети учатся в школе, ну и живи. А я свои последние годы проведу в Варшаве. Похожу по родным улицам, хотя они очень переменились, погляжу на людей. Спокойнее мне сидеть у себя дома, чем в чужой стороне...»

— Понятно,— неуверенно сказал Венцек.

Он сам был варшавянином и любил свой город. А ведь от такого старика трудно требовать, чтобы он разбирался в событиях, которые так отличались от всего того, к чему он привык.

Они поговорили еще минут пятнадцать — двадцать. Потом старичок снова углубился в газету, а инженер попытался заснуть, переложив предварительно тетрадь в задний карман брюк.

Он проснулся всего один раз, когда пришел проводник с кондуктором, которому старичок после непродолжительных поисков подал свой билет и пенсионную книжку. Потом Венцек спал уже непробудным сном вплоть до той минуты, когда кто-то легонько тронул его за плечо. Инженер открыл глаза и увидел над собой улыбающееся бородатое лицо.

— Вставайте, сударь, приехали!..

— Как? Уже Варшава?..

Венцек выглянул в окно. В темноте ночи стояло бледное зарево далеких огней столицы.

Инженер помог старичку надеть черное пальто с вытертым каракулевым воротником, снял с полки чемодан, и когда поезд остановился, спутники сказали друг другу «спасибо» и «спокойной ночи!»

Венцек разыскал у вокзала такси, вернулся домой и лег спать, предварительно заведя будильник, который остановился за время его двухдневного отсутствия. Зеленую тетрадь он положил на столик, возле дивана. Перед сном он еще раз взял ее в руки. Прочитал несколько страниц. Да, это изобретение может действительно произвести переворот в сталеварении.

«Что бы случилось, если бы у меня украли эту тетрадь или ограбили меня в поезде, пока я спал? — подумал он с легким беспокойством и, выключая свет, твердо решил, что в следующий раз, когда случится везти важные документы, он даже глаз не сомкнет.— Ведь этот старичок мог оказаться вовсе не безобидным старичком, а переодетым шпионом с искусственной бородой. Он мог бы вытащить тетрадь, усыпив меня хлороформом, и спокойно сойти на следующей станции...»

Инженер посмотрел на будильник. Было четыре часа утра. Он усмехнулся и снова погасил свет. В восемь часов ему следовало быть у министра. Надо немного отдохнуть. Еще раз подумал об искусственной седой бороде, еще раз усмехнулся и заснул.

А седая борода была самая настоящая. В это время старичок, поглаживая ее, беседовал со своим младшим сыном.

— В Скворонове, где находится этот завод, в мое купе сел какой-то молодой человек, вежливый и довольно прилично одетый. Мы разговорились, и он рассказал мне, что там какой-то сталевар-автохтон сделал выдающееся... революционное открытие, которое может произвести переворот в сталеварении...

— О, это может представлять интерес! — сказал младший сын.— Надо будет включить в сводку. Расскажи-ка мне все поподробнее.

И старичок с седой бородой начал рассказывать.

Инженер Ежи Венцек спокойно спал.

Перевел с польского
Валериан **АРЦИМОВИЧ**.

МАЛИНОВОЕ СОЦВЕТИЕ

Рассказ

НАВТЕДЖ

Рисунок В. Климашина.

Цветов с такой малиновой окраской мне никогда не приходилось видеть. Этим летом я немало дней провел в твоем городе и часто, очень часто бродил вокруг того сада. Но такое дерево, сплошь усеянное малиновыми цветами, я увидел впервые. Будь это маленький куст, я подумал бы, что его только что посадили вместе с цветами, но это было взрослое дерево, тяжелое и ветвистое, и, наверно, не одна весна ласкала его своим дыханием во время цветения. И мне подумалось: цветы эти родились из теплоты нашей встречи, они ведь так похожи на твое прикосновение!

О, сколько скрытых родников радости кипит во мне! И как хотелось бы мне вновь поверить!.. Твоя волшебная близость согрела мою жизнь после долгого, очень долгого ожидания. Шли весны одна за другой — я все ждал и ждал... Нет, я должен сказать правду! Жизнь была так сурова ко мне, что, хотя много лет я говорил себе: «Жду», — но в душе я уже боролся против прекрасного мгновения, которое рано или поздно должно было наступить. Даже маленькой щели я не оставил открытой в моем сердце — только изредка стучался в дверь далеких воспоминаний. Но явилась ты, нежданная, непрошенная, — и ты проникла сквозь опущенные веки моих глаз и вошла в мое сердце, где не было даже маленькой открытой щели.

К радости ли была наша встреча? Только теперь мне многое сказало это дерево... впрочем, оно уже не было деревом, ибо все было окутано малиновым покрывалом. Теперь я знаю, что эти цветы расцвели в таком несметном числе только для нас двоих: для тебя и для меня...

Помнишь, я прилег под деревом и ты была возле меня. Мне казалось, что под головой у меня подушка, полная светлых снов. Малиновые искорки загорались где-то в глубине твоих прозрачных глаз. Я все ближе, все пристальнее вглядывался в глаза, и пожатие твоей руки становилось все крепче — и словно тысячи шелковых малиновых лепестков незримо струились через твои пальцы, а кончики их передавали мне холодок звездного неба. Тогда, видно, и вошло в мою душу видение этого великолепного малинового цветения! А ты все напевала какую-то песенку — она была без слов, но так много говорила сердцу. Ты как бы пряла тонкую нить простого напева, и она мало-помалу связывала воедино дремотные отрывки моих мыслей...

...С надеждой снова увидеть тебя завтра я возвращался домой. Скрежещущий рокот обшарпанного автобуса наполнял мои уши. Кондуктор ругался с какой-то старой женщиной, требуя у нее доплаты в шесть пайсов: он думал, что она едет бесплатно лишнюю станцию. Ругань и споры тянулись бесконечно. Старуха уже готова была внести требуемые шесть пайсов, как вдруг сидевшая рядом богато одетая дама воскликнула:

— Стоило подымать шум!.. Отдала бы ему сразу эти шесть пайсов, ведь кондуктор — бедный человек, с него тоже спрашивают.

Едва успела дама договорить последние слова, как у старухи от гнева затряслась голова:

— Ах, вот как! Кондуктор — бедный человек! А я, по-вашему, купаюсь в роскоши?! Я потеряла мужа как раз в тот год, когда объявили независимость... Единственного моего, дорогого моей душе, потеряла во время резни в Кашмире...

Дряхлая, немощная старуха уже решилась было расстаться с шестью пайсами, которые, видно, нелегко ей достались; но стоило только ей услышать, что чьей-то бедности сочувствуют больше, чем ее собственной, как ее охватил приступ ярости...

— Сестра, — раздался чей-то голос, — зачем говорить громко о том, что лучше молча хранить про себя?..

Даже в призрачно-тусклом свете и при тряске автобуса можно было разглядеть глубокие морщины, избороздившие лицо старухи — следы горестей и забот. И тут как-то безотчетно каждому из пассажиров стало казаться, что он более обижен жизнью, чем все другие, — люди стали походить на стену из кирпичиков, построенную детьми и затем разрушенную, — каждый кирпичик отделялся от других и отлетал в сторону...

Я подумал: как далеко от меня сейчас мое малиновое соцветие! Из всех этих глаз глядел на меня страх, страх униженной, бескрылой, печальной жизни...

Я сошел с автобуса и остальную часть пути прошел пешком. И вот я в моей комнате. Сколько повествований родилось в этих стенах! Многие рождались в муках, многие так и не увидели света дня. В этой комнате давно поселился и твой любимый образ — вот он снова движется и исчезает и вновь появляется.

Заря горела в твоих глазах. Твоя жизнь и моя, казалось мне, уже стали песней двух слившихся в гармонии голосов...

Но любимое лицо украли у меня. Горло, в котором жил и трепетал тот напев, стиснули безжалостные руки. И вот уже сколько времени я брожу один среди обломков разбитой песни...

В этой самой комнате я уже написал тебе одно письмо, поздравляя тебя с замужеством. Но я разорвал его: мне не хотелось, чтобы призрак былого нарушил твое спокойствие.

Немного позже в этой комнате я пришел к познанию того, что к молоку простых человеческих отношений примешан яд бесчеловечного неравенства. Это познание вывело меня из плена развалин нашей песни на просторы жизни и возрождения. Я увидел глаза пробуждающихся людей — они излучали невиданный свет, это были люди, закаленные в боях и готовые к новым сражениям. Я увидел лучи этого нового света; сгущаясь, они превращались в раскаленный жар человечности. Да, человечество хочет свить гнездо, где всякий может найти себе приют! И я избрал свой удел: быть спутником этих закаленных в битвах и одетых в сталь решимости людей. И с тех пор мое жилище словно дрожит и сотрясается от звуков битв, и им вторит биение моего встревоженного сердца...

...Дверь отворилась, и в комнату вошла сестра. Она протянула ко мне руки, я пожал их. Кожа ее рук была нежна, на среднем пальце левой руки блестело кольцо — сестра была помолвлена. Два года тому назад ее любимый надел ей это обручальное кольцо — с тех пор он сидит за решетчатым окном тюрьмы. Возлюбленный моей сестры любил жизнь, он любил красоту и свет, он любил все это тем более сильно, что сам начал бороться против врагов красоты и света. И вот он теперь в тюрьме, как и тысячи таких же молодых, лю-

Навтедж (Навтедж Сингх) — прогрессивный индийский писатель. В этом году на Международном литературном конкурсе в Бухаресте получил первую премию за рассказ «Дети». В «Огоньке» печатались его рассказы «Новый климат» и «На родину». Недавно Навтедж посетил Советский Союз.

бящих, борющихся за жизнь, за право смеяться, за беззаботный детский лепет. Они все в тюрьмах, но их ждут измученные, стонущие от гнета поля и изнывающие от тяжелого труда цехи заводов. Их ждут миллионы людей и среди них — моя сестра.

Живое, юное сердце сестры согревала дружеская теплота тех, кто боролся на просторах народного движения. Но сейчас — я не мог понять, почему — в глазах ее стояли слезы.

Не в силах справиться с дрожащими губами, она прошептала:

— Брат, Бальбир тоже арестован.

Бальбир был моим другом. В жизни у него была одна страсть — помочь людям овладеть светочем знания. Он долгие годы носил в себе эту страсть втайне от врагов народа, вырывавших из рук детей грифельные доски, чтобы легче было надевать наручники на руки взрослых. Он ненавидел тех, кто отнимает у родителей гроши, на которые они могли купить перья и чернила для детей, и превращает эти гроши в пушки, динамит и ядовитые газы истребительных войн.

Сестра рассказала мне, как это случилось:

— Бальбира арестовали, когда он пришел к жене в родильный дом. Ему сообщили, что жена вот-вот должна родить, но состояние ее опасное, чтобы спасти ее, нужна операция... Ему сказали, что жена зовет его...

Лила, жена Бальбира, учительствовала в школе. Ласковую, всегда улыбающуюся, ее любили дети. Теперь она должна была сама произвести на свет ребенка, и ей хотелось, чтобы Бальбир был поближе к ней. Бальбир взвесил все в уме, немного поколебался, но решил идти в больницу. В его ушах уже стояли ее стоны и крики, перед глазами плыло ее бледное, искаженное болью, обращенное к нему лицо. Он знал, что между ним и Лилой сейчас стоит высокая гора, густо поросшая штыками и усеянная стальными наручниками. Но Лила звала его. Пусть между ними густые джунгли, в которых рыщут разъяренные охотничьи псы, Лила зовет его. Его ребенок, его дитя, новое живое существо должно увидеть свет в эти минуты, живое существо из плоти и крови их обоих, его и Лилы. И он решил идти, идти к ней, невзирая на ощетинившуюся штыками гору и кишащий собаками лес.

Когда он шел в больницу, к нему и впрямь принюхалась какая-то собака. Он шел и помнил об одном: Лила лежит в палате номер одиннадцать, и доктор и сиделка, должно быть, тоже там сейчас, в палате номер одиннадцать... Если бы это была девочка, с глазами, как у Лилы! И как раз в ту минуту, когда он подумал об этом, собака снова подбежала к нему и схватила его за икру. Чей-то голос проскрипел:

— Это он подбивал людей на заводе бастовать, требовать прибавки!..

Его привели в комнату родильного дома. На стенах висели портреты государственных деятелей. Они глядели из широких рам, наблюдая, как на Бальбира надевают наручники, и слушая, как за стеной бьется в криках и стонах Лила.

Погоди, потерпи минуту, Лила! Придет время, и смех озарит твои губы, и люди будут смеяться вместе с тобой. Ты учительница, ты знаешь, что такое светильник знания и разума. Ты женщина, и кому, как не тебе, вкушать любовь и дарить любовью? Ты мать, разве не ты источник жизни?

...Кто-то позвал меня внизу, у моей двери. Спустившись, я увидел, что это Билу; глаза мальчика опухли от слез. Он прибежал за мной... Слезы душили его.

— У отца руку изуродовало машиной в прошлый четверг... А теперь он весь горит, и ему очень плохо.

Я уже знал, в чем дело. У отца Билу начиналось общее заражение крови. Я побежал вслед за мальчиком. Его отца я знал с детства. Он работал до последнего времени машинистом в большой типографии. Он был, как дома, среди своих печатных машин, и в глазах у него всегда горел огонек искателя правды, а руки были руками мастера; сложные, большие машины беспрекословно слушались этого человека и работали в согласном ритме.

Теперь он лежал, вытянувшись на кровати в своей полутемной комнате, и боль сотрясала его большое тело. Время от времени по лицу его пробегала судорога агонии. Он все пытался двинуть рукой — двадцать лет эта рука печатала рассказы и стихи без числа, а теперь, изуродованная машиной, она бессильно падала. От страшной боли ногти вонзились в мякоть ладони. Рука была трехцветной — красно-сине-желтой: красными были сгустки крови на изуродованных пальцах, желтела кожа, синели пульсирующие ветки сосудов... Хозяин типографии отказался оплатить врача — и вот огонь гангрены пожирал теперь все тело моего друга...

Мать Билу внесла еще одну лампу, но это не могло победить темноты. Тьма безнадежности струилась из глаз Билу и его матери. Казалось, те, кто торгует кровью рабочих, набросили черное покрывало на это печальное жилище, и огонь его очага погас. Опустеет теперь и заполнится пылью ваза с цветами, и яркий свадебный наряд превратится в лохмотья...

...В эту ночь вновь проснулось во мне воспоминание о твоих пальцах, через которые волной струились шелковые лепестки. Я держал в своей руке изуродованную руку моего друга, типографского рабочего, и от нее шла ко мне та же сила уверенности, что и тогда — от твоей руки. Я увидел твои прозрачные глаза и еще глубже стал вглядываться в горестную тьму, струившуюся из глаз Билу и его матери. Я смотрел и запоминал, чтобы никогда этого не забыть и не смягчить в своем сердце.

Стоны и крики Лилы как-то слились теперь в моем сознании с твоею песней без слов. Я думал о Бальбире, который так ожидал ребенка, и я понял, что и сам долгие годы жил этим. Злая собака, которая укусила Бальбира — я ясно это чувствовал, — вонзила свои зубы и в мое тело и в твои пальцы, которые передавали мне волшебный холодок звездного неба. Я думал об обручальном кольце на пальце сестры — его металл был согрет горем и расплатой, — и мне захотелось надеть такое кольцо тебе на средний палец левой руки...

...Приди, протяни мне руку. Мы вместе пойдем по этой дороге, осиянной светом гнева, усыпанной малиновыми цветами. Приди, мы наново перекроим жизнь и вольем наш напев в общую песню борьбы. Сделаем так, чтобы все слилось в одно человеческое единство, чтобы каждый смог вдыхать прекрасный запах малиновых цветов, сплошь усеявших крону дерева. Сделаем так, чтобы подушка, полная радостных снов, была под каждой головой, в каждом честном жилище. Чтобы матери не теряли свою последнюю опору на полях сражений. Чтобы никто не смел вырывать книги из рук людей и надевать на эти руки кандалы. Чтобы двери школ были открыты для всех детей, как объятия матери. Чтобы никого не бросали в темницу за любовь к жизни, красоте и свету и люди не рассыпались врозь, как кучка кирпичиков от толчка ребенка.

И пусть все люди найдут эту сверкающую дорогу и пойдут по ней, пусть их зовут и ласково манят гроздья малиновых цветов, видные всем издалека.

Перевел с английского **Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.**

Сады КИТАЕВА

На живописной окраине Киева, Китаеве, за высокой стеной из разноцветных мальв находятся сады Украинского научно - исследовательского института плодоводства. Широко раскинулись плантации садовой земляники — клубники, рощи персиков и абрикосов, участки яблонь и груш и многих других фруктов и ягод. И почти каждый кустик, почти каждое дерево, живущие здесь, имеют свою, особенную историю.

Вот, например, черешня. Этому нежному деревцу климат средней полосы был явно «не по душе». Те немногие представители черешни, которые росли здесь, давали очень мало и к тому же плохих на вкус, мелких ягод. Директор института С. Х. Дука решил улучшить качество и добиться раннего созревания черешни. Для этого надо было вывести совершенно новые сорта ее и приучить их к суровой зиме, или, как говорят селекционеры, «продвинуть на север».

Растения, как дети, нуждаются в воспитании, говорил великий преобразователь природы И. В. Мичурин двадцать лет назад С. Х. Дуке, молодому агроному из Умани. Эти слова ученого Степан Харитонович запомнил на всю жизнь.

Лауреат Сталинской премии С. Х. Дука, один из первых мичуринцев Украины, подобрал из сортов родительские пары, скрестил их и получил гибридные сеянцы. Дочерние растения с первых же месяцев подвергли суровому «северному» воспитанию. Их посадили в обедненную почву и приучили переносить холодную зиму. Особенно морозоустойчивыми стали те деревца, которые росли на вишневом подвое, то есть когда черешневая почка была привита на сеяной, обыкновенной неприхотливой вишне. В результате через несколько лет они обрели два очень важных качества: способность рано созревать и выносливость. Новый сорт черешни как бы стремился полнее использовать лето, чтобы успеть дать хорошие плоды и принести семена. Плоды год от года становились крупнее и слаще.

Продвинутые на сотни километров к северу стройные черешни, покрытые весной нежными белыми цветами, так хорошо гармонирующими с ярким небом Украины, украшают сейчас многие сады северных областей республики.

Но, даже узнав не совсем обыкновенную биографию черешни, невольно удивляешься, когда видишь на обширной территории сада рощи персиков и абрикосов. Они чувствуют себя здесь ничуть не хуже их родичей, нежащихся под жарким солнцем юга. Легкий ветерок раскачивает отягощенные смугло-зелеными и солнечно-оранжевыми плодами ветви.

— Они у меня молодцы,— говорит лауреат Сталинской премии А. П. Родионов.— В 1950 году мороз достигал тридцати трех градусов, и ни одно деревце не пострадало.

Новые выведенные им сорта зимостойких персиков и абрикосов блестяще выдержали экзамены, поставленные самой природой. Есть тут и сверхранние и сверхпоздние сорта, созревающие тогда, когда уже давно закончился обычный сезон этих плодов.

Почетное место в садах Украины заняли выведенные Родионовым абрикосы «байрам» и «сорочинский».

За тенистыми зарослями абрикосов и персиков и рядами глубоких траншей, где зреют лимоны, простирается обширная, залитая солнцем поляна. В кадках с плотными крышками, словно редкие оранжерейные растения, живут обыкновенные яблоньки. Вокруг них хлопочут люди в белых халатах с термометрами и пробирками, будто врачи возле пациентов. Уж не попали ли мы в своеобразную больницу?

Здесь ведутся интереснейшие опыты. Известно, что яблони, как правило, дают большие урожаи не ежегодно. Ученые поставили себе целью заставить обильно плодоносить деревья каждое лето.

Киевляне не случайно называют Китаево «садом чудес». Год за годом пейзаж Украины обогащается новыми представителями растений, вышедшими отсюда на широкие колхозные поля и сады. Уже привыкли украинцы к сверхранним сортам садовой земляники, которую много лет выводил С. Х. Дука. Год за годом наращивался вес этой вначале очень мелкой ягоды, и день за днем, час за часом сокращались сроки ее созревания. Знакомы украинцы и с «первомайскими яблоками», которые созревают к всенародному празднику. Не удивляют сейчас садоводов роскошные персики и абрикосы А. П. Родионова. Граница произрастания плодово-ягодных культур трудом и упорством киевских селекционеров-мичуринцев отодвигается все дальше и дальше на север.

И. ДОНСКАЯ

Писатели и книги

Семена будущего взрастут

«Тяжелые темнокоричневые семена, одетые серебристым пухом, медленно спадают с сухих, колючих веток терновника и ложатся на голую, выжженную солнцем землю» — такой символической картиной завершила прогрессивная австралийская писательница-коммунистка Катарина Сусанна Причард свой роман «Крылатые семена» — последнюю часть трилогии (первая книга — «Девяностые годы», вторая — «Золотые мили») о жизни на золотых приисках Западной Австралии. У главных героев произведения, наблюдающих эту картину, невольно возникает ассоциация: борясь за дело рабочего класса, они и их товарищи тоже посеяли семена — семена правды, семена будущего. И один из героев, Динни Квин, как бы подчеркивая единство темы

всей трилогии, напоминает о центральных эпизодах двух предыдущих романов. «Мы тоже,— говорит старый золотоискатель,— помогли посеять семена новой жизни, когда отстояли права старателей на россыпи или организовали большую стачку в защиту профсоюзов».

В предисловии к первой книге трилогии — «Девяностые годы» — Причард писала, что ее цель — «рассказать не только о жизни отдельных людей, но и о развитии одной отрасли промышленности». Талантливое реалистическое воплощение этой темы, естественно, выделило главную линию в повествовании — неуклонный рост самосознания рабочего класса.

В романе «Девяностые годы» мы знакомимся с разношерстной толпой золотоискателей, из которых впоследствии составлялись основные кадры рабочих на приисках Австралии. «Здесь жили бок о бок французы и немцы, сражавшиеся друг против друга в Франко-прусскую войну, шведы, датчане, поляки, русские политические эмигранты, английские и ирландские повстанцы, кокни и шотландцы, старатели с золотых приисков Калифорнии и Мексики, евреи и афганцы, хотя большую часть составляли все же коренные жители Австралии: батраки, фермеры, скотоводы, рудокопы, стригольщики, клерки, торговцы и лавочники».

Шаг за шагом на протяжении огромного периода — от 90-х годов прошлого столетия до наших дней — прослеживает писательница историю приисков. Примитивные разработки пионеров-старателей постепенно сменяются механизированными, принадлежащими иностранным компаниям шахтами с тысячами наемных рабочих, лагерного типа поселки — выросшими на их месте современными городами. На этом фоне раскрывается сложное и противоречивое развитие судеб героев. Не многим из них улыбнулось «счастье» разбогатеть на разведке и добыче золота. Лишь единицы, люди беспринципные и хищные, те, кто без оглядки действовал в соответствии с основным правилом капиталистической морали: человек человеку — волк,— выбились на поверхность буржуазного общества.

В «Крылатых семенах» окончательно раскрывается подоплека преуспеяния одного из таких «удачливых» золотоискателей, ставшего миллионером,— Пэдди Кевана. Основой его богатства явились акции, украденные в молодости у товарища. Пэдди Кеван укрепляет свое состояние спекуляциями краденым золотом. Скрывая эти темные дела, он не брезгует ни шантажом, ни ложными доносами, ни помощью наемных убийц. Но подлинно «золотым дном» для этого дельца, как и для его партнеров — заокеанских монополистов,— была спекулятивная лихорадка во время первой и второй мировых войн.

Иная судьба постигла подавляющее большинство старателей. Золото, разведанное и добытое ими, обогатило чужеземных капиталистов, но не принесло богатства или сколько-нибудь прочного положения людям, рисковавшим из-за него жизнью. Даже те, кому посчастливилось напасть на богатые месторождения и выгодно продать свой участок, очень быстро терпели поражение в борьбе за существование, если пытались, как, например, Олф Брайрли — один из персонажей романа «Девяностые годы»,— сохранить элементарную порядочность.

К тому времени, которое описывается во второй и третьей частях трилогии, большинство старателей уже превратилось в людей, вынужденных продавать единственную оставшуюся у них ценность — рабочую силу. А их дети и внуки, в том числе дети и внуки главной героини — Салли Гауг,— прочно занимают свое место в рядах рабочих крупной золотодобывающей промышленности. На собственном горьком опыте все они убеждаются, что единственный путь к достижению человеческих условий существования — это путь коллективной, организованной борьбы.

Характер этой борьбы определялся своеобразными условиями, создавшимися в Австралии. В. И. Ленин еще в 1913 году писал: «Капитализм в Австралии совсем еще юный. Страна только-только складывается в самостоятельное государство. Рабочие — большею частью переселенцы из Англии. Покинули они Англию в такую эпоху, когда там почти безраздельно царила либеральная рабочая политика, когда масса английских рабочих была либералами... Рабочая партия в Австралии проводила то, что в других странах проводили либералы: общий для всего государства таможенный тариф, общий школьный закон, общий поземельный налог, общее фабричное законодательство».

Столкновения старателей с монополиями и властями за право добывать рассыпное золото перерастают в борьбу за объединение колоний в австралийскую федерацию. И именно в этой борьбе герои романов Причард получают первые уроки классовой солидарности. Следующим этапом на этом пути были первая мировая война, борьба против воинской повинности и мощная забастовка 1919 года. И, наконец, третий этап — вторая мировая война, занимающая центральное место в романе «Крылатые семена». События, описанные в книге, могут служить прекрасной иллюстрацией к тому, как сбывается предвидение В. И. Ленина, писавшего в 1913 году, что с окончательным развитием и упрочением Австралии как самостоятельного капиталистического государства «изменится положение рабочих, переменится и либеральная «рабочая партия», уступив место социалистической рабочей партии».

В романе «Крылатые семена» рассказывается о событиях 1936—1946 годов. Как и в предыдущих книгах, в центре повествования — семья героини трилогии Салли Гауг. На этот раз на первый план выдвигается ее внук — коммунист Билл Гауг. В нем и в его товарищах — стойких борцах за дело рабочего класса — находит писательница опору для своего оптимизма, когда заключает трилогию словами Салли Гауг о том, что семена будущего, семена социализма, «взрастут и дадут плоды, даже если упадут на сухую и каменистую почву».

Не случайно на всем протяжении трилогии в пейзажах подчеркивается эта сухая и каменистая почва. Нарисовав сложный и противоречивый жизненный путь своих героев, Причард убедительно показывает трудности распространения идей социализма в этой стране. Медленно, порой только в результате мучительных разочарований в прежних иллюзиях освобождаются от тред-юнионистских и лейбористских идей даже такие люди, как Салли Гауг и Динни Квин.

Широта темы и сложность задачи, которую поставила перед собою Причард, предопределили и некоторые недостатки ее произведения. Не все образы выписаны одинаково четко. Даже образ одного из главных персонажей — Динни Квина, неизменного участника всех основных событий трилогии,— получился несколько расплывчатым. Динни Квин на страницах трилогии больше рассказывает о своей жизни, чем живет. Писательница подчас злоупотребляет публицистическими отступлениями. В таких случаях художественную стройность повествования не спасает и то, что, желая процитировать выступление какого-либо политического деятеля, автор вкладывает его слова в уста одного из героев.

Однако все это перекрывается главной удачей — созданием центрального образа трилогии, Салли Гауг. Выписанный сочно и ярко, во всей своей жизненной противоречивости, образ этой коренной австралийки надолго запомнится читателю. Ее непреодолимая воля к жизни, оптимизм, скромность и достоинство честного человека, любовь к труду — все это воспринимается, как сгусток лучших качеств простых людей Австралии. С интересом следя за жизнью Салли Гауг и ее близких, читатель узнает много нового из малоизвестной истории далекой страны и проникнется уверенностью любимых героев Причард: да, семена правды и в Австралии «найдут почву, которая взрастит их»!

А. ВАРШАВСКИЙ

Катарина Сусанна Причард. Крылатые семена. Роман. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. М. 1953. 399 стр.

Сентябрь

Николай АСЕЕВ

Как переменчива погода:
то резкий холод, то тепло,
то праздник птичьего народа,
то песня прячется в дупло...

Казалось бы, пора к отлету,
уже сентябрь в седой росе,
так нет, не отобьешь охоту
к рябин раскинутой красе!

Срывает ветер сучья сосен,
скрипит о лете тонкий ствол;
тех жалоб звук непереносен,—
о чем? Что жаркий день отцвел?

Но мы поэтому не станем
печалиться прохладным днем,
слезой лица не затуманим,
а вспыхнем пламенем багряным —
лесов пылающим огнем.

Над Волгой

Виктор УРИН

Встречался с ним...
Он был геодезистом.
Он городок над Волгой разбивал.
Чуть-чуть согнувшись под зонтом тенистым,
на ватмане вычерчивал квартал.
Они друг друга знали понаслышке.
Смотрели невзначай издалека.
Он знал о ней: работает на вышке,
она о нем — на стройке городка.

Вниманьем награждают за вниманье
В июле ночь над Волгой коротка.
Он ей назначил первое свиданье
на улице, которой нет пока.
А время шло...
От встречи и до встречи
два раза пролетали журавли...
На сильные, на бронзовые плечи
с надеждой руки девичьи легли.

Жизнь начиналась ярко и сурово.
Лежала степь, как чистая тетрадь,
в которую от слова и до слова
им нужно было многое вписать.
Встречать учились срочные заданья,
навстречу выезжать издалека,
идти вперед и назначать свиданья
на улицах, которых нет пока.

А. С. Степанов. ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ. 1891 год. Государственная Третьяковская галерея.

ПРАВДИВОЕ ИСКУССТВО

Исполнилось 30 лет со дня смерти талантливого художника Алексея Степановича Степанова (1858—1923).

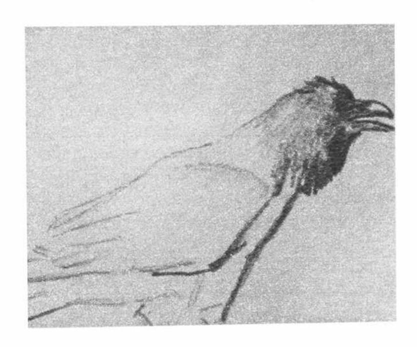
Степанов окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где учился у В. Г. Перова и И. М. Прянишникова. Там же Степанов преподавал; среди его учеников были известные советские живописцы Б. Н. Яковлев, С. В. Герасимов. В 1905 году Алексей Степанович получил звание академика живописи.

Выступив со своими произведениями в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, он вошел в ряды передвижников младшего поколения. Именно в это время на передвижных выставках экспонировали свои работы В. Серов, И. Левитан, С. Коровин, С. Малютин, А. Архипов, С. Иванов, В. Бакшеев и другие художники.

Алексей Степанович был связан тесной дружбой с Архиповым и Левитаном. С Архиповым его сближал интерес к быту простого русского народа, с Левитаном — задушевность и лиризм в передаче образов родной русской природы.

Уже в первых полотнах («Продажа коровы», «Лоси») наметилась основная особенность творчества Степанова — слияние пейзажа и жанра. На многих его пейзажах присутствуют люди. Чаще всего он изображает крестьян, и в этих его картинах много тонких наблюдений, знания деревенской жизни.

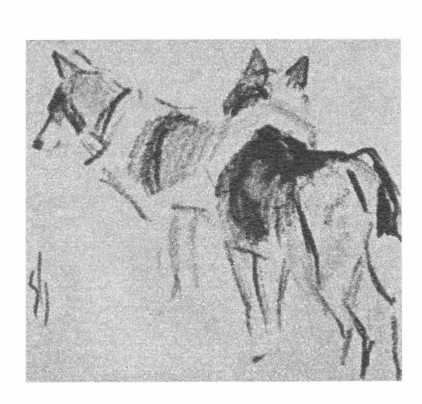
Картина «Лоси» была приобретена П. М. Третьяковым для его галереи. Несколько позже собрание Третьяковской галереи украсила и другая картина Степанова — «Журавли летят», одно из лучших произведений художника. Простой мотив наступления весны раскрыт в этой картине поэтично и задушевно.



Степанов известен не только как пейзажист и жанрист. Он был автором большого количества охотничьих сцен: «После охоты», «Тяга», «Привычной тропой», «По волкам с гончими», «Травля волка», «Увидели» и многих других.

«Он был лучшим анималистом после В. А. Серова,— говорил о Степанове М. В. Нестеров.— ...Он любил наш родной пейзаж, деревенский быт, охотничий люд. Все и всё платили ему лаской, вниманием, добрым чувством».

А. АБРАМОВА



Наброски карандашом.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА.

Кукольные театры Китая

С. ОБРАЗЦОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

По правде сказать, до поездки в Китай я ничего не знал о китайском театре кукол. Ни на одном европейском языке, ни в одной из книг, посвященных кукольному театру, о китайских куклах не сказано почти что ничего, кроме разве упоминания о театре теней. Вот почему кукольные театры Китая оказались для меня полной неожиданностью.

Ни в одной из стран, в которых я бывал, мне не приходилось встречаться с таким разнообразием видов и форм кукольных театров, с такой степенью их народности и традиционности и с такой органичной их слитностью с другими театральными жанрами, с народными играми и танцами, то есть со всем искусством народных зрелищ.

В Китае очень распространено народное представление с драконом. Впервые я увидел дракона в Цзинани. Зимние сумерки уже готовы были превратиться в ночь, когда на улице появилось многометровое чудовище. Внутри полупрозрачного змеиного тела горели свечи, и дракон весь светился призрачным, мерцающим светом. В огромной драконьей пасти — красный светящийся шар, как будто дракон схватил зубами закатывающееся солнце. В Мукдене такой дракон неожиданно вышел среди белого дня на площадь. Люди, несшие его, были одеты в бирюзовые костюмы. Дракон извивался, свертывался в кольца, растягивался, сжимался, стлался по земле, вытягивался вверх вертикальной спиралью, по-змеиному, то медленно, то рывками поворачивая голову.

Это народное представление — очень древнее по своему происхождению. Китайская народная мифология в отличие от мифологии европейских народов считает дракона не злым и кровожадным, а скорее добрым хозяином воды. Китайские крестьяне в течение тысячелетий устраивали шествие дракона, когда плохая погода угрожала урожаю. С годами суеверное отношение к дракону исчезает. Сейчас, в новом Китае, дракон стал обычным украшением народного гулянья.

Дракон — это огромная кукла, движениями которой управляет много людей. Их количество зависит от величины дракона. Дракон в Мукдене был очень большим, но я только глядел на него, раскрыв от удивления и глаза и рот, а измерять не пытался. А вот цзинаньского дракона (голову его вы видите на фотографии) измерил от кончика хвоста до самых ноздрей. В нем двадцать шесть метров. Дракона этого подарили музею Государственного центрального театра кукол, и скоро он расположится зигзагами вдоль по лестнице, идущей в верхнее фойе нашего театра.

Такое же древнее традиционное представление — народная игра со львами.

Львы, золотые и зеленые, встретили нас на перроне Харбинского вокзала — пять львов и два львенка. В туловище каждого льва скрывались два танцора-акробата, а в каждом львенке — десяти — двенадцатилетний мальчик. Появление львов, сопровождавшееся оглушительными звуками гонга, было таким неожиданным и невероятным, что мы долго не могли опомниться от удивления и восторга.

Голова льва в диаметре — три четверти метра. Скалясь и щелкая зубами, открывается красная пасть, подымаются и опадают уши. Тонкое и длинное травянистое мочало, покрывающее все тело льва, несмотря на его неожиданный цвет, кажется настоящей шерстью.

Львы бегали, кувыркались, грызлись между собой, нежно облизывали львят, ни на секунду не выходя из четкого танцевального ритма, как не выходил из него и акробат-«укротитель», дразнивший львов большим красным шаром. Он заставлял львов то останавливаться, то менять направление, то ложиться, то прыгать друг через друга. Одновременно он и сам делал быстрые сальто и кувыркался через спины львов.

На фотографиях вы видите и маску южного льва из Кантона и фигуру льва северного. В данном случае в туловище этого льва находятся актеры Центрального театра кукол, так как фотография снята в Москве. Это один из львов, встретивших советских актеров в Харбине. Он же и провожал нас на обратном пути. И когда после представления я пожимал руки двум акробатам, снявшим с себя маску и шкуру, они сказали, что дарят этого льва для музея нашего театра. Львы приехали в Москву вместе с ящиками, в которых лежали куски драконьего туловища, теневые фигуры, куклы на нитках и на тростях, маленький уличный театрик-домик,— одним словом, все те драгоценнейшие подарки, которые сделали сейчас китайский раздел нашего музея одним из самых больших и полных разделов зарубежного театра кукол.

Первое представление кукольного театра я увидел в Пекине. Этот вид театра китайцы называют «театром на коромысле». Название произошло оттого, что кукольник (единственный актер такого театра) носит все театральное имущество на палке через плечо.

В собранном виде сцена этого театра представляет собой маленький, очень красивый домик с крытой террасой. На этой террасе и происходит представление.

Домик укрепляется на палке-коромысле, воткнутой в землю, и чаще всего прислоняется к стене дома или к забору. К нижнему краю домика, так сказать, к фундаменту, прикрепляется материя, заменяющая ширму, за которой скрывается актер.

Портативность этого театра, позволяющая кукольнику давать представление на любом углу улицы и в любом дворе, роднит «театр на коромысле» с ширмой нашего народного «петрушки». В китайском представлении кукольник ударяет в гонги, висящие внутри ширмы. Он говорит за всех кукол, и он ведет с ними диалоги от собственного лица.

Народного кукольника, показывавшего свое представление в Пекине, звали Ян Фын-гу. Свою профессию он получил по наследству от отца, деда и прадеда. В репертуаре Ян Фын-гу шестнадцать пьес. Мы видели только отдельные отрывки.

После обязательных для каждого традиционного народного представления частых и резких ударов в гонги за ширмой раздался голос кукольника. Переводчица перевела: «Принарядись и позови свою старшую сестру». Опять удары в гонги. Появились две маленькие куколки, надетые на пальцы рук, то есть устроенные так же, как наш русский Петрушка, французский Полишинель, немецкий Гансвурст, чешский Кашпарек, итальянский Пульчинелло.

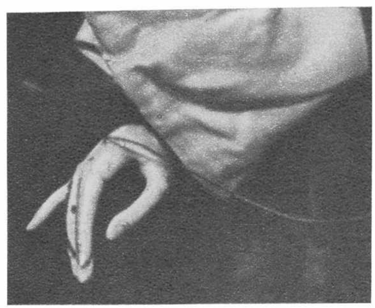
Голос из-за ширмы сказал: «Пойте, чтобы было весело!» Куклы запели и стали очень ловко перекидывать друг другу тарелку, изображая традиционных китайских жонглеров.

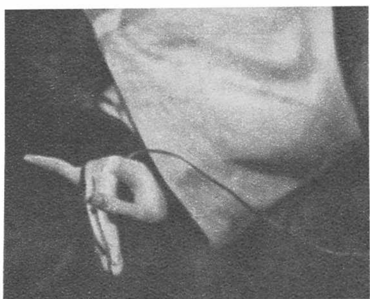
Представление-пародия окончилось тем, что одна из кукол ударила по тарелке, которая вертелась на палке, укрепленной на голове второй куклы. Та стала вопить: палка вошла в голову.

Вторая сцена оказалась народной сатирой, высмеивающей глупость и хвастовство.

Старик-пастух уверяет, что он ничего не боится, и, несмотря на все предупреждения голоса из-за ширмы, дразнит спящего тигра и даже сует ему палку в пасть. Тигр притворяется мертвым, но когда пастух уже собрался снять с него шкуру, неожиданно проглатывает старика. Появляется жена пастуха. Кукольник рассказывает ей о том, что произошло. Она бьет тигра палкой и вытаскивает у него из горла живого, перепуганного, мужа.

Если первый отрывок можно назвать пародией, а второй сатирой, то третий был комической сценой из пьесы классического китайского театра «Король обезьян», которую мы ранее видели в исполнении пекинского театра.





Подвижные пальцы куклы.

Ян Фын-гу исполнил этот отрывок так называемыми тростевыми куклами, то есть такими, которые приводятся в движение не пальцами, а тростями, прикрепленными к голове и кистям рук куклы.

Тростевые куклы — одна из основных систем китайского кукольного театра. В их внешнем виде, в их устройстве и, наконец, в их репертуаре видна устоявшаяся традиция. У многих тростевых кукол подвижные глаза и рты и даже кисти рук.

Народные кукольники играют своими куклами с необыкновенным мастерством. До сих пор не могу понять, каким образом кукольник в городе Сиани умудрялся без всякого помощника брать двумя руками куклы гибкое коромысло с горшками и класть его на маленькое кукольное плечо таким образом, что оно, качаясь при каждом шаге куклы, не сваливалось.

Очень интересна была встреча с кукольниками Восточного Китая в Шанхае. Длилась она два дня подряд по многу часов: китайские товарищи тоже хотели как можно больше узнать о советских кукольных театрах.

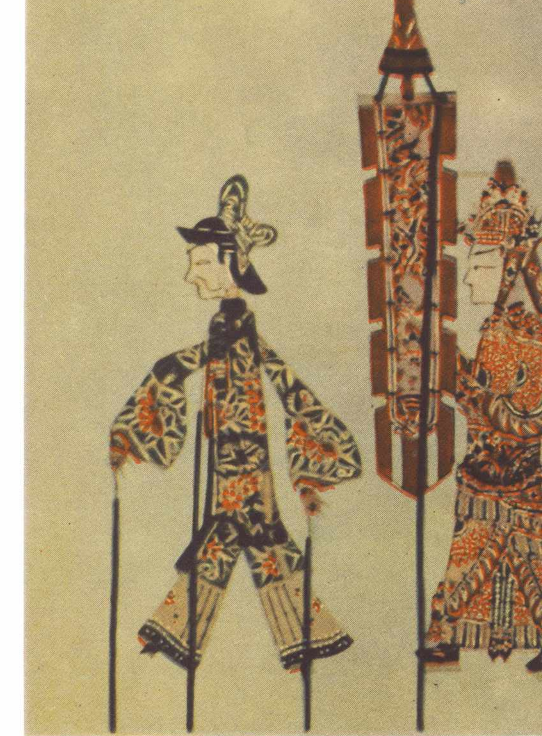
Первый спектакль происходил во дворе. На высоких разборных подмостках стоял волшебный дворец-театр, расписанный киноварью, кобальтом, золотом, се-

Тростевые куклы.

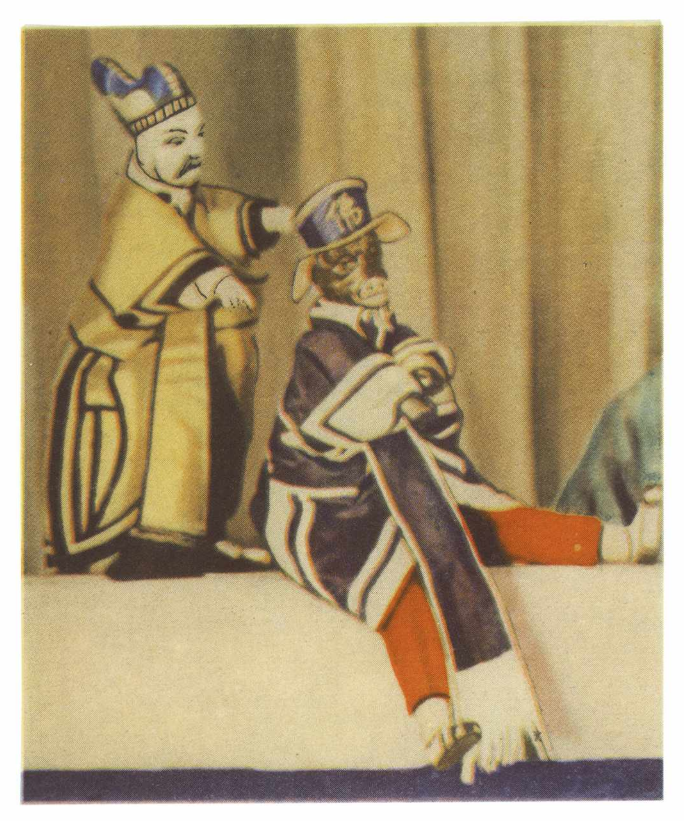
Маска южного льва из Кантона.

Голова дракона из Цзинани.

Северный лев из Харбина.



Фигуры теневого театра.



Куклы на руках.

Театр «на коромысле».

Куклы на нитках.

ребром. Играли куклы на нитках.

Шел отрывок из пьесы «Белая змейка», в которой есть эпизод боя между силами неба и силами воды. В этот момент на сцене вдруг стали бить пятнадцать маленьких фонтанов.

В этом театре работают восемь или десять человек, и существует он двадцать лет.

После «Белой змейки» был показан нам спектакль марионеток, сыгранный другими актерами. Это была классическая пьеса о женщине-ткачихе, ставшей предводителем войска.

Как известно, кукла на нитках с большим трудом может взять в руку какой-либо предмет. При этом необходима специальная нитка, заранее прикрепленная к предмету и проходящая сквозь петельку кукольной руки. К моему изумлению, у кукол оказались подвижные пальцы рук, устроенные так, чтобы куклы могли брать любые предметы. Традиционные народные китайские куклы на нитках обладают очень разработанной техникой и так же, как и тростевые куклы, открывают глаза. У некоторых кукол двигаются и лоб и подбородок, что делает мимику предельно выразительной.

Не менее разработана техника кукол, надеваемых на руку.

Разнообразен и китайский теневой театр. С удивительным мастерством вырезаны теневые фигуры из промасленной бумаги и из ослиной кожи. Сквозные узоры костюмов и шляп кажутся разноцветным кружевом. Из кожи вырезаны и деревья, и облака, и домашняя утварь. Только многовековая традиция могла создать такую законченность формы.

В теневом театре играются те же пьесы, что и в классическом китайском театре. Мы видели в исполнении теневого театра и «Белую змейку» и «Короля обезьян».

Чем же можно объяснить, что все это богатство форм китайского кукольного театра почти совершенно неизвестно в Европе? Да прежде всего тем, что правящие классы полуколониального феодального Китая вообще не считали этот народный театр искусством. Только сейчас, в новом, свободном Китае театр кукол превратился в полноправного члена всей театральной семьи.

Фигуры теневого театра.

КИНОПОВЕСТЬ О ПОБЕДАХ РУССКОГО ФЛОТА

Момент решающего штурма главной цитадели Корфу.

И. С. ИСАКОВ

Советский кинозритель успел узнать и полюбить славного флотоводца адмирала Ушакова по одноименному фильму и познакомился с его верными сподвижниками из народа — матросами Тихоном Прокофьевым, Пирожковым, Ховриным, капитанами его эскадры — Сенявиным, Васильевым, Метаксой и другими. Действие фильма «Адмирал Ушаков» развертывалось в обстановке строительства Черноморского флота, первых его побед над турками.

Теперь мы видим вновь тех же людей семь лет спустя после сражения при Калиакрии (1791 г.) в более сложной ситуации, в боях против более опытного и сильного врага — армии Бонапарта, угрожавшей Европе и Востоку. События, рассказанные в новом фильме, «Корабли штурмуют бастионы» [1], переносят нас через Босфор в Средиземное море, на Ионические острова, в Неаполь и Рим, в Лондон и Санкт-Петербург.

Нельзя не отметить, что эффектное название нового фильма отнюдь не исчерпывает его общего содержания. В кинокартине показаны не только знаменитая операция у острова Корфу, но, хотя и бегло, вся так называемая Ионическая кампания эскадры Ушакова, действия ее десанта при взятии Неаполя, вступление отряда моряков и гренадеров в Рим 30 сентября (ст. стиля) 1799 года. Последнее событие оставалось до сих пор мало кому известным, кроме специалистов-историков.

Взятие Корфу — по своей сложности небывалая в истории военно-морских сражений операция — составляет главный и наиболее волнующий эпизод фильма. Крепость, построенная венецианцами и усовершенствованная французскими инженерами, «которые истощили на ней все свое искусство», всеми считалась неприступной. В течение трех веков турки неоднократно разоряли остров, осаждали крепость, расположенную на скалах, но так и не смогли ее взять. Подходы с моря к Корфу успешно защищались островом-фортом Видо. К тому же французы, захватившие Корфу, вооружили модернизированную крепость 630 орудиями, вплоть до огромных мортир 7-пудового калибра.

Недаром Наполеон Бонапарт, уже прогремевший к тому времени своими победами в Италии и Египте, узнав о блокаде Корфу ушаковской эскадрой, безапелляционно заявил:

«Штурма не будет! Такие крепости штурмом — никогда. Только измором».

Горацио Нельсон, английский адмирал, ставший известным после разгрома французской эскадры при Абукире, также сомневался в успехе атаки Корфу с моря. «Медведь обломает свои когти!» — говорил он. И все же, наслышанный о победах Ушакова, Нельсон старался всеми средствами отвлечь его флот от Ионических островов. Тайно поощряемые англичанами, турки не давали обещанных по договору подкреплений, срывали снабжение продовольствием, стремясь ослабить своих русских союзников. Осажденные, питавшиеся хорошо, чувствовали себя прекрасно за стенами надежной крепости, а осаждающие голодали, терпя нужду во всем, даже в порохе.

«Недостатки наши во всем были беспредельны», — писал мужественный Ушаков русскому посланнику в Константинополе.

И все же штурм состоялся. Важнейший форпост французской экспансии на Восток, сильнейшая морская крепость Европы была атакована и захвачена русскими матросами и гренадерами в феврале 1799 года.

«Русский флаг, поднятый Тихоном Прокофьевым на стенах Корфу, виден всей Европе!» — так ответил адмирал Ушаков врагам России не только во Франции, но и в Лондоне, Вене и Константинополе. Это было и надгробное слово над могилой героев, павших вдали от Родины, и вызов крепостному режиму России, в которой многие талантливые люди из народа погибали в безвестности.

Впервые за свою историю греки-островитяне, освобожденные от оккупационных войск Бонапарта, вздохнули свободно, получив конституцию буржуазной республики из рук своих единоверцев — русских. Понятно, что такой оборот дела не устраивал ни врагов, ни «друзей».

Французы, насаждавшие на Ионических островах колониальные порядки, потеряли здесь свой опорный пункт, который, как считалось, предопределял положение не только на Балканах, но и во всей восточной части Средиземного моря, включая проливы в Черное море.

Русский флот показал блестящий образец нового военного искусства, невиданного ранее в истории других флотов, и это сделало особенно ясным бессилие англичан, не сумевших в течение двух лет справиться с более слабой мальтийской крепостью Ла-Валлетта, защищаемой французским гарнизоном.

В России известие о победе встретили с ликованием. Павел I даже произвел Ушакова в чин полного адмирала, мелочно обделив остальных. И все же только один человек понял истинный смысл этой замечательной победы, оценил по достоинству искусство Ушакова, необычайную доблесть десанта и корабельных экипажей, все трудности, которые пришлось преодолевать победителям. Это был Суворов.

«Великий Петр наш жив! — воскликнул он, узнав о триумфе. — ...природа произвела Россию только одну — она соперниц не имеет... Русскому флоту ура!» Свое историческое письмо к Ушакову он заключил сожалением: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?» Эти слова понятны: недаром Суворов, настаивавший на необходимости взаимного изучения практики сухопутных и морских военных действий, сам, уже будучи генералом, сдавал экзамен на мичмана. Зритель видит: Ушаков любовно прячет это письмо на груди, со словами «Всех наград дороже!». И дей-

Встреча Ушакова (заслуженный артист РСФСР И. Переверзев) и Нельсона (заслуженный артист РСФСР И. Соловьев).

[1] Цветной художественный фильм. Постановщик — М. Ромм. Сценарист — А. Штейн. Операторы — А. Шеленков, Чен Ю-лан. Художники — А. Пархоменко, Л. Шенгелия, А. Вайсфельд, К. Ефимов. Композитор — А. Хачатурян. Производство «Мосфильма». 1953 год.

Суворов (заслуженный артист УССР С. Петров) получает известие о взятии Корфу.

ствительно, Ушаков благоговел перед Суворовым и не раз упоминал о том, что многому учился у него.

В чем же секрет успеха Ушакова при Корфу, во всех операциях и боях так называемой Ионической кампании? Он, этот секрет, раскрывается в следующих эпизодах фильма.

По окончании блокады Корфу и кровопролитных боев флот отплывает в Мессину и Неаполь. Тихая звездная ночь, теплота южной весны, ровный брамсельный ветер невольно рождают воспоминания о далекой и любимой Родине. И вот на баке возникает дружеская беседа адмирала с его сподвижниками. И, объединяя их думы, Ушаков говорит:

«Мы хороши — значит Россия хороша. Мы плохи — значит Россия плоха».

Такое сознание ответственности за честь и славу Родины каждым отдельным матросом и определяло линию поведения ушаковцев как в повседневной жизни, так и особенно в бою. Замечательная традиция — ощущать себя представителем своего отечества где бы то ни было на земном шаре! В сочетании с чисто национальными чертами беспримерной отваги, стойкости, военной смекалки, поразительной выносливости эта традиция, усиленная сознанием благородной идеи освобождения греков от насильников-оккупантов, делала русских матросов героями.

Но героизм русского матроса и солдата надо было направить и верно использовать. Для этого нужен был Федор Ушаков — умный, заботливый, храбрый и искусный флотоводец. Именно он открыл при Корфу новую страницу военно-морского искусства. Следуя смелому и оригинальному замыслу, Ушаков вопреки правилам и стандартам нанес главный удар по осажденной крепости не с суши, а с моря — по острову Видо, в котором правильно разгадал «ключ к Корфу». Подведя корабли вплотную под французские батареи и сосредоточенным огнем подавив их, он высадил десант, завершивший яростным штурмом блестяще начатую операцию. Так был создан новый, ставший затем классическим, прием взаимодействия армии и флота в борьбе с прибрежным вражеским опорным пунктом.

Такой маневр мог быть выполнен отважными русскими матросами и солдатами и искусными русскими капитанами при условии, что флотоводец верит в них и они, в свою очередь, верят своего командующего и верят ему.

Таковы «секреты» ушаковских побед. Вот почему эпизод при Корфу — центральный в фильме.

Съемка эпизода проводилась во рвах и на бастионах Аккерманской крепости, построенной еще в XV веке. В течение своей истории она трижды бралась русскими войсками у турок, а сейчас, охраняемая как памятник старины на территории Украинской ССР, она была «атакована» творческим коллективом «Мосфильма». Масштабы крепости, глубина ее рвов, высота брустверов и бастионов делали даже демонстративный ее штурм рискованным для участников съемки.

При всех трудностях этой постановки творческий коллектив, возглавляемый М. Роммом, с честью справился со сложной задачей создания художественно-исторической картины об Ушакове, многоплановой, насыщенной действием, исключительно напряженной по темпу.

Новый фильм радует более полным раскрытием актерских дарований его участников. Уже не так прямолинеен Ушаков (И. Переверзев), который показан здесь не только как искусный адмирал, выдающийся воспитатель целого поколения русских моряков, но и как проницательный дипломат; полнее и привлекательнее стал облик Сенявина (Г. Юдин), который сам возмужал и лучше стал понимать силу и моральную чистоту Ушакова; с горечью расстается здесь зритель с полюбившимся ему бунтарем-крепостным, ставшим героем-воином, каким создал своего Тихона артист С. Бондарчук; привлекает чудесный сдержанный юмор добродушного Пирожкова (М. Пуговкин). Попрежнему на высоком уровне игра Н. Свободина, исполняющего роль карьериста Мордовцева.

В фильме появилось много новых персонажей, хотя и эпизодических, но запоминающихся: Павел I (П. Павленко), Фердинанд — незадачливый «король обеих Сицилий» (С. Мартинсон), его жена, королева Каролина (А. Войцик) — «фурия», как называли ее современники, прямой и честный коммодор Фут, друг юных лет Нельсона (В. Туманов), немного картинный Наполеон (В. Лекарев), английские дипломаты — олицетворение закулисных интриг внутри антифранцузской коалиции — Спенсер Смит и Гамильтон (Б. Бибиков и И. Толчанов), авантюристка и агент английского правительства леди Гамильтон (Е. Кузьмина), которую мы застаем в расцвете ее закулисной агентурной деятельности.

Из числа новых исторических фигур особо надо выделить Суворова (С. Петров) и Нельсона (И. Соловьев). При оценке созданного Петровым образа знаменитого фельдмаршала надо учитывать, что мы его видим на экране уже 69-летним стариком, которого Павел I вынужден был при всей своей ненависти к нему вызвать из ссылки и поставить во главе русско-австрийской армии. Неостывшая горечь изгнания и открывшиеся возможности «унять мальчика» (Бонапарта) вполне оправдывают язвительность, колкость, несколько нервозную порывистость великого русского патриота и всемирно прославленного полководца. В ряде коротких сцен и лаконичных диалогов Петров правдиво показал изнуренного ранами и походами великого старца с молодой душой, который годом позже умирает не столько от болезни, сколько от черной и оскорбительной неблагодарности русского монарха.

Рыцарю без страха и упрека, достойному последователю Суворова в русском флоте, — Федору Ушакову — противостоит в фильме английский контр-адмирал Горацио Нельсон. Такое противопоставление напрашивается не потому только, что Нельсону не удавалось взять Мальту в течение почти двух лет, в то время как русский адмирал после четырехмесячной блокады штурмом овладел значительно более сильной крепостью. Бесспорно храбрый и талантливый Нельсон, потерявший в славных боях руку и глаз, «мог бы рассчитывать на чистую совесть воина». Но, будучи убежденным монархистом, этот жестокий лицемер, получивший из рук монархов титулы английского виконта и неаполитанского герцога, подчинявшийся влиянию дипломатов, давлению неаполитанской королевы и авантюристки Эммы Харт (ставшей женой лорда Гамильтона), запятнал себя кровавым террором против неаполитанских республиканцев, вероломными нарушениями союзнического долга.

Капитан-лейтенант Белли, ставший свидетелем позорной бойни, учиненной англичанами в Неаполе, с горечью и негодованием говорит своему флагману: «Нельсон — здесь не воин, а лорд!»

Два существа в одном: воин, выполняющий боевые задачи, и новоиспеченный лорд, выполняющий задания английской дипломатии, не стесняющейся в выборе средств и методов, — борются в Нельсоне, и в конце концов побеждает последний. Эту борьбу тонко и убедительно передает артист И. Соловьев.

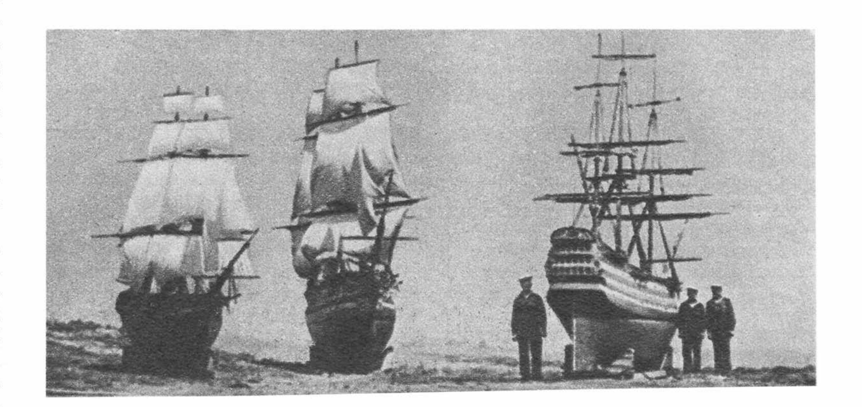
Гамильтон, Смит и Нельсон олицетворяют в фильме политику английского правительства, старавшегося использовать русские корпуса в Италии и Швейцарии и русскую эскадру в Средиземном море для того, чтобы таскать каштаны из огня чужими руками. Вот почему самостоятельность Ушакова беспокоила англичан.

«Мне нужны русские корабли, а не русские адмиралы», — говорил взбешенный Нельсон дипломатам. Эта ненависть к русским имела более глубокие корни, чем зависть или личная неприязнь. Освобождение греков, блистательные победы Ушакова и Суворова, вызывая доверие и любовь к русским в Греции и на Балканах, порождали страх в правительственных кругах Европы. Боязнь русского влияния толкала англичан на всяческие интриги. Понимавший все это Ушаков так резюмировал линию поведения союзников:

«Русский солдат и матрос подвели. Воюют больно славно... Сильна стала для них Россия!..»

Идейно-художественное значение этого глубоко патриотического фильма бесспорно. Познавательное значение киноэпопеи, также весьма высокое, достигается историчностью передаваемых событий, хотя в фильме и есть некоторые отступления и смещения по времени и месту от фактического развертывания событий 1798—1800 годов.

Достоверен и исторический факт — печальный для героя картины финал. Не он первый, не он последний был незаслуженно оскорблен, унижен и забыт в Российской империи. Александр I в обращении с Ушаковым полностью повторил своего отца, расправившегося с прославленным Суворовым. Ушакова перевели в Кронштадт, на флотилию гребных галер, уже отживших свое время, после чего назначили заведующим береговыми командами в Петербурге. Но это не поколебало веры Ушакова в большое будущее русского флота. Он знал его людей, знал и любил Россию и ее народ, из которого вышел сам.



Макеты кораблей.

Вручение переходящего Красного знамени ЦК ВЛКСМ физкультурникам колхоза имени Молотова.

ИСТОРИЯ одной площадки

В. ЕЖОВ, Е. СОЛОВЬЕВ

Фото Г. Бородина.

Наше знакомство с председателем крымского колхоза имени Молотова Иваном Захаровичем Бегматом произошло в самом обыкновенном месте — в правлении колхоза. Где же еще искать председателя, если приезжаешь в колхоз?

В просторном кабинете сражались шахматисты, и, когда мы спросили Ивана Захаровича, один из игроков с сожалением оторвался от доски и поднялся нам навстречу. Это и был председатель колхоза имени Молотова... Он был так увлечен развернувшейся борьбой, что совесть не позволила отвлечь его от игры, и мы присоединились к группе болельщиков, с азартом наблюдавших за ходом неотразимой атаки, которую вел Иван Захарович. Но вот прозвучало грозное «шах и мат», и мы вышли с Бегматом на улицу. Улица деревни была фруктовым садом, да и сама деревня называется «Садовая». То и дело приходилось шагать через оросительные канавы. Журчала вода, и под ногами, словно светляки, вспыхивали отражения крупных звезд. Иван Захарович говорил:

— Старики считают, что в Крыму только по ночам растения живут, а днем жару перемогают. Люди же работают на этой жаре, и как работают! Судите сами: в колхозе полтораста трудоспособных, а доход наш — почти два с половиной миллиона рублей...

После окончания войны переселенческие колхозы Крымской области испытывали недостаток в квалифицированных специалистах: агрономах, садоводах, механизаторах, животноводах, учителях... Переселенцы ехали главным образом из тех районов, где «фруктов слаще морковки не выращивали». Надо было учиться орошать эти трудные, но драгоценные земли. Надо было учиться выращивать на этих землях розы, табак и лаванду, постигать сложный характер винограда. Надо было сживаться в одном трудовом коллективе сибирякам, полтавчанам, курянам, тулякам. Велика, очень велика роль председателя колхоза в этих условиях, а людей, которые могли бы взять на себя такую ответственность, не хватало.

— Молод больно...— говорили старики, когда двадцатишестилетнего Ивана Захаровича Бегмата выбирали председателем артели имени Молотова в Куйбышевской долине, хозяйства большого и сложного. Но когда колхозники узнали, что Бегмат уже работал председателем передового колхоза «Красная звезда», то проголосовали за него.

И вот с первых же шагов молодой председатель, целиком отдавшись хозяйству, нашел время и для организации низового коллектива добровольного спортивного общества «Колхозник». Больше того, Иван Захарович предложил колхозникам выделить участок земли, чтобы построить спортивную площадку. Старики удивились: ведь каждый клочок крымской земли ценится на вес золота! Но председатель упорно стоял на своем.

— Вы сами знаете,— говорил он,— для физкультурников нужен если не стадион, то хотя бы площадка.

Ивана Захаровича дружно поддержала молодежь, и после горячих прений старики должны были сдаться.

Кузнец Петр Бондарь, рабочий строительной бригады Василий Копур, колхозники Николай Ялуга, Иван Осипов, Василий Клименко и многие другие энтузиасты под руководством председателя

Встреча двух колхозных команд на спортивной площадке.

Председатель колхоза Иван Захарович Бегмат проводит сеанс одновременной игры в шахматы.

физкультурного коллектива Николая Сулейманова сразу же взялись за работу. Скоро площадка была готова, и принимать ее пришел сам Иван Захарович.

Физкультурники обступили его. Бегмат внимательно осмотрел сияющие свежей краской скамьи и ворота, яркие полотнища флагов и сказал:

— Выгорит все это скоро на здешнем солнце, особенно флаги.

Физкультурники улыбнулись. Дотошный же человек Захарыч! На следующий день флаги были прикрыты колпаками из толя.

— По праздникам только и будем снимать их: на сто лет хватит,— сказали физкультурники.

— Толково...— кратко одобрил их затею Бегмат.

Строители площадки и были теми активистами, вокруг которых объединились физкультурники колхоза.

Сначала не хватало знаний, умения, не было спортивного инвентаря. Но было желание заниматься спортом, и скоро у колхоза нашлись деньги и для мячей, и для волейбольной сетки, и для шахмат. Появилась и спортивная литература, вся, какая только имелась в магазинах Симферополя.

Три колхозных спортсмена: Ялуга, Яхно и Клименко — побывали на курсах инструкторов-общественников. Начали работать секции: стрелков, волейболистов, городошников, легкоатлетов, шахматистов, велосипедистов и тяжелоатлетов.

Председатель совета физкультурного коллектива Николай Сулейманов организовал однодневный велосипедный пробег Новая Садовая — Ялта — Новая Садовая и вместе со всеми, несмотря на тяжелое повреждение ноги (последствие ранения), проделал весь стодвадцатикилометровый путь. Возглавив самую многочисленную спортивную секцию — стрелковую,— Николай Сулейманов одновременно стал учеником Ивана Осипова, руководителя секции тяжелой атлетики, и, выжав шестьдесят килограммов, неуклонно стал повышать свои результаты. По вечерам же, стесняясь признаться ребятам, что не умеет играть в шахматы (какой же он после этого председатель физкультурного коллектива!), изучал шахматную литературу...

Так спорт стал любимым отдыхом для колхозников. Но спорт — это борьба, состязание, а с кем же состязаться колхозным спортсменам? Где найти достойных противников?

Сельские спортсмены и здесь придумали выход. Однажды волейбольная команда молотовцев во главе с председателем колхоза отправилась в соседний колхоз.

— Бить вас приехали... здравствуйте! — сказали молотовцы.

Молодежь колхоза немедленно организовалась в команду и... действительно была «бита». Через неделю волейболисты поехали в другой колхоз, потом в третий... Они всюду побеждали, но поездки сыграли большую роль в создании физкультурных коллективов района.

Во всех этих спортивных вылазках Иван Захарович принимал самое активное участие, и в районе стали поговаривать о том, что у молотовцев председатель — «футболист», «волейболист» и вообще «многоборец».

Когда подвели итоги хозяйственного года, то оказалось, что колхозники, которых возглавляет председатель-«многоборец», получили на трудодни от восемнадцати до тридцати рублей деньгами (помножьте на четыреста — среднее количество трудодней каждого колхозника!), да по килограмму хлеба, да фруктов, овощей... Именно в этом году колхоз имени Молотова стал колхозом-миллионером и вышел в районе на первое место по всем показателям.

Молотовцы стали приобретать велосипеды, мотоциклы, появились в колхозных домах автомашины. Купила «Москвич» и с увлечением занялась автомобильным спортом семья Чканов. Все члены этой семьи — спортсмены-разрядники. Мария Кирилловна — колхозный парниковод — держит по стрельбе первое место в районе и второе в области. Ее супруг — Марк Иванович — тоже отличный стрелок-разрядник и заядлый городошник. Их сын Георгий — один из лучших спортсменов колхоза. Он выполнил нормы третьего разряда по трем видам: стрельбе, легкой атлетике и велосипеду. Старейший из Чканов — шестидесятилетний Иван Максимович славится в колхозе тем, что с двадцати пяти метров первым выстрелом попадает в трехкопеечную монету.

Теперь физкультурный коллектив колхоза имени Молотова известен не только в Крыму. Мы были свидетелями того, как колхозным спортсменам вручалось переходящее знамя ЦК ВЛКСМ (такие знамена вручаются только пяти лучшим колхозным спортивным коллективам страны!)

С утра в Малую Садовую начали прибывать машины с гостями. Над воротами спортплощадки трепетали освобожденные еще вчера вечером от чехлов красные флаги. Посреди волейбольной площадки был установлен стол, накрытый красным сукном, а гости располагались в тени яблонь и груш.

Ивана Захаровича Бегмата не было за столом президиума. Он стоял в строю спортсменов и от имени физкультурников колхоза принял почетную награду.

К столу президиума подходили спортсмены второго разряда: Сулейманов, Клименко, Королев, Осипов, Черкашин, Ялуга, Евстратенко — и возвращались в строй с грамотами. Это были уже известные нам, «старые», заслуженные физкультурные активисты, с которых «пошел спорт в колхозе». Получили грамоты и спортсмены третьего разряда: Мария Кирилловна Чкан, ее сын Георгий и многие другие. И, как правило, именно лучшие мастера колхозного производства были отмечены как лучшие спортсмены.

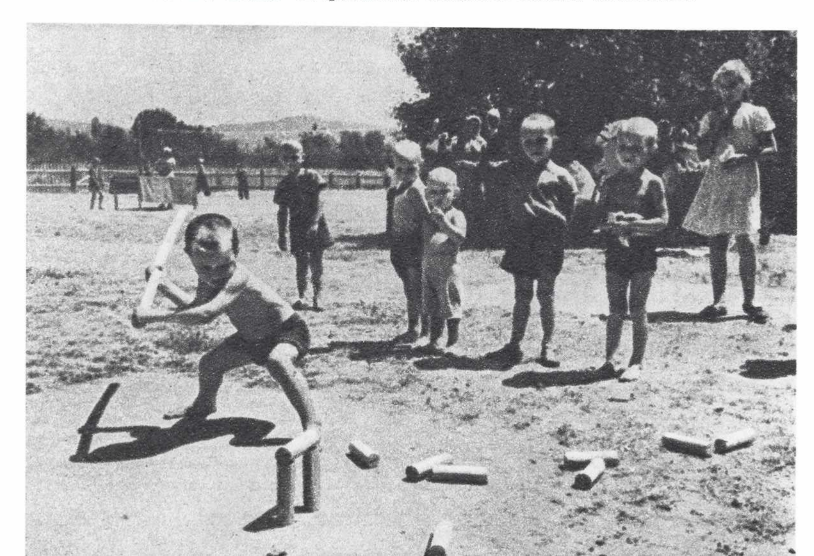
За столом президиума не было и секретаря райкома комсомола. Он тоже стоял в строю спортсменов колхоза имени Молотова, потому что бывший колхозник Иван Мукомол — бессменный вратарь футбольной команды — не покинул своей команды и после выдвижения на руководящую работу.

Переходящее знамя было вполне заслуженной наградой. Все трудоспособные колхозники к этому времени уже стали членами спортивного общества «Колхозник». Девяносто два молотовца сдали нормы на значок ГТО первой и второй ступени. В физкультурном коллективе — шестнадцать спортсменов-разрядников.

После вручения знамени состоялись спортивные состязания. Лучшие волейболисты, гимнасты, баскетболисты, боксеры и тяжелоатлеты области выступали на колхозной спортивной площадке. Волейболисты команды колхоза имени Молотова победили со счетом 3 : 0 волейболистов колхоза «Красный Октябрь». В команде выступал и председатель колхоза Иван Захарович Бегмат.

Дотемна продолжались состязания, и, глядя на сильных, загорелых юношей и девушек, можно было в полной мере оценить, какой великолепный «урожай» принесла та земля, которую колхозники выделили для спортивной площадки.

Самые юные спортсмены колхоза имени Молотова.



Тридцать тысяч верст пешком

В июне 1896 года в Петербург прибыл необычного вида путник. Был он высок ростом, сухопар, с заметной сединой в бороде. Стоптанные сапоги и бурый от пыли армяк говорили о том, что человек находился в дороге не день и не два...

Постукивая палкой, путник шагал по оживленным улицам столицы. Подолгу простаивал он у особняков и памятников, запоминал названия проспектов и площадей, затем продолжал свой путь так же спокойно и уверенно, как раньше.

Городовому, остановившему странного пешехода, тот предъявил документ на имя крестьянина Тамбовской губернии Миронова.

— Путешественник я,— объяснил он блюстителю порядка,— иду из Владивостока...

Городовой недоверчиво покачал головой и после некоторого раздумья посоветовал пришельцу путешествовать подальше от его поста: «Другой раз, гляди, отведу куда следует».

Миронов говорил постовому чистейшую правду. Он действительно шел из Владивостока, от самого океана, знакомясь с великой русской землей.

Страсть к путешествиям зародилась у крестьянского сына Миронова в отроческие годы; еще мальчиком он исходил вдоль и поперек Елатомский уезд, Тамбовской губернии. В летние ночи, присматривая за стреноженными лошадьми, пастушок мечтал о краях далеких и невиданных. Ночная темень плотной стеной подступала к костру. За этой стеной начинался кочковатый луг, а за лугом — необозримая и загадочная даль...

Отслужив на флоте, Миронов стал путешествовать по стране. После двухлетнего странствования он попал в столицу. Недолго гостил Миронов в Петербурге: его снова потянуло в дорогу. На этот раз путешественник отправился на юг, пересек всю европейскую часть России, шел безводной Оренбургской степью, посетил Ташкент и Коканд, побывал на Памире и в Бухаре.

Закончив этот длительный переход, Миронов задумал новый. Из Елатомского уезда он предпринял путешествие в Порт-Артур.

Более тридцати тысяч верст прошел крестьянин Миронов за свою жизнь!

И. БОРИСОВ

Когда нет хорошей открытки

Н. СОЛОВЬЕВА

Выйдя на привокзальную площадь, Мария Васильевна остановилась в раздумье. Ее пребывание в Москве приходило к концу, и надо было купить подарки семье.

На небольшом листке крупным почерком дочери Лидочки были записаны все заказы. Увидев дважды подчеркнутое слово «открытки», Мария Васильевна улыбнулась.

— Открытки с цветами, портретами артистов и писателей привези обязательно,— вспомнилась ей настойчивая просьба дочери.

— Займусь-ка я этим сегодня. День идет к концу.

Из троллейбуса Мария Васильевна вышла у здания Моссовета. Невдалеке, она знала, есть большой книжный магазин.

...На прилавке под стеклом лежали открытки. Десяток цветных фотографий городов, несколько репродукций с картин советских художников — вот и все, что она увидела в магазине.

— Цветы просила привезти дочка. Покажите, что есть.

— С цветами открыток у нас нет,— ответила продавщица.— Возьмите картину,— показала она цветную репродукцию в рамке, на которой была прикреплена табличка: «Цена 50 рублей».

— Это дорого, да и не то мне нужно. Лучше скажите, где еще продаются открытки?

— Арбат, 4, магазин № 50, и на Кузнецком мосту, филателистический магазин,— привычной скороговоркой ответила девушка.

В магазине на Арбате у прилавка было многолюдно. Мария Васильевна решила, что здесь-то она найдет все, что нужно, но не успела еще открыть рот, как две девушки, стоявшие впереди, разочарованно протянули:

— Ну, цветов попрежнему нет...

— Мне дайте ту, где «Мужичок с ноготок» нарисован,— просил мальчик лет десяти.

— Отдельно не продаем. Бери всю серию «Некрасов в изображении советских художников». Пять рублей стоит.

— Так они не все интересные. Почему отдельно нельзя купить? — сердито сказал мальчуган.— Дайте тогда вон те, с игрушками. Мне для братишки надо.

— Это тоже серия — «Народное и прикладное искусство».

Мальчик, ничего не купив, с недовольной миной отошел от прилавка.

Подождав, пока освободилась немолодая, с приветливым лицом продавщица, Мария Васильевна сказала о том, что хотелось бы ей купить.

— Открыток с цветами давно у нас не было. Артисты?.. Вот серия артистов Большого театра в различных ролях.

Мария Васильевна перебирала пачку и никак не могла узнать Обухову в этой, будто из жести сделанной Кармен, артиста Норцова в конфетно красивом офицерике, Давыдову в пряничной боярышне. Так мало напоминали рисунки художника Н. Кузьмина давно знакомые лица любимых артистов. Удивляло и то, что явно неудачная продукция принадлежала издательству «Искусство».

— Хотелось бы без грима, какие они в жизни...— нерешительно сказала покупательница.

— Не поступают к нам такие открытки, хоть спрос большой,— услышала она в ответ.

— А виды Москвы, станций метро есть у вас?

— Вот, пожалуйста, серия — шестнадцать снимков нового здания МГУ. И недорого: всего один

Уличная сценка в Ташкенте.

рубль шестьдесят,— обрадованно ответила продавщица, довольная, что может предложить что-нибудь приемлемое.— И вот еще метро, посмотрите.

Но смотреть было нечего: на бледных, будто сливнявших фото пропадала вся красота подземных дворцов. А прекрасный дом № 19 по улице Горького, у телеграфа, выглядел на одной открытке (изданной почему-то филателистической конторой в Таллине) грязно-серым. На другой — первый этаж того же дома оказался грубо размалеванным в малиновый цвет.

Пробираясь к выходу, Мария Васильевна все еще слышала недовольные голоса. Старик-покупатель возмущался желтушечным оттенком лица «Моны Лизы». Пожилая пара настойчиво выспрашивала, где найти хорошую детскую открытку:

— Нам внука-малыша надо поздравить. В телеграмме-то он что поймет? А какой-нибудь зайчишка ему понравился бы...

— Поздравительные открытки бывают у вас? — допытывался кто-то.— Раньше ведь издавали. Сам получал!..

О дальнейших хождениях Марии Васильевны рассказывать не стоит. Лидочкино поручение так и осталось невыполненным.

— Открытки? Такой пустяк! — скажет, может быть, не в меру серьезный читатель. Но и сам он с курорта всегда посылает домой фотографии южных городов, зачастую досадуя на низкое качество печати. А поздравительную открытку от друзей и он получил бы с радостью! О молодежи, школьниках и говорить нечего — это постоянные посетители магазинов, где продаются открытки.

Попробуем продолжить путешествие уехавшей Марии Васильевны, но уже не в магазины, а в издательство.

В Изогизе нам сообщили: к концу 1953 года общий тираж открыток достигнет 31 миллиона штук, а в будущем году тираж должен вырасти втрое. Но ведь это далеко не удовлетворит спроса! А если учесть, что из всего огромного наследия русской и западноевропейской живописи, собранного в Эрмитаже, Государственном Русском музее и Третьяковской галерее, будет воспроизведено на открытках меньше ста названий, незначительными покажутся все эти расчеты издательства.

Правда, в тематическом плане Изогиза на оставшиеся месяцы этого года и на 1954 год учтены некоторые особо настойчивые требования потребителя. Так, среди образцов новых открыток мы увидели нарядные поздравительные новогодние для малышей, выпускаемые полумиллионными тиражами. Готовятся к изданию и красивые открытки с цветами. Запланированы серии, посвященные художественным музеям Горького, Саратова, Феодосии. Но и сами работники Изогиза признают, что всего этого недостаточно, и во многом соглашаются с критикой своей продукции.

У Изогиза нет своей типографии, заказы на открытки размещаются в других издательствах, где их принимают крайне неохотно. Да и художники до последнего времени неохотно работали специально для этой цели.

Такое положение используют предприимчивые халтурщики. В поездах бойко торгуют нарисованными от руки «грибками», «девочками», «собачками». А на улицах многих городов появляются продавцы кустарных, грубо раскрашенных фотографий неведомых красавиц, всякого рода «лирической» халтуры.

Преградить дорогу халтуре и пошлости может только серьезный, деловой подход к созданию и изданию массовыми тиражами художественно полноценных открыток. Маленькую и любимую всеми художественную репродукцию и просто красочную открытку ждут советские люди.

Образцы «лирической» халтуры.

Вторая жизнь Тартуской обсерватории

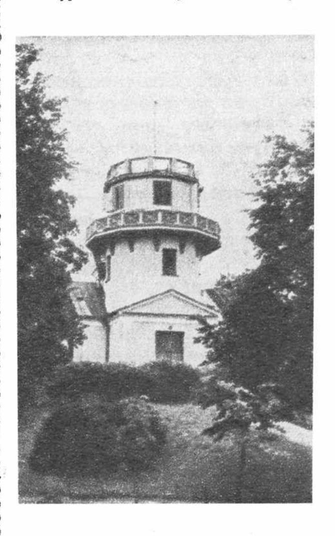
В научном центре Эстонии — городе Тарту — находится одна из старейших обсерваторий нашей страны. Она была построена около 150 лет назад, одновременно с университетом. В обсерватории с 1813 года работал знаменитый русский астроном академик В. Я. Струве. Он руководил ею двадцать шесть лет, до 1839 года, когда уехал в Пулково. За это время обсерватория стала крупным астрономическим центром.

В обсерватории был установлен большой рефрактор, который долгое время оставался самым совершенным в мире. Пользуясь им, В. Я. Струве сделал астрономические исследования трех тысяч ста двенадцати двойных звезд. До него было известно всего несколько сот этих звезд.

Позже обсерватория превратилась в учебную базу университета. В буржуазной Эстонии здесь почти никакой работы не велось. Во время Великой Отечественной войны обсерватория была сильно разрушена: гитлеровцы, засев за рекой Эмайыги, вели бессмысленный обстрел башни.

В 1947 году обсерватория была восстановлена и перешла в ведение Академии наук Эстонской ССР. Началась вторая ее жизнь.

— В нашей работе два основных направления: исследование строения и движения Галактики и изучение малых тел солнечной системы,— рассказал нам директор обсерватории Харальд Керес.



Обсерватория в Тарту.

Немалое значение имеют труды старшего научного сотрудника, воспитанника Тартуского университета Г. Кузьмина. Молодой ученый развивает в своих исследованиях теорию стационарной Галактики, им открыты некоторые закономерности в движении звезд. Работы старшего научного сотрудника В. Рийвеса вносят вклад в теорию комет (он разработал оригинальную методику для фотографического наблюдения комет).

Сейчас при обсерватории создается лаборатория квантовой механики, теории элементарных частиц и люминесценции.

Н. ХРАБРОВА

Воскресение в понедельник

Из «Похождений С. Д. Петухова»

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

— Не ожидал я, товарищ Фикусов, от тебя, старого работника, такого непростительного легкомыслия!..

Петухов с обидным сожалением посмотрел на своего заместителя и брезгливо взял со стола злополучную бумажку.

— Значит, на основании этой справки ты предлагаешь мне предоставить калькулятору Бельскому А. И. декретный отпуск и направить его в специальный дом отдыха для женщин, готовящихся стать матерями? Так?..

— Но это же просто опечатка в справке, Семен Данилыч,— робко пояснил Фикусов,— явная опечатка. Это не Бельский, а Бельская... Она женщина, честное слово!.. Я же сам видел!..

— Это субъективное восприятие,— отрезал Петухов.— А передо мной официальный документ. И в нем стоит мужская фамилия!

— Вы можете сами посмотреть, — предложил Фикусов. — Она сидит в приемной... Она женщина. И по фигуре видно, что она действительно, так сказать, готовится...

— Фигура, товарищ Фикусов, не является основанием для приказа. Представь на минутку, что могло бы получиться, если бы я пошел у тебя на поводу и подписал этот приказ? Калькулятор Бельский уезжает в дом отдыха и там спокойно готовится стать матерью. Свою фигуру он увозит с собой, а справка остается в деле. Приезжий ревизор поднимает дело, находит справку и задает мне вопрос: «На каком основании вы послали мужчину готовиться стать матерью?»... Не знаю, товарищ Фикусов, как ты меня, а я бы тебя снял за такое дело!..

Испуганный этой перспективой и подавленный железной логикой своего начальника, Фикусов больше не пытался оправдываться. А Петухов, хоть и ценил и даже любил Фикусова за исполнительность, аккуратность и, как он говорил, «непрекословие», но на этот раз решил довести свой административный урок до конца.

— Никогда, слышишь меня, Фикусов, никогда не иди против официального документа! — строго наказывал он своему заместителю.— Ибо всегда окажется правым документ, а не ты! И бумага останется в силе, а ты погибнешь!.. Впрочем, я уверен, что этого больше не случится,— смягчился наконец Петухов.— Я оставляю на тебя учреждение, как на самого себя. Ты мой ученик, и я верю, что ты себя не подведешь. Но выводы из этого случая сделай.

Все еще испуганный, Фикусов поблагодарил начальника за доверие, а Семен Данилович с приятным ощущением выполненного долга покинул стены своего учреждения и отбыл на три дня к берегам Ильменского озера, где, как он точно знал, уже второй день плотва шла косяком.

Посадка на пригородный поезд в этот вечер была очень тяжелой. Семен Данилович во главе группы рыболовов, держа высоко над головой снасть и тару, с трудом прорвался в вагон, отпихнув какого-то подозрительного субъекта без ведра и удочки, который долгое время терся рядом и мешал ему закрепиться на подножке.

Уже на ходу поезда Петухов не без злорадства заметил из окна, что нахальный субъект так и остался на перроне.

Следующие трое суток пронеслись незаметно. Только ранним утром в понедельник Семен Данилович Петухов очнулся от этого волшебного рыболовецкого сна и вернулся к будничной действительности. Возвращение это было не из приятных. На станции у железнодорожной кассы Семен Данилович обнаружил, что он потерял бумажник.

У знакомого рыболова он занял денег на обратный билет и вернулся в город несколько встревоженным. Прямо с вокзала Петухов поехал на службу, чтобы немедленно написать соответствующее заявление и восстановить утраченный паспорт и остальные документы.

Петухов явился к себе в контору за полчаса до звонка. В пустынной утренней канцелярии уборщица тетя Паша с ведром и тряпкой лавировала между тесно составленными столами. Увидев Петухова, она побледнела, тихо ахнула и прошептала: «Чур меня!»

Озабоченный Петухов не обратил внимания на необычность встречи и, коротко бросив «Здравствуйте!», прошел к своему кабинету.

Распахнув дверь в кабинет, Семен Данилович побледнел и отпрянул назад.

Рядом с его массивным письменным столом в двух креслах для посетителей лежали роскошные венки. На одной из лент, свесившейся через ручку кресла, Семен Данилович прочитал надпись: «С. Д. Петухову от безутешных сослуживцев». На стене против двери висел его собственный фотографический портрет в раме, перевитой траурным крепом.

Под портретом за столом сидел Фикусов с опухшим от слез лицом и что-то писал.

— Что... что это?..— испуганно спросил Петухов и шагнул в кабинет.

— Я же просил не мешать...— недовольно пробурчал Фикусов и поднял глаза от бумаг. В ту же секунду он побледнел и отшатнулся к спинке кресла.

— Что это значит? — взяв себя в руки, строго потребовал ответа Петухов.— Докладывай, что здесь происходит?..

Привычный начальственный тон благотворно подействовал на потрясенного Фикусова.

— Это действительно вы?..— робко спросил он.

— Конечно, я! А кто же?..

— Можно вас потрогать?..

— Пожалуйста...

Фикусов осторожно, словно боясь обжечься, потрогал Петухова за плечо, ткнул его пальцем в грудь, потом вдруг заключил Петухова в объятия.

— Вы!.. Персонально!.. Живой!.. Какая неожиданная радость!.. Какое роковое недоразумение!..

Петухов нетерпеливо высвободился из объятий своего заместителя и потребовал объяснений. Но Фикусов от радости и потрясения еще не мог придти в себя. Он протянул Петухову лежавшую на столе бумагу, а сам, пока Семен Данилович читал, только всплескивал руками.

Бумага, которую читал Петухов, была милицейским протоколом, официально удостоверявшим факт трагической гибели гр-на Петухова Семена Даниловича, холостого, служащего, 1906 года рождения. Согласно протоколу, упомянутый гражданин в четверг 16-го числа сего месяца, в 20 часов 07 минут, поспешно выходя из помещения вокзала, был сшиблен грузовой машиной № СЮ-3247. Потерпевший был доставлен в ближайшую больницу, где и скончался, не приходя в сознание. Найденный при нем бумажник с деньгами и документами дал возможность немедленно установить его личность, что вследствие травм сделать иным способом было бы невозможно.

Семен Данилович тут же вспомнил подозрительного субъекта, который терся рядом с ним во время посадки в вагон, сопоставил это с пропажей бумажника,— и картина его мнимой смерти стала ему совершенно ясна. По возможности кратко он изложил ее Фикусову. Когда впечатлительный заместитель наконец понял, что погиб не сам Петухов, а злоумышленник с бумажником, похищенным у Петухова, он со слезами на глазах расцеловал своего воскресшего начальника.

— А мы-то!..— говорил он.— Мы-то уже приготовились вам, так сказать, последние почести отдавать... Вот закупили все, как полагается...— И он смущенно указал на необычную обстановку кабинета.

— Портрет неплохо оформили, авторитетно...— похвалил Петухов.— А вот на венки поскупились сотруднички, — неодобрительно понюхал он свои надгробные цветы.— Это я им припомню. Все-таки не каждый день такой работник помирает... А как некролог?..

— Вот как раз писал, когда вы... воскресли! Просмотрите, Семен Данилыч, удовольствие получите!

— Давай!..

И Петухов стал читать свой некролог, по привычке делая красным карандашом на полях галочки и пометки.

— Вот это, в конце,— сказал он, закончив чтение,— где обращение «Прощай, Семен! Прощай, наш дорогой Данилыч!», по мысли неплохо, но излишне панибратски. И в начале лучше сказать не просто «ушел от нас», а «нелепая смерть вырвала из наших рядов»... А в целом, товарищ Фикусов, хотелось бы, чтоб не так сухо было!.. Я бы про тебя похлеще написал!

Фикусов признал справедливым обвинение в некоторой суховатости некролога и автоматически обещал в дальнейшем исправить эту ошибку. Семен Данилович счел инцидент исчерпанным и собрался было занять рабочее место за столом, когда Фикусов неожиданно хлопнул себя по лбу и, испуганно посмотрев на Петухова, произнес:

— Гроб!..

— В каком смысле — гроб? — недоуменно поднял брови Семен Данилович.

— Гроб повис на балансе!.. Я же вам гроб заказал. И перечисление сделал... Как я его теперь оприходую? — И, заметив еще не рассеявшееся недоумение начальника, Фикусов пояснил:— Если бы ваше захоронение состоялось, то этой неприятности не возникло бы, а теперь...

— А теперь,— беспечно перебил его Петухов,— похороните в нем этого потерпевшего, которого ошибочно приняли за меня, и дело с концом!

— Как это вы так рассуждаете? — удивился Фикусов.— Гроб предназначен персонально для вас... Никого постороннего я в нем захоронить не имею права!

— Ну, ладно,— решительно сказал Петухов.— Мы его просто спишем за ненадобностью. Где инвентарная ведомость? Давай, я подпишу.

Фикусов замялся:

— Это будет не совсем удобно, Семен Данилыч... Ваша подпись пока недействительна.

— Почему?

— Потому что...— Фикусов запнулся, выбирая формулировку.— Потому что, Семен Данилыч, вы пока официально не совсем живой... И в связи с этим я вас, извините, конечно, уволил с работы.

— Новое дело! — развел руками Петухов.— На каком это основании?

— На основании справки из милиции, — пояснил Фикусов. — Я вас уже отдал приказом, как усопшего.

— Тьфу, черт, вот глупость-то!..— плюнул Петухов, рассерженный торопливостью своего заместителя и необходимостью тратить время на приказ о восстановлении. Не сказав больше ни слова Фикусову, он обиженно хлопнул дверью и направился прямо в кассу.

Фикусов тяжело вздохнул ему вслед и скорбно развел руками. Впрочем, он не сердился на Петухова: он делал скидку на его возбужденное состояние.

А Петухов тем временем бушевал в бухгалтерии. Кассирша, которая уже оправилась после потрясения, вызванного появлением Петухова, отказывалась выдать ему зарплату, ссылаясь на птичку в ведомости, поставленную Фикусовым. Семену Даниловичу снова пришлось идти к своему заместителю.

— Правильно! — сказал Фикусов.— Теперь вашу зарплату могут получить только ваши наследники...

— Сейчас же отменяй свой дурацкий приказ! — вне себя закричал Петухов.— Отменяй приказ и немедленно отдавай распоряжение о моем восстановлении на работе!

— Я бы рад, Семен Данилыч! Вы же знаете, я всей душой... Но на каком основании?

— Да какое тебе, болвану, основание нужно, когда вот он я, живой и здоровый?! Можешь меня пощупать!..— бушевал Петухов. От его недавнего благодушия не осталось и следа.

— Вы только не волнуйтесь, Семен Данилыч,— мягко сказал Фикусов, но щупать Петухова не стал.— Я верю, что в дальнейшем экспертиза установит, что вы не являетесь покойником, но документ есть документ. Вы сами меня учили, и никто не позволит нам с вами игнорировать официальную документацию... А насчет вашей зарплаты вы не беспокойтесь,— с наигранной бодростью добавил он,— пока перебьетесь как-нибудь, а восстановитесь в живых — сразу получите за несколько месяцев...

— За несколько месяцев я же с голоду помру! — воскликнул Петухов.

— Не советую! — строго сказал Фикусов.— Этим вы очень запутаете все дело.

— Что же мне делать? — в отчаянии рухнул в кресло для посетителей Петухов.

— Для вашего восстановления в живых вам нужно представить официально заверенную справку, удостоверяющую, во-первых, что покойник — это не вы, и, во-вторых, что вы не покойник...

— Где я возьму такую справку? — нервно огрызнулся Петухов.— В милиции? Им же нужно представить отношение с места работы!

— Это пожалуйста! Все, что от меня зависит! Любую справку!

Фикусов с готовностью придвинул к себе стопку служебных бланков и торопливо застрочил: «...Податель сего т. Петухов С. Д., умерший 16-го числа сего месяца...»

— Что ж ты пишешь?! — в отчаянии закричал Семен Данилович.— Как же на основании справки о том, что я умер, мне дадут справку, что я жив? Это же невозможно! Ты им напиши, что я живой...

Фикусов, отодвинув бумаги, удивленно и даже несколько обиженно поднял глаза на Петухова:

— То есть вы хотите, чтоб я, имея справку, что вы умерли, сам написал, что вы живой?.. Вы же сами говорите, что это невозможно!

Петухов встал и вытер со лба холодный пот.

— Черт с тобой! — решительно сказал он.— Пойду и возьму справку с места жительства.

— Но места жительства-то у вас нет! — в отчаянии воскликнул Фикусов.

— Как это нет? — остолбенел Петухов.— А моя квартира?

— Квартирку вашу я, разумеется, уже опечатал,— смущенно объяснил исполнительный заместитель.— И из домовой книжечки вас, конечно, выписал. Не мог же я ведомственную площадь держать, извините, за мертвой душой! Малейшая ревизия — и я пропал!

— Я пропал...— как эхо, повторил Петухов и безвольно опустился в кресло.

Ему стало ясно, что заколдованный круг замкнулся: формально он действительно мертв, и им с Фикусовым не найти законного способа вернуть его, Петухова, в ряды живых. Но он все же сделал последнюю попытку.

— Слушай, Илья Филиппович,— почти замогильным голосом обратился он к Фикусову,— ты все-таки войди в мое положение. Ну, поставь себя на мое место...

— Как раз вам хорошо! — завистливо вздохнул Фикусов.— Вы для всех умерли, даже для ревизоров... Вы в порядке. А вот вы поставьте себя на мое место! Мне же за такие дела голову снимут...

Фикусов снова вздохнул и горько задумался.

— Но как же мне все-таки восстановиться в живых?! — в полном отчаянии воздел руки Петухов к своему траурному портрету.— Как?!.

— Я знаю, как! — вдруг воскликнул его верный заместитель и даже вскочил.— Пишите подробное объяснение на имя начальства! — воскликнул он радостно.— Начальство — это не мы с вами. Нас с вами могут снять с работы за самоуправство. А начальство снимают за другое: начальство снимают с работы как раз за невнимание к живому человеку. И у вас, к счастью, именно этот вопрос: к вам должны проявить чуткость и признать вас живым человеком. Вот увидите, начальство даст нам команду считать вас обратно живым. Начальство тоже не любит, когда его снимают...

Ободренный речью своего заместителя, Петухов занял свое законное место за директорским столом и начал быстро писать.

Через полтора часа подробная докладная записка на имя председателя горсовета Макарова была отправлена адресату.

Записка заканчивалась словами: «Прошу вашего распоряжения мне и моему заместителю с сего числа полагать меня живым. После этого я смогу приступить к исполнению своих обязанностей...»

Когда через час конверт с докладной запиской вернулся обратно, Петухов, дрожа от нетерпения, вырвал его из рук курьера, выхватил из конверта свою объемистую записку и начал быстро листать страницы в поисках установок начальства, которые наносились обычно на полях.

Резолюция Макарова была обнаружена им в самом конце записки, рядом с ее последним абзацем.

В резолюции было всего несколько слов:

«Полагать живым. Возвращаться к исполнению обязанностей не надо».

Петухов помертвел и рухнул снова в кресло для посетителей.

Еще час назад он был формально мертв и поэтому безучастен ко всем перипетиям служебной карьеры.

Теперь он был жив. И он страдал.

Почему мы так говорим

ЛАК

Издавна Русь вела торговлю с заморскими странами. В XIV—XV веках внешняя торговля в основном распространялась на юг и юго-восток. Русь вывозила главным образом меха, кожу, холсты, мед, воск, ловчих птиц — соколов, кречетов, ястребов,— «рыбий зуб» (моржовую кость), продукты ремесел. Ввозились к нам драгоценные камни, жемчуг, шелковые ткани, атлас, перец, мыло, пряности. Ладан попадал к нам из Южной Аравии, пряности — из Индии. Из Индии же привозили некоторые краски и лаки.

А вместе с лаками появилось и слово «лак».

Но первоначально в Индии это слово значило «100 000».

Лак — это сгустившийся сок растений. Сок этот выступал в местах ранения ткани растений уколами бесчисленных мельчайших насекомых. Для передачи множественности уколов, дававших сок, пользовались словом «100 000», которое потом и стало названием застывшего сока.

СКВОЗЬ ДЫМКУ

Сквозь дымку мы видим неясные, расплывчатые очертания: «сквозь дымку тумана», «как сквозь дымку»...

Естественно предположить, что «дымка» происходит от «дым»: «через тонкую пелену дыма».

На самом деле дымка — старинная тонкая бумажная полупрозрачная материя. Этим первоначальным значением слова «дымка» пользуется А. Грибоедов в «Горе от ума»:

Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам;
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой...

Кстати: другая полупрозрачная материя — «газ» — названа так не потому, что она легка или прозрачна, как газ. Материя газ носит имя древнего города Газы, завоеванного в 1100 году крестоносцами, привезшими из него в Европу незнакомые ранее легкие восточные ткани.

И. УРАЗОВ

Из почты «Огонька»

ДВОРЕЦ ИЗ ГЛИНЫ

История мировой архитектуры знает немного образцов крупных сооружений из земли, сохранившихся до наших дней. Дворец-замок в Гатчине (под Ленинградом) является редчайшим примером такого сооружения.

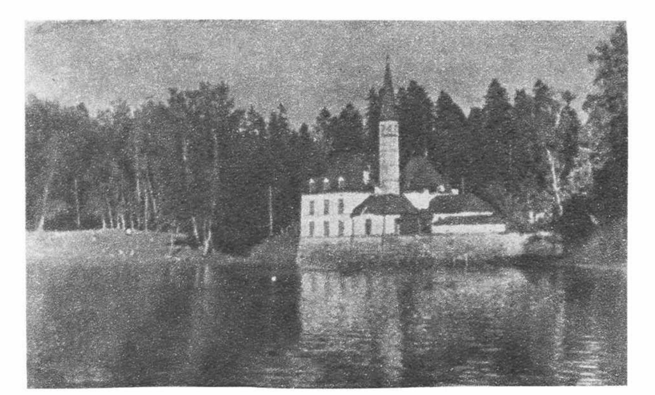
Дворец отмечает в этом году 155 лет своего существования. Специальные обследования показали, что материал, из которого сложены его стены, с годами становится крепче. На него не повлияли ни годы, ни суровые условия северного климата, ни даже сотрясения от взрывов бомб и снарядов в годы войны.

Создатель этой оригинальной постройки — известный русский зодчий XVIII века Н. А. Львов.

При постройке дворца он впервые в европейской практике использовал в качестве строительного материала серую глину, обработанную по рецепту, им самим составленному. Все в этой постройке, кроме фундамента да высокой сторожевой башни, сложенных из местного камня, сделано из глины.

Ф. ГРОШИКОВ

Ленинград.



Старинный проект здания МГУ

Мало кому известно, что идея строительства здания для Московского университета на Ленинских (бывших Воробьевых) горах существовала уже во второй половине XVIII века.

В архивах сохранилась докладная записка «О нуждах и недостатках Московского Университета», которая была подана императрице Екатерине II в 1775 году. Составители записки, прося об увеличении средств университета, указывали одновременно на крайнюю нужду его в новых зданиях для учебных и иных целей.

«А если бы ее императорское величество всемилостивейше благоволила повелеть для университета,— писали авторы записки,— построить дом вне города Москвы, однакож по близости оного, например, на Воробьевых горах, близ села Голенищева, или отдать под оный старый Лефортовский дом с окололежащими местами, или же отвести для строения оного способное место поблизости от реки, то от сего произошли бы отменные выгоды, как для университета самого, так и для всех, к оному принадлежащих».

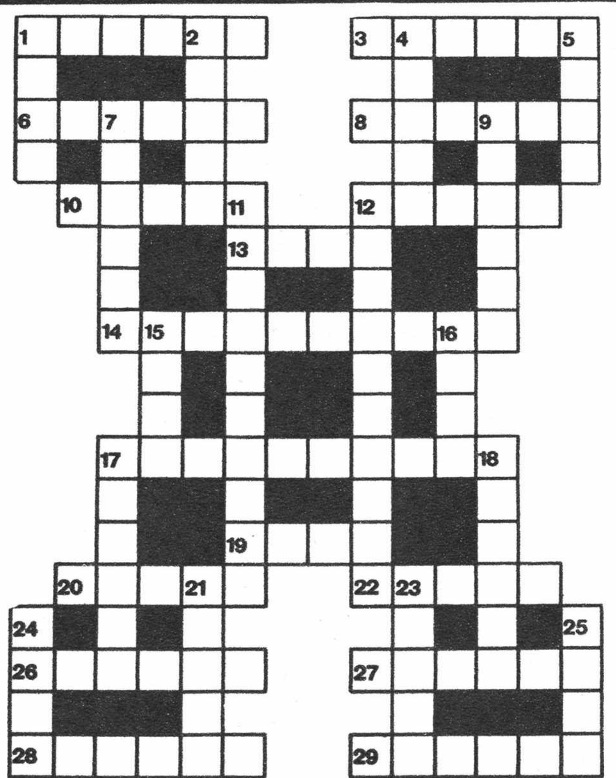
В записке указывалось, что на Воробьевых горах университет мог бы заложить ботанический сад, построить астрономическую обсерваторию, больницу, анатомический театр, бумажную фабрику для нужд университетской типографии, испытывавшей затруднения с бумагой, жилые дома для профессоров и студентов.

Значительное внимание уделили авторы записки физическому воспитанию студентов. Они указывали, что на Воробьевых горах учащиеся «в свободное от учения время будут иметь место для прогуливания и забав на чистом воздухе, ко увеселению и ободрению своему, что и здоровью их немало способствует; но сего однако теснота места внутри города отнюдь не позволяет». Для студенческих «забав» намечалось строительство манежа.

Это предложение не было принято царским правительством.

Л. СВЕТЛОВ

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Сплав меди с оловом. 3. Заключительная часть литературного произведения. 6. Книга писателя Айни. 8. Город в Калужской области. 10. Спортивная лодка. 12. Сложный, запутанный случай. 13. Персонаж из оперы П. И. Чайковского «Чародейка». 14. Путешествие с исследовательской целью. 17. Сказочное, созданное творческим воображением. 19. Дикий бык. 20. Драматическое произведение. 22. Архитектурный стиль. 26. Выправка, манера держаться. 27. Поощрение. 28. Режущий вращающийся инструмент. 29. Зимний спортивный инвентарь.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Семена хлебных злаков. 4. Лопасть пароходного колеса. 5. Дерево. 7. Вторая по величине река в Китае. 9. Люди, взаимно преданные. 11. Заключение специалистов. 12. Рисунок комического, сатирического содержания. 15. Рыба из семейства лососевых. 16. Государство в Азии. 17. Тончайший металлический листок. 18. Безбожие. 21. Хищная птица. 23. Сибирский олень. 24. Вид спорта. 25. Душистая трава.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. Изобретение. 9. Балерина. 10. Скипидар. 12. Фриз. 13. Кондуктор. 14. Карп. 18. Аммонал. 21. Вентиль. 22. Цветник. 23. Уста. 24. Явка. 25. Преподаватель. 26. Кора. 28. Азия. 29. Гадолин. 30. Словаки. 31. Австрия. 34. Сера. 35. Монтажник. 36. Роса. 39. Фурманов. 41. Микрофон. 42. Воскресенск.

По вертикали:

1. Полигон. 2. Арба. 3. «Утес». 4. Антипод. 5. Идея. 6. Еник. 7. Баринова. 8. Гарантия. 11. Субстратостат. 12. Фемистоклюс. 15. Поликлиника. 16. Макаренко. 17. Щеголеева. 19. Автомат. 20. Виварий. 27. Аквариум. 28. Антропов. 32. Горнист. 33. Диккенс. 37. Умов. 38. Толк. 40. Вари. 41. Мост.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

НА СЕНЕ

На реке Сене под Парижем плывет лодка. В ней сидит молодой человек и лихорадочно черпает воду, врывающуюся сквозь пробоину. На берегу стоит американец. Он кричит юноше:

— Хэлло, парень! Давайте помогу вам!

Юноша, внимательно взглянув на американца, кричит ему в ответ:

— Нет, не надо!.. Лодку еще можно спасти!..

«Фришер винд».

НЕ МЫТЬЕМ, ТАК...

Руководитель боннского финансового ведомства дал интервью репортеру:

— Категорически заявляю вам, что для финансирования военной программы никакие новые налоги не будут введены.

Репортер:

— Но как же вы тогда рассчитываете финансировать вооружения?

— Мы только повысим старые налоги...

«Нойе берлинер иллюстрирте».

ПРИЕХАЛ «БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Мистер Джемс Бренквайн отправился в поездку по Африке с целью содействовать «развитию экономически отсталых районов». Когда, покинув приморский город, Бренквайн поехал вглубь страны, до его слуха донеслись беспрерывные трубные сигналы. В первой же деревне Бренквайн спросил одного из местных жителей, что означают эти звуки. Негр ответил:

— Трубы оповещают о твоем прибытии...

Польщенный мистер Бренквайн расплылся в самодовольной улыбке, но негр тут же добавил:

— ...чтобы все успели попрятаться.

«Фришер винд».

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин В. М. Васнецова и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Оформление Л. Шумана.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

А 04144. Подп. к печ. 13/X 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 792. Заказ 2490. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Отары овец колхоза-миллионера «Восток», Луговского района, Джамбулской области, Казахской ССР, спускаются с летних горных джайляу на зимнее пастбище.

Фото М. Галкина.

Цена 3 руб